«Дракон Его Величества отправляется на исторические роды...»

Наоми Новик

Нефритовый трон

Нефритовый трон
Наоми Новик

Аннотация
Наоми Новик. Нефритовый трон
Часть первая
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
Часть вторая
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
Часть третья
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
  Глава 16
  Глава 17

Краткий обзор восточных пород с замечаниями относительно научного драконоводства

Аннотация

Наполеоновские войны с участием драконов. Ящеры, выполняющие роль «разумных самолетов». Легендарные монстры, носящие офицерское звание и преподающие людям-"авиаторам" — непростое искусство полета на драконах.

Казалось бы, дальше ехать уже некуда…

Однако на Европу с брезгливым презрением взирает Азия, где драконы и вовсе занимают высокие придворные должности, пишут мудрые философские трактаты и по закону имеют право поступать на службу лишь к членам императорской семьи!

И сейчас Китай пребывает в глубочайшем шоке. Оказывается, дракон, принадлежавший к одной из самых знатных семей Поднебесной, не просто живет в Англии, но и состоит там на военной службе!

Потрясение основ и оскорбление величия надо немедленно прекратить.

В Лондон отправляется официальное посольство, цель которого — немедленно вернуть дракона на историческую родину,

хочет он того или нет…

Наоми Новик
Нефритовый трон

Памяти Хавы Новик — с надеждой написать когда-нибудь книгу ее мечты.

Часть первая

Глава 1

День выдался не по сезону теплым для ноября, но зал Адмиралтейства из преувеличенного почтения к китайским послам был жарко натоплен. Лоуренс, одевшийся парадно по случаю торжественного события, стоял у самого камина, и подкладка его суконного мундира постепенно намокала от пота.

Над дверью, позади лорда Барэма, помещался диск с большой стрелкой, указывающей направление ветра над Каналом. Сегодня ветер дул на северо-северо-восток и был благоприятен для Франции. Хотелось надеяться, что корабли британского флота бдительно следят за французскими гаванями. Лоуренс держался очень прямо, развернув плечи, и не отрывал глаз от круглой шкалы. Встречаться с холодным недружелюбным взглядом, устремленным прямо на него, он не имел никакого желания.

Барэм, закончив говорить, кашлянул в кулак. Истинный морской волк плохо справлялся с заготовленной речью, в конце каждой вымученнно-изысканной фразы он останавливался и с нервозной угодливостью поглядывал на ки-

тайцев. При других обстоятельствах Лоуренс посочувствовал бы ему. Официальная нота и даже посольство ожидались давно, но никто не предполагал, что китайский император пошлет в Британию своего брата.

Одно лишь слово принца Юнсина могло привести к войне между обеими странами. Непроницаемое молчание, с которым он слушал Барэма, роскошь его темно-желтого, расшитого драконами одеяния, постукивание длинного, украшенного драгоценностями ногтя по ручке кресла — все в его персоне внушало невольный страх.

Его свита заполонила весь зал. Принца сопровождало с дюжину телохранителей, преющих в своих стеганых доспехах, и столько же слуг, о чьих обязанностях оставалось только гадать. Сейчас они все выстроились у дальней стены, пытаясь освежить воздух с помощью опахал. За спиной у Юнсина стоял еще один человек — видимо, переводчик: после наиболее утонченных пассажей Барэма принц делал ему знак, и он начинал говорить.

По обе стороны от принца сидели еще два посланника. Их Лоуренсу представили очень кратко, и никто из них пока не произнес ни сло-

ва. Младший, Шун Кай, держался спокойно и внимательно слушал переводчика. Старший, с брюшком и редкой седой бородкой, явно изнемогал от жары: голова его склонилась на грудь, рука с веером едва шевелилась. Темно-синие шелка обоих вельмож пышностью почти не уступали одеждам принца, и втроем они представляли внушительное зрелище: такое посольство Запад наверняка видел впервые.

Даже дипломат много лучше Барэма испытал бы в такой ситуации приступ подобострастия, но Лоуренс сегодня был не склонен прощать. Еще сильнее, впрочем, он негодовал на самого себя — за необоснованные надежды на лучшее. Он пришел сюда с твердым намерением отстоять свое дело и втайне ожидал, что получит отсрочку. Вместо этого его отчитали в таких выражениях, которые он постеснялся бы применить к зеленому лейтенанту — и это в присутствии чужеземного принца. Можно подумать, что эти трое китайцев — судьи, призванные вынести ему приговор. Он молчал, пока мог, но тут Барэм добавил:

— Мы, естественно, намерены дать вам впоследствии другого детеныша, капитан. — Эти слова, произнесенные крайне снисходительным тоном, наконец-то вывели Лоуренса из себя.

— Виноват, сэр, — произнес он, — но я отказываюсь. Что до моего будущего, прошу вас о нем не заботиться.

Адмирал Повис из воздушного корпуса, занимавший место рядом с Барэмом, хранил молчание с самого начала переговоров. Не нарушил он его и теперь — лишь покачал головой, не выказав ни малейшего удивления, и сложил руки на объемистом животе. Барэм, метнув на него яростный взгляд, повернулся к Лоуренсу:

— Быть может, капитан, я неясно выразился. Вашего мнения здесь не спрашивают. Вы получили приказ — потрудитесь его исполнять.

— Раньше меня повесят. — Лоуренс, казалось, забыл, что обращается к первому лорду Адмиралтейства. Будь он по-прежнему морским офицером, подобная дерзость положила бы конец его карьере, да и авиатору вряд ли следовало говорить нечто подобное. Но если Отчаянного собираются отправить обратно в Китай, с авиаторской службой все равно можно проститься: он никогда не согласится опекать другого дракона. Будучи уверен, что с Отчаянным никто сравниться не может, он непременно наделил бы детеныша чувством неполноценности. В корпусе и без него хватает офицеров, жаждущих полу-

чить дракона на воспитание.

Юнсин промолчал и лишь слегка поджал губы. Его свита перешептывалась между собой по-китайски. В этом шепоте Лоуренс уловил явственный оттенок презрения, предметом которого был не столько он, сколько Барэм. Первый лорд, видимо, тоже понял это, и лицо его, вопреки усилиям сохранить спокойствие, покрылось красными пятнами.

— Если вам вздумалось устроить бунт в Уайтхолле, Лоуренс, вы скоро поймете свою ошибку. Вы забываете, что долг перед страной и королем выше долга перед драконом.

— Это вы, сэр, кое о чем запамятовали. Именно долг побудил меня надеть на Отчаянного сбрую, пожертвовав своей службой на флоте. Между тем, я тогда еще не знал, какой он породы, и то, что он окажется селестиалом, мне даже в голову прийти не могло. Именно из чувства долга мы с ним прошли трудную выучку и стойко переносили опасности новой службы. Повинуясь долгу, я вел его в бой и просил не щадить своей жизни. Никто не заставит меня отплатить ему обманом за верность.

— Ну довольно, — прервал его Барэм. — Можно подумать, от вас требуют отдать в чужие руки

своего первенца. Мне жаль, что вы привязались к своему питомцу так сильно, однако…

— Отчаянный — не мой питомец и не моя собственность, сэр, — отрезал Лоуренс. — Он послужил Англии и королю не меньше, чем я или вы, а теперь вы просите, чтобы я солгал ему, потому что он не желает возвращаться в Китай. Что осталось бы от моей чести, если бы я согласился на это? Я не понимаю, — добавил он, не в силах более сдерживаться, — как вы вообще могли предложить мне нечто подобное.

— Черт вас возьми, Лоуренс! — гаркнул Барэм. Он много лет провел в море, прежде чем войти в правительство, и моряк в критических ситуациях всегда брал верх над политиком. — Он китайский дракон, поэтому в Китае ему, надо полагать, понравится больше, чем тут. В любом случае он принадлежит им, и это решает дело. Правительство его величества не может допустить, чтобы англичанина называли вором.

— Полагаю, что должен отнести ваши слова на свой счет. — Если бы Лоуренс уже не сварился наполовину, то сейчас непременно побагровел бы. — Так вот, сэр: это обвинение я полностью отвергаю. Присутствующие здесь джентльмены не отрицают, что подарили яйцо французам; мы

захватили его вместе с французским фрегатом; Адмиралтейство же, как вам отлично известно, признало то и другое законным трофеем. Не вижу причин, по которым Отчаянный должен принадлежать им. Если они так озабочены тем, что упустили селестиала, не надо было отдавать яйцо Франции.

— Да, верно, — неожиданно произнес Юнсин. Он говорил по-английски с сильным акцентом, медленно и чересчур правильно, но это лишь придавало веса его словам. — Отправлять второе яйцо Лун Тен Цянь за море было, бесспорно, чистейшим безумием.

Оба англичанина умолкли, и знаток языков перевел слова принца остальным. После этого голос впервые подал Шун Кай: он что-то сказал на своем языке, но, заслужив резкий взгляд принца, почтительно склонил голову. Лоуренс понял это так, что у других членов посольства может быть свое мнение, но ответ Юнсина, судя по тону, не поощрял их высказывать оное.

— Однако, вопреки несчастной случайности, по которой яйцо оказалось у вас, — продолжал по-английски принц, — Лун Тен Сян предназначался в дар французскому императору. Он рожден не для того, чтобы носить на себе простого солдата.

Лоуренс, взбешенный этим «простым солдатом», впервые посмотрел прямо в холодные глаза принца.

— Мы с Францией находимся в состоянии войны, сэр. Если вам угодно заключать союз с нашим неприятелем и оказывать ему военную помощь, не посетуйте на то, что мы отбираем ваше вспомоществование в честном бою.

— Вздор! — вскричал Барэм. — Китай ни в коей мере не является союзником Франции, и мы не считаем его таковым. А вам, Лоуренс, ни в коей мере не подобает обращаться к его высочеству, — свирепо присовокупил он вполголоса. — Держите себя в руках.

— Вы используете пиратство как довод в свою защиту? — презрительно бросил принц, не обращая внимания на вмешательство лорда. — Обычаи варварских наций нам безразличны. Грабьте друг друга как считаете нужным, если только это не наносит оскорбления императору, как произошло в данном случае.

— Нет, ваше высочество, ничего подобного, — засуетился Барэм, прожигая Лоуренса взглядом. — Его величество и все британское правительство питают к китайскому монарху глубочайшее уважение. О намеренном оскорбле-

нии даже речи не может быть. Будь нам известно, что это за яйцо, мы никогда бы…

— Теперь вам уже все известно, однако вы ничего не сделали для искупления вашей вины. Лун Тен Сян по-прежнему носит сбрую, словно какой-нибудь конь. Он перевозит грузы, подвергается всем опасностям войны, и опекает его простой капитан. Лучше бы это яйцо кануло на дно океана!

Лоуренс с радостью отметил, что Барэм и Повис не меньше его поражены жестокосердием принца. Даже переводчик поморщился и в первый раз не стал доводить до других смысл сказанного.

— Уверяю вас, сэр: знай мы, что вы будете против, сбруя вовсе не была бы надета, — заспешил, опомнившись, Барэм. — Мы постарались всячески возместить Отчаянному… то есть Лун Тен Сяну… все прежние неудобства. Капитану Лоуренсу он, во всяком случае, больше не подчиняется. Вот уже две недели, как мы пресекли их общение.

Напоминание об этих горестных днях окончательно вывело Лоуренса из себя.

— Если кто-то из вас действительно печется о его благе, вам следует руководствоваться его чувствами, а не собственными желаниями, — заявил он, возвысив закаленный многочисленными

штормами голос. — Вы возражаете против сбруи и в то же время просите, чтобы я помог вам надеть на него цепи и увезти его против воли. Знайте же, что этого я не сделаю никогда. Знайте и будьте прокляты!

Барэм, судя по выпученным глазам и упершимся в стол ладоням, охотно заковал бы в цепи самого Лоуренса, но тут в разговор наконец-то вмешался Повис:

— Довольно, Лоуренс, замолчите. Нам незачем больше удерживать его здесь, Барэм. Ступайте, капитан, вы свободны.

Долгая привычка к повиновению взяла свое, и Лоуренс вылетел прочь из зала. Заступничество Повиса скорее всего спасло его от ареста, но он не питал благодарности к адмиралу. Невысказанные слова теснились у него в горле. Он обернулся к захлопнувшейся за ним двери, но беззастенчивое любопытство стоявших на страже морских пехотинцев побудило его овладеть собой и уйти.

Громкий голос Барэма все еще разносился по коридору, но слова уже сделались неразборчивыми. Лоуренс, хмельной от гнева, дышал прерывисто, и ярость застилала ему глаза — конечно же, ярость, а не какие-то жалкие слезы. В приемной Адмиралтейства толпились морские офицеры,

клерки, сановники — был даже один авиатор, доставивший почту. Лоуренс грубо прокладывал себе путь к выходу, засунув дрожащие руки поглубже в карманы.

Скоро он вышел в грохот и суету вечернего Лондона. Рабочий люд расходился по домам ужинать; возницы и слуги, толкавшие кресла на колесах, кричали: «С дороги!» Чувства Лоуренса пребывали в не меньшем беспорядке: его окликнули трижды, прежде чем он услышал.

Он неохотно обернулся, не желая встречаться с бывшими сослуживцами и возвращаться в мир учтивых манер. К его облегчению, это была капитан Роланд. Но как же она оказалась здесь? Ее дракон Эксидиум командовал дуврским отрядом, и получить увольнительную для Роланд было не так-то просто. Во всяком случае, открыто явиться в Адмиралтейство, будучи авиатором-женщиной, она не могла. Существование таких офицеров, обусловленное тем, что драконы-длиннокрылы не признавали мужчин, тщательно скрывалось от публики. Лоуренс, сам поначалу шокированный этим фактом, успел так свыкнуться с ним, что Роланд в партикулярном платье казалась ему нелепой. Юбки и толстый плащ, в который она куталась на манер заговорщицы, совершенно

не шли ей.

— Я совсем запыхалась, преследуя вас, — заявила она, беря его под руку. — Сначала бродила по этим необозримым залам, а затем вы с такой быстротой промчались мимо меня, что я едва успела выскочить следом. Чертовы юбки! Надеюсь, вы оцените, Лоуренс, на какие муки я пошла ради вас. Ну ничего, — добавила она уже мягче. — По вашему лицу я вижу, что дело приняло дурной оборот. Пойдемте пообедаем, и вы мне расскажете все по порядку.

— Спасибо, Джейн, я очень вам рад. — Он позволил ей увлечь себя к гостинице, где она остановилась, хотя и сомневался, что сможет проглотить хоть кусок. — Но что привело вас сюда? Надеюсь, Эксидиум чувствует себя хорошо?

— Превосходно, не считая легкого несварения от обжорства. Но Лили и капитан Харкорт так хорошо справляются с патрульной службой, что Лентон счел возможным отпустить меня на несколько дней. Эксидиум в честь этого события слопал трех жирных коров и едва глаза приоткрыл, когда я сообщила, что еду вас поддержать и оставляю его на Сандерса — это мой новый первый помощник. Потом я спроворила себе вот этот наряд и прилетела в Лондон с курьером. О,

черт! Постойте минутку. — Роланд остановилась, чтобы поправить запутавшийся в ногах подол.

Дальше они двинулись уже более медленным шагом. Мужская походка Роланд и шрам у нее на лице вызывали любопытство прохожих. Она не обращала на это внимания, но Лоуренс начинал свирепо поглядывать на неучтивых зевак.

— Не смотрите так злобно и не пугайте этих бедняжек, — заметила на это она. — Что вам сказали в Адмиралтействе?

— Вы знаете, полагаю, о прибывшем из Китая посольстве. Они хотят забрать Отчаянного с собой, а правительство и не думает возражать. Сам он, очевидно, даже слышать об этом не хочет и гонит их прочь, хотя они уже две недели на него наседают. — Сказав это, Лоренс ощутил острую боль в груди. Он ясно представил себе, как Отчаянный сидит один в старом, заброшенном лондонском запаснике, которым едва ли пользовались последнюю сотню лет. Нет с ним рядом ни Лоуренса, ни офицеров из прежнего экипажа, и некому почитать ему вслух. Все его общество — кучка мелких драконов курьерской службы.

— Конечно же, он ни за что не оставит вас, — сказала Роланд. — Неужели они думают, что он поддастся на их уговоры? Китайцы, насколько

мне известно, слывут непревзойденными знатоками драконов.

— Их принц не скрывает, что ценит меня очень невысоко. Им, вероятно, казалось, что Отчаянный разделяет это мнение и будет рад вернуться домой. Когда же они поняли, что все обстоит иначе, этот негодяй Барэм предписал мне его обмануть. Я должен сказать, что мы получили назначение в Гибралтар, и заманить его на корабль — а когда он поймет, в чем дело, то уже не сможет долететь до земли.

— Отвратительно. — Роланд крепко, почти до боли, стиснула его руку. — Но почему же Повис молчит? Как он мог допустить, чтобы вам предложили нечто подобное? Морскому офицеру, конечно, таких вещей не понять, но Повис должен был объяснить Барэму, что к чему.

— Мне думается, он здесь бессилен — ведь всю ответственность министерство возложило на Барэма. Повис, однако, помешал мне сунуть собственную голову в петлю. Я так рассердился, что собой не владел, и он меня выпроводил.

Они дошли до Стрэнда, и поддерживать разговор стало трудно: приходилось остерегаться серой жижи из сточных канав, которую щедро разбрызгивали тележки и наемные экипажи.

Лоуренс уже остыл, и его гнев уступил место унынию.

С самого дня разлуки он жил надеждой на ее скорый конец. Китайцы поймут, что Отчаянный не желает возвращаться на родину, и Адмиралтейство оставит попытки ублаготворить их. Уверенность в этом лишь ненамного смягчала жестокость приговора, который вынесли им обоим: ведь они ни разу не расставались дольше, чем на сутки, с тех пор, как Отчаянный появился на свет. Лоуренс не знал, куда себя деть, чем заполнить время. Что же сказать о сегодняшнем дне, когда рухнули все надежды? Китайцы не уступают, и министерство так или иначе изыщет способ вернуть им дракона. Барэм ясно дал понять, что они не погнушаются самой беззастенчивой ложью — и Лоуренсу скорее всего не дадут даже проститься с Отчаянным.

Он гнал от себя самую мысль о том, что будет с его собственной жизнью после отправки селестиала в Китай. О новом драконе, разумеется, и речи не может быть, а на флот его обратно не примут. Поступить разве на торговое или частное судно? Но сердце его не лежало к этому, а призовых денег вполне хватало на безбедное существование. Можно даже жениться и зажить деревенским

джентльменом — но эта идиллия, некогда столь желанная, ныне представлялась Лоуренсу тусклой и монотонной.

Хуже того, он ни в ком не встретит сочувствия: прежние знакомые сочтут, что он счастливо отделался, семья возликует; никто не поймет, какую тяжкую утрату он потерпел. В самом деле, не смешно ли так горевать? Авиатором он сделался против воли, из одного чувства долга, и пробыл им менее года. Только другой авиатор — и не просто авиатор, а капитан — способен понять его чувства; но Лоуренс, лишившись Отчаянного, вновь окажется по ту сторону пропасти, отделяющей воздушное братство от всего прочего общества.

В общем зале «Короны и якоря» царило оживление, хотя обеденный час по городским меркам еще не настал. Заведение было не из фешенебельных, и останавливались в нем большей частью сельские жители, привыкшие отводить для еды и питья более разумное время. Это место не слишком годилось для респектабельной дамы, и сам Лоуренс в былые дни вряд ли зашел бы сюда. Завсегдатаи бросали на Роланд весьма красноречивые взгляды, но присутствие плечистого офицера со шпагой на боку удерживало их

от дальнейших поползновений.

Роланд поднялась с Лоуренсом в свои комнаты, усадила его в безобразного вида кресло, налила вина. Он поспешно загородился стаканом от ее сострадательного взгляда, боясь, что мужество окончательно изменит ему.

— У вас того и гляди случится голодный обморок, — сказала Роланд. — Надо срочно подкрепить ваши силы. — Она позвонила, и двое слуг вскоре принесли простой, но сытный обед: жареную птицу, говядину с подливкой, зелень, телячий пирог, тушеную капусту и пудинг на сладкое. Роланд велела поставить на стол все разом, чтобы не морочиться с переменой блюд, и отослала их прочь.

Лоуренс не думал, что он в состоянии что-то съесть, но при виде пищи ощутил голод. Две недели он питался урывками, да и стол в его дешевом пансионе, выбранном из-за соседства с запасником, оставлял желать много лучшего. Сейчас он воздал еде должное, а Роланд тем временем развлекала его свежими новостями.

— Жаль, конечно, терять Ллойда, — сказала она о своем помощнике, — но его хотят приставить к яйцу углокрыла, которое зреет в Кинлох-Лэггане.

— Я, кажется, видел его там, — оживился Ло-

уренс. — Это ведь яйцо Обверсарии?

— Да, и мы возлагаем на него большие надежды. Ллойд, конечно, на седьмом небе, и я за него очень рада, но нелегко привыкать к новому помощнику после пяти лет со старым. Эксидиум и весь экипаж без конца вспоминают, как Ллойд делал то или это. Сандерс, впрочем, добрый малый, и положиться на него можно. Нам его прислали из Гибралтара, когда Грэнби отказался занять этот пост.

— Как отказался? — вскричал Лоуренс в испуге (Грэнби был первым лейтенантом у него самого). — Надеюсь, он не из-за меня это сделал?

— Боже, так вы не знали? — не меньше него всполошилась Роланд. — Он очень мило со мной говорил — сказал, что весьма мне обязан, но со своей должности уходить не хочет. Я была в полной уверенности, что он советовался на этот счет с вами — думала, у вас появился повод надеяться.

— Нет, — тихо ответил Лоуренс, — не советовался. Как бы ему вовсе не остаться без места — жаль слышать, что он упустил такой случай. — В корпусе на отказ Грэнби, несомненно, посмотрят косо. Офицер, отвергнувший одно предложение, не скоро дождется следующего, а у Лоуренса те-

перь вряд ли будет возможность ему помочь.

— Чертовски сожалею, что расстроила вас еще больше, — посетовала Роланд. — Знаете, адмирал Лентон почти не трогал ваш экипаж, только отдал несколько человек Беркли, который оказался в отчаянном положении. Мы все думали, что Максимус больше не будет расти, и ошиблись: после вашего отъезда он вымахал в длину еще на пятнадцать футов. — Ее попытка вернуться к легкому разговору, однако, не удалась: Лоуренс, положив нож и вилку, отодвинул полную наполовину тарелку.

На улице уже смеркалось, и Роланд задернула шторы.

— Не хотите ли послушать концерт?

— Буду счастлив сопровождать вас, — машинально ответил он.

— Нет-нет, я вижу, что вы не хотите. Ступайте-ка в постель — незачем сидеть и печалиться понапрасну.

Они потушили свечи и легли.

— Не имею ни малейшего понятия, что мне делать, — произнес Лоуренс: темнота способствовала откровенным признаниям. — В разговоре с вами я назвал Барэма негодяем и не могу простить ему, что он побуждал меня лгать. Такое

поведение недостойно джентльмена. Но ведь по натуре он не столь низок и никогда не пошел бы на это, будь у него выбор.

— Мне противно слышать, как он раболепствует перед этим чужеземным принцем, — сказала, опершись на локоть, Роланд. — В бытность мою мичманом я как-то оказалась в Кантоне — наш транспорт кружным путем шел из Индии. Их джонки с виду даже сильный ливень едва ли способны выдержать, не говоря уж о шторме. Если Китай и завяжет с нами войну, своих драконов через океан они переправить не смогут.

— Я сам поначалу так думал. Но чтобы прервать торговлю с нами или нарушить наше сообщение с Индией, драконы им не понадобятся. Кроме того, они граничат с Россией. Атакуют царя с востока, и антифранцузская коалиция сразу развалится.

— От русских на войне толку пока было немного, зато шуму хоть отбавляй. Дурные манеры одними только деньгами не искупаются — это относится и к человеку, и к нации. У нас всегда недоставало финансов, однако мы все-таки исхитрились подбить Бонапарту глаз. Хороши и наши высокие чины: как можно было разлучать вас с Отчаянным! Барэм вас совсем к нему не пускает?

— Нет — вот уже две недели. В запаснике есть один порядочный парень: он передает Отчаянному весточки от меня и рассказывает, как тот поживает, но если он меня пустит туда, дело кончится трибуналом для нас обоих. Впрочем, меня этим теперь уже, пожалуй, не остановишь.

Год назад Лоуренс и помыслить не мог, что способен произнести нечто подобное, но честность не позволила ему умолчать. Роланд, сама авиатор, и не подумала возмущаться. Она лишь погладила его по щеке и заключила в объятия, пытаясь хоть как-то утешить.

Среди ночи Лоуренс внезапно проснулся. Роланд не было рядом, в дверях стояла со свечкой зевающая служанка. Передав постоялице запечатанный пакет, девушка с нескрываемым интересом воззрилась на лежащего в постели мужчину. Лоуренс виновато покраснел и поспешил убедиться, что прикрыт надлежащим образом.

Роланд сломала печать и взяла у горничной свечку.

— Вот вам, ступайте, — сказала она, вручив девушке шиллинг и бесцеремонно захлопнув дверь у нее перед носом. — Мне придется покинуть вас, Лоуренс. Из Дувра сообщают, что в Гавр под

охраной драконов следует французский конвой. В охране имеется флам-де-глуар,[1] и флот без воздушной поддержки не обойдется.

— А не сообщают они, сколько в этом конвое судов? — Лоуренс поспешно натягивал бриджи. Огнедышащий дракон — худшее, с чем может столкнуться военный корабль даже и при наличии воздушной поддержки.

— Около тридцати — и все, можно не сомневаться, битком набиты боеприпасами. — Роланд туго заплела волосы в косу. — Вы мой мундир не видели?

За окном уже светало, нужды в свечах почти не было. Лоуренс отыскал мундир, подал его Роланд. Часть его сознания уже прикидывала, сколько английских кораблей выделят для преследования каравана и сколько французских судов сумеет все же достичь безопасной гавани: в Гавре очень сильная артиллерийская батарея. Ветер, если он не переменился со вчерашнего дня, благоприятен для бонапартистов. Тридцать кораблей, груженных железом, медью, ртутью и порохом! На море Бонапарт после Трафальгара, положим, не страшен, но на суше он остается властелином

---

[1] Примечания: 1

пламя славы (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Европы, и этот груз позволит ему продержаться еще много месяцев.

— И плащ, пожалуйста, — попросила Роланд. Она подняла капюшон и закуталась, полностью скрыв свой мужской костюм. — Ну вот, превосходно.

— Подождите минутку, я с вами. — Лоуренс тоже облачился в мундир. — Надеюсь принести вам кое-какую пользу. Если Беркли не хватает людей, я могу по крайней мере скидывать абордажников. Позвоните горничной, и пусть ваш багаж отправят в мой пансион.

В этот ранний час на улицах было еще пустовато. Дребезжали зловонные повозки золотарей, труженики шли на работу, служанки, постукивая деревянными башмаками, торопились на рынок, пастухи гнали скот, дышащий белым паром. Ночью на город опустился холодный, липнущий к коже туман. Роланд, пользуясь немноголюдностью, не слишком заботилась о маскировке и шла быстро, почти бежала.

Лондонский запасник располагался неподалеку от Адмиралтейства, в западной части города, но окружали его ветхие, полуразвалившиеся дома. Здесь, по соседству с драконами, селилась только беднота, не могущая позволить себе ни-

чего лучшего. Тощие ребятишки подозрительно выглядывали наружу, заслышав шаги незнакомцев. Сапоги капитанов проламывали тонкий ледок, затянувший канавы, и за ними шлейфом тянулась вонь.

На этих улицах и вовсе не было ни души, но из тумана вдруг, подобно зловещему призраку, выкатилась телега. Роланд едва успела оттащить в сторону Лоуренса. Возница, чуть было не переехавший их, свернул за угол, не помышляя об извинениях.

Лоуренс горестно посмотрел на свои парадные, заляпанные грязью бриджи.

— Ничего, — утешила его Роланд. — Высохнет — отвалится, притом в воздухе до этого никому нет дела. — Лоуренс не разделял ее оптимизма, но время не позволяло медлить, и они устремились дальше.

Железные ворота запасника, словно противостоя убогой округе и унылой погоде, весело сверкали свежей черной краской и медными начищенными засовами. Рядом, вопреки обыкновению, несли караул два морских пехотинца в красных мундирах, прислонив мушкеты к стене. Дежурный привратник отдал Роланд честь, солдаты же при виде ее несколько расте-

рялись: сползший плащ позволял рассмотреть три золотых капитанских полоски вкупе с весьма пышными формами.

Лоуренс, заслоняя ее собой, прошел в открытые привратником ворота.

— Спасибо, Пэтсон; нам нужен курьер из Дувра.

— Думаю, он вас ждет, сэр. — Пэтсон, вновь запирая ворота, ткнул большим пальцем через плечо: — Прямо там, на первой лужайке. А насчет этих не беспокойтесь, — добавил он, имея в виду морских пехотинцев. Рядом с совсем юными часовыми Пэтсон, бывший бронемастер, казался просто гигантом, а повязка на выжженном глазу делала его особенно грозным. — Я их вышколю как следует, будьте покойны.

— Да, Пэтсон, благодарю вас. Что делают здесь эти вареные раки? — выразила удивление Роланд, немного отойдя от ворот. — Хорошо еще, что это не офицеры. Двенадцать лет назад один армейский служака увидел капитана Сен-Жермен, которая была ранена при Тулоне. Он поднял по этому поводу страшный шум, и дело чуть не попало в газеты.

Бордюр деревьев и зданий, отгораживавший запасник от улицы, был не слишком широк. Ка-

питаны быстро дошли до первой лужайки, где едва мог расправить крылья дракон-средневес. Курьер, молодая самка винчестера в полной сбруе, действительно дожидался их. Она еще не достигла зрелости, на что указывали ее пурпурные крылья.

— Холлин! — воскликнул Лоуренс, радостно пожимая руку ее капитана. Ему было очень приятно увидеть бывшего начальника своей наземной команды в офицерском мундире. — Так это ваш дракон?

— Ну да, Элси, — ответил сияющий Холлин. — Это капитан Лоуренс, Элси, — я тебе про него рассказывал.

Винчестерка вылупилась неполных три месяца тому назад и была маленькой даже для своей мелкой породы, но лоснящаяся чистотой шкурка показывала, что ухаживают за ней с большим тщанием.

— Так ты капитан Отчаянного? Большое тебе спасибо за моего Холлина, — прощебетала она и так нежно ткнула своего опекуна мордой, что он едва устоял на ногах.

— Очень приятно — я рад, что оказался тебе полезен. — Лоуренс немного приободрился, хотя ему тяжело было сознавать, что Отчаянный тоже

здесь, рядом. Их разделяют каких-нибудь пятьсот ярдов, а он даже поздороваться с ним не может. Капитан все же оглянулся по сторонам, но не увидел ни единого проблеска черной шкуры.

— У вас все готово? — спросила Роланд. — Вылететь нужно незамедлительно.

— Готово, сэр, вот только почту получим, — отвечал Холлин. — В вашем распоряжении еще пять минут — можете поразмять ноги перед полетом.

Искушение было очень велико, но дисциплина не позволяла Лоуренсу поддаться ему. Одно дело — прямо отказаться выполнять бесчестный приказ, другое — украдкой обойти тот, что тебя не устраивает. Такое правонарушение с его стороны могло бросить тень и на Холлина, и на Роланд.

— Я зайду в казармы, поговорю с Джарвисом, — промолвил Лоуренс и отправился к смотрителю, которому поручили заботиться об Отчаянном.

Джарвис, уже немолодой человек, когда-то шибанулся о бок дракона, при котором служил портупейщиком. Ему сильно урезали левую руку и левую ногу, но он, вопреки предсказаниям, выжил и был отправлен в Лондонский запасник, на легкую службу. Теперь он ковылял на деревяшке, носил вместо кисти железный крюк, не любил се-

бя утруждать и отличался неуступчивым нравом; но Лоуренс охотно слушал его истории и потому находил у старика радушный прием.

— Не передадите ли ему пару слов от меня? — попросил капитан, вежливо отказавшись от чашки чая. — Я отправляюсь в Дувр, чтобы оказать там посильную помощь; не хочу, чтобы Отчаянный волновался, ничего обо мне не слыша.

— Передам, как же; сам и прочту. Он в этом нуждается, бедолага. — Джарвис принес перо с чернильницей, и Лоуренс стал писать на обороте какого-то обрывка бумаги. — Этот адмиралтейский жирняга опять заявился, всего полчаса назад. Притащил с собой целую кучу морской пехоты, ну и китайцы, вестимо, при нем. Они и посейчас тут — все уши нашему прожужжали. Вряд ли он станет есть, если они скоро не уберутся, и нечего мне за это пенять. Чертов флотский много о себе мнит, а сам ни шиша в драконах не смыслит. — Тут Джарвис спохватился и добавил: — Простите великодушно, сэр.

Рука у Лоуренса дрогнула, обрызгав записку чернилами, перо застопорилось. Капитан ломал голову над продолжением, но в следующий миг ему пришлось вовсе оставить затею с письмом.

Чернильница покатилась на пол, стол опрокинулся, в уши ударил шум, сравнимый только с ревом шторма на Северном море.

Лоуренс, отшвырнув прочь перо, бросился к двери, Джарвис ковылял следом. Гул еще стоял в воздухе. Элси сидела на задних лапах, трепеща крыльями, Холлин и Роланд пытались успокоить ее. Прочие драконы в запаснике тоже встревожились и шипели, высовывая головы из-за деревьев.

— Лоуренс! — позвала Роланд, но он уже мчался по тропке, бессознательно схватившись за рукоять шпаги. Далеко ему, впрочем, убежать не пришлось: путь преградили руины одного из казарменных зданий и поваленные стволы.

За тысячу лет до того, как римляне начали приручать драконов, китайцы уже в полной мере овладели этим искусством. Восточные мастера, ставя превыше всего красоту и ум, презрительно взирали на умение выдыхать огонь и плевать кислотой, которое так ценили на Западе; воздушные легионы Китая были столь многочисленны, что с легкостью обходились без этих дешевых штучек. Но не ко всем боевым талантам драконоводы относились с тем же пренебрежением: вершиной их мастерства стала порода селестиа-

лов, где утонченность и острый ум сочетались с «божественным ветром» — способностью извергать рев, превышающий мощью артиллерийский огонь.

Лоуренс наблюдал это явление лишь раз, во время битвы при Дувре, когда Отчаянный обратил свой дар против французских воздушных транспортов. Здесь от него пострадали безвинные деревья, превратившиеся в щепу, и стены, ставшие грудами битого кирпича. Причиной таких разрушений могли стать разве что ураган или землетрясение. Поэтическое название, которое китайцы дали таланту селестиалов, начинало казаться Лоуренсу как нельзя более точным.

Морские пехотинцы, потрясенные и бледные от ужаса, отошли к окружавшим лужайку кустам. Из всех англичан на линии огня устоял один Барэм, китайцы же, исключая принца Юнсина, благоговейно простерлись ниц.

Отчаянный высился во весь свой немалый рост за вывороченным с корнями дубом, положив на него переднюю лапу.

— Не смей говорить мне таких вещей, — сказал он, нагнув голову к Барэму. Дракон оскалил зубы, жабо у него на шее гневно встопорщилось. — Я тебе нисколько не верю и не желаю слушать твои

лживые речи. Лоуренс ни за что не согласился бы взять другого дракона. Если его куда-то услали, я отправлюсь за ним, если же с ним сделали что-то плохое… — Грудь у него стала надуваться, как парус от ветра — селестиал готовился к следующему выдоху.

— Отчаянный! — закричал Лоуренс, карабкаясь через завал и съезжая на поляну, весь утыканный щепками. — Не надо, я здесь!

Дракон, услышав его, в два шага пересек лужайку. Сердце Лоуренса часто забилось, но вовсе не страх был тому причиной. Отчаянный свернулся вокруг него, окружив капитана блестящей черной стеной своего туловища, и приник к нему головой.

Лоуренс обхватил руками его морду, такую мягкую.

— Ты только не уходи снова, — просительно рокотнул дракон.

— Голубчик мой, — только и сумел выговорить Лоуренс.

Это блаженное единение длилось, однако, всего один миг.

— Лоуренс! — позвала Роланд из-за живой стены. — Отчаянный, будь умницей, развернись чуть-чуть. — Отчаянный неохотно послушался,

продолжая загораживать Лоуренса от Барэма и прочей компании. — Вы не могли не вмешаться, — сказала Роланд, нырнув под его переднюю лапу, — но только знаток драконов способен это понять. Не позволяйте Барэму толкать вас на новые крайности. Отвечайте ему почтительно и делайте все, что он говорит. Поверьте, мне очень не хочется бросать вас в такой ситуации, но почту уже принесли, и даже минута может иметь решающее значение.

— Разумеется, — ответил ей Лоуренс. — В Дувре, видимо, ждут вас, чтобы начать атаку. Не беспокойтесь за нас.

— Атаку? Там будет бой? — Отчаянный наставил когти и посмотрел на восток, словно видя, как поднимается в воздух знакомая эскадрилья.

— Отправляйтесь и берегите себя, — торопливо промолвил Лоуренс. — Извинитесь за меня перед Холлином.

— Вы тоже постарайтесь не волноваться! — кивнула она. — Я еще до взлета поговорю с Лентоном. Корпус не останется равнодушным к вашей судьбе. Мало того, что они разлучили вас — они оказали непозволительное давление на дракона и встревожили весь прочий состав запасника.

— Не беспокойтесь и не задерживайтесь больше ни на минуту. Бой гораздо важнее, — сказал Лоуренс с жаром не менее притворным, чем уверения Роланд. Оба они понимали, что дело обстоит хуже некуда. Лоуренс не мог не броситься к Отчаянному — но, сделав это, он открыто нарушил приказ. Не найдется такого трибунала, который бы его оправдал; сам Барэм выступит обвинителем, и Лоуренс, приведенный к присяге, ничего отрицать не сможет. Вряд ли его, конечно, повесят: провинился он не на поле боя, и обстоятельства его извиняют — но, служи он на флоте, его непременно отправили бы в отставку. Ему осталось лишь стойко выслушать свой приговор. Лоуренс заставил себя улыбнуться, и Роланд, крепко сжав ему руку, исчезла.

Китайцы меж тем поднялись и выглядели намного достойнее морской пехоты, готовой обратиться в бегство при первой опасности. Шун Кай, самый молодой из послов, ловко перелез через поваленный дуб, принцу в этом предприятии помог кто-то из слуг. Юнсин оставил на сучьях нити своих шелковых одежд, но в отличие от тех же английских солдат казался совершенно спокойным.

Отчаянный свирепо таращился одним глазом

на всех своих визитеров.

— Я не собираюсь отсиживаться здесь, когда другие воюют. Пусть эти люди говорят, что хотят.

— Не позволяй им себя расстраивать, — гладя его, сказал Лоуренс. — Прошу тебя, сохраняй спокойствие. Приступы гнева не доведут тебя до добра.

Отчаянный в ответ только фыркнул, продолжая сверкать глазом и топорщить жабо.

Барэм, пепельно-серый, не спешил приближаться к дракону, но Юнсин, судя по жестам, приказал ему сделать это без промедления. Шун Кай, стоя чуть в стороне, задумчиво смотрел на Отчаянного и Лоуренса. Барэм преодолел барьер, стараясь побороть страх с помощью гнева. Лоуренсу часто доводилось видеть, как люди перед боем ведут себя точно так же.

— Теперь я вижу, что у вас в корпусе называется дисциплиной. — Барэм хорошо понимал, что неподчинение Лоуренса, возможно, спасло ему жизнь, и кипятился из-за этого еще больше. — Так вот, Лоуренс, со мной это не пройдет. Вы ответите по всей строгости. Сержант, арестуйте его…

Конца фразы Лоуренс не услышал. Стремительно уменьшающийся Барэм продолжал открывать

и закрывать рот словно рыба, но Отчаянный, бережно подхватив капитана в когтистую горсть, уже поднимался в грязный лондонский воздух. Сажа запятнала его бок и одежду Лоуренса.

Капитан устроился поудобнее в своей люльке. Сделанного не воротишь, и незачем даже просить Отчаянного опуститься на землю: вон как яростно работают его крылья. Они пронеслись над окраиной города, и Лоуренс озабоченно посмотрел вниз. Отчаянный летел без сбруи, не подавая сигналов — как бы его не обстреляли из пушек. Но пушки молчали. Этот дракон, весь черный, лишь с перламутрово-синей каймой по обводу крыльев, был знаком всем и каждому.

Возможно также, что канониры попросту не успели открыть огонь. Город остался позади всего через пятнадцать минут после взлета, и теперь даже длинноствольные «перечницы» не достали бы беглецов. Внизу ветвились припорошенные снегом дороги, воздух сделался много чище. Отчаянный приостановился, отряхнулся от копоти, громко чихнул. Лоуренса сильно подбросило, но после этого дракон летел уже не так быстро и вскоре спросил, обернувшись назад:

— Ты как, Лоуренс? Удобно тебе?

Он беспокоился больше, чем дело того за-

служивало. Лоуренс потрепал лапу, в которой Отчаянный его нес.

— Все замечательно.

— Ты прости, что я вот так тебя утащил, — заметно успокоившись от теплых слов Лоуренса, повинился дракон. — Не сердись на меня, пожалуйста. Я не мог допустить, чтобы они забрали тебя.

— Я совсем не сержусь, — совершенно искренне сказал Лоуренс. Сейчас он в самом деле ощущал одну только радость. Он снова летел по воздуху, чувствуя под собой мощное тело друга, хотя и понимал частью сознания, что долго его ликование не продлится. — И нисколько тебя за это не упрекаю — но теперь мы, боюсь, должны повернуть назад.

— Ну уж нет! Тому человеку я тебя не отдам, — упрямо отрезал Отчаянный, и Лоуренс с упавшим сердцем понял, что против драконьего охранительного инстинкта ничего поделать не сможет. — Он лгал мне, не давал нам с тобой видеться, а потом еще отдал приказ о твоем аресте. Пусть радуется, что я его не прихлопнул.

— Но ведь нельзя же просто так взять и сбежать. Нас вне закона объявят. Нам придется воровать ради пропитания и расстаться со всеми своими

друзьями.

— Много друзьям от меня пользы, когда я сижу в Лондоне. — Это была чистая правда, и Лоуренс не нашелся с ответом. — А сбегать я никуда и не собирался, хотя, — Отчаянный погрустнел, — хорошо бы немного пожить на воле. Подумаешь, пропадет немного овец там и сям — никто и не хватится. Только нам нельзя. У нас бой впереди.

— Голубчик… — Лоуренс прищурился на солнце и сообразил, что их курс лежит на юго-восток, прямехонько в их прежний Дуврский запасник. — Ты же знаешь, нам не позволят сражаться. Лентон поневоле прикажет мне вернуться назад — а если я не послушаюсь, он арестует меня точно так же, как Барэм, уверяю тебя.

— Не верю я, что капитан Обверсарии так поступит. Она очень добрая и всегда ласково со мной говорила, хотя она флагдракон и много старше меня. А если он все-таки попытается, мне помогут Лили и Максимус. И пусть тот, лондонский, даже не думает за тобой приезжать, не то я убью его. — Кровожадный тон Отчаянного не на шутку встревожил Лоуренса.

Глава 2

Они сели в Дуврском запаснике среди шума и суеты. Там вовсю готовились к бою: портупейщики отдавали приказы наземным командам, пряжки лязгали, передаваемые низовым бомбы побрякивали в мешках, затворы ружей клацали, клинки визжали на точильных кругах. Драконы здоровались с Отчаянным, когда он шел на посадку, и он весело откликался. Селестиал в отличие от своего капитана заметно воспрянул духом.

Приземлились они на лужайке Обверсарии — эта площадка была одной из самых обширных в запаснике, поскольку предназначалась для флагдракона, но небольшие габариты самой углокрылки вполне позволяли Отчаянному разместиться там же. Обверсарию уже снарядили, и ее экипаж поднимался на борт. Адмирал Лентон, тоже в полном боевом снаряжении, стоял рядом.

— Вы что это такое удумали? — закричал он тут же, не дав Лоуренсу выбраться из драконьих когтей. — Роланд сказала, что велела вам сидеть тихо. Нам это целый век придется расхлебывать.

— Очень сожалею, что поставил вас в столь уязвимое положение, сэр, — пробормотал Лоуренс.

Как объяснить, не выгораживая себя, что это Отчаянный отказался лететь обратно?

— Это я виноват, — тут же вмешался дракон, потупив голову и попытавшись принять пристыженный вид вопреки написанному на морде довольству. — Я улетел вместе с Лоуренсом, потому что тот человек собрался арестовать его.

Обверсария выразила свое отношение, стукнув его сбоку по голове так, что Отчаянный, будучи вдвое больше нее, пошатнулся.

— Ты уже не детеныш, чтобы летать с зажмуренными глазами, — фыркнула она в ответ на его удивленно-обиженный взгляд. — Лентон, мы готовы, по-моему.

— Да. — Адмирал, щурясь против солнца, осмотрел ее сбрую. — Сейчас мне некогда, Лоуренс. Отложим разбирательство на потом.

— Разумеется, сэр, — извините, что задержал вас, — покаянно молвил Лоуренс. — Мы подождем вас на своей лужайке, если позволите.

Отчаянный, хотя и усмиренный выговором Обверсарии, заворчал в знак протеста.

— Что вы как наземник, ей-богу! — нетерпеливо ответил Лентон. — Нельзя удержать здорового молодого самца внизу, когда его формация поднимается в воздух. Именно этого никак не может

понять Барэм, а с ним и вся адмиралтейская братия. Когда нам удается вбить начальству в голову, что драконы — не просто животные, оно тут же начинает приравнивать их к людям и навязывать им дисциплинарный устав.

Лоуренс хотел возразить на это, что Отчаянный — очень послушный дракон, но смолчал. Образец послушания рыл землю когтями и расправлял крылья, отводя в сторону виноватый взгляд.

— Вот именно, — сухо проронил Лентон, видя замешательство капитана. Потом вздохнул и откинул со лба седые редкие волосы. — Раз китайцы всерьез намерены его увезти, будет только хуже, если его ранят в бою из-за отсутствия экипажа и надлежащей брони. Займитесь им, а поговорим после.

Лоуренс не нашел слов, чтобы выразить свою благодарность, но Лентон все равно уже отвернулся. Время в самом деле не позволяло медлить. Лоуренс махнул Отчаянному и пешим ходом, забыв о достоинстве, помчался на их постоянное место. В голове капитана метались обрывки мыслей. Все, если рассудить, обернулось не худшим образом. Конечно, Отчаянный ни за что не остался бы на земле. Хороши бы они были, ринувшись в бой вопреки приказу. Хотя обстоятельства, соб-

ственно говоря, остались такими же, без перемен. Вполне возможно, что этот взлет станет для них последним.

Экипаж Отчаянного, угрюмый и молчаливый, начищал оборудование и намасливал сбрую, стараясь не смотреть в небо. Все только рты раскрыли, когда капитан влетел на поляну.

— Где Грэнби? Полный сбор, джентльмены, боевая оснастка. Быстро.

Отчаянный уже спускался с небес. Отсутствующие офицеры и механики с криками выскакивали из казармы, все спешно вооружались и натягивали на себя портупеи. Раньше Лоуренс, привыкший к порядку на флоте, усмотрел бы в этой толчее только хаос, но теперь он хорошо понимал, что такое спешная оснастка дракона. Прибежал долговязый Грэнби; его кожа, легко обгоравшая на солнце, перестала лупиться только сейчас, благодаря вынужденному безделью. Он в отличие от Лоуренса стал авиатором с детских лет, и они далеко не сразу притерлись друг к другу. Грэнби, как многие его товарищи, был возмущен тем, что такой первоклассный дракон достался флотскому офицеру. Но совместные полеты уничтожили взаимную неприязнь, и Лоуренс, несмотря на все различия между ними, ни

разу не пожалел, что взял Грэнби в первые лейтенанты. Лоуренса воспитывали как джентльмена, и учтивые манеры были для него естественны, как второе дыхание. Грэнби поначалу пытался им подражать, однако хватило его ненадолго. Он, как большинство авиаторов, с семи лет рос вдали от светского общества, и его поведение, на чей-то предвзятый взгляд, могло показаться непозволительно вольным.

— Чертовски рад видеть вас, Лоуренс! — воскликнул он и потряс капитану руку, даже не подумав отдать ему честь. Он, видимо, совершенно не сознавал, что так к старшему офицеру обращаться не подобает, и свободной рукой пытался прицепить к поясу шпагу. — Значит, они передумали? Вот не подозревал, что лорды способны мыслить столь здраво, но готов первый извиниться перед ними, если они отказались от затеи вернуть Отчаянного в Китай.

Лоуренс, со своей стороны, давно уже понял, что панибратство Грэнби отнюдь не равносильно неуважению, и почти перестал это замечать. Ему больно было разочаровывать своего лейтенанта — тем более теперь, когда он узнал, что Грэнби отказался от повышения из чувства лояльности.

— Боюсь, это не совсем так, Джон, но подробно

объяснять некогда: Отчаянного нужно поднять в воздух без промедления. Броню убавим наполовину и бомбы тоже не будем брать: флот не поблагодарит нас, если мы примемся топить его корабли. Если нужда возникнет, обойдемся одним только ревом.

— Правда ваша, — признал Грэнби и тут же метнулся на другой конец луга, выкрикивая команды.

Сбрую приготовили вдвое быстрее обычного, и Отчаянный помогал ее надевать, пригибаясь как можно ниже. Кольчужные сетки, защищающие грудь и живот, прицепили не менее быстро.

— Без церемоний, — предупредил Лоуренс, и экипаж стал карабкаться по местам, не соблюдая привычного распорядка.

— Должен с сожалением доложить, что у нас не хватает десяти человек, — сказал Грэнби. — Шестерых я по требованию адмирала передал Максимусу, а остальные…

— Да-да, — щадя его, перебил Лоуренс. Четверо остальных, угнетенные долгим бездельем, отправились, несомненно, искать утешения в вине или женщинах. Капитан был даже рад, что их оказалось так мало, и не собирался впоследствии тиранить гуляк, тем более что не чувствовал

себя вправе кого-то наказывать. — Как-нибудь справимся, но если кто-то из механиков владеет саблей, пистолетом и не подвержен воздушной болезни, пусть тоже цепляется.

Сам Лоуренс уже облачился в свой боевой кожан и затянул портупею. Вокруг слышался разноголосый рев — это взлетали драконы легкого класса. Дульция и серо-синий Нитидус из их старого звена уже кружили над головой.

— Ты еще не готов, Лоуренс? Поторопись, прошу тебя — вон другие уже поднимаются, — волновался Отчаянный, задирая голову. Теперь уже, в свой черед, взлетали и средневесы.

Грэнби взобрался на борт с двумя молодыми портупейщиками, Уиллоби и Портером.

— Все готово, — сказал Лоуренс, когда они закрепились. — Сделаем пробу.

Это была неотъемлемая часть предполетного ритуала. Отчаянный стал на дыбы и встряхнулся, проверяя, хорошо ли держит сбруя и надежно ли все пристегнулись.

— Сильнее, — скомандовал Лоуренс: Отчаянный, которому не терпелось взлететь, не слишком старался.

Дракон энергично повторил пробу, убедился, что ничего не оторвалось, и взмолился:

— Пожалуйста, поднимайся на борт. — Подставив переднюю лапу, он закинул Лоуренса себе на загривок. Капитан нисколько против этого не возражал. Его радовало все: звонкие щелчки карабинов, ощущение хорошо промасленной сбруи, мышцы Отчаянного, напрягшиеся под ней.

К северу от них внезапно взмыл красный с золотом Максимус. Роланд говорила верно — он стал еще громаднее. Будучи единственным медным регалом, расквартированным на Канале, он заслонял солнце, и все драконы рядом с ним казались не слишком большими. Отчаянный радостно взревел и устремился за ним, торопливо хлопая черными крыльями.

— Спокойнее, — сказал Лоуренс.

Отчаянный кивнул, но все-таки обогнал приятеля на подъеме.

— Максимус, Максимус, гляди! Я вернулся! — крикнул он, снижаясь и набирая нужную высоту уже вместе с регалом. — Я унес Лоуренса из Лондона, — конфиденциально добавил он — шепотом, как ему представлялось. — Его там хотели арестовать.

— Он что, убил кого-то? — осведомился Максимус басом без малейших признаков возмущения. — Хорошо, что ты снова здесь. Без тебя меня

заставляли летать в середине, и все маневры пришлось разучивать заново.

— Да нет, никого он не убивал. Просто разговаривал со мной, а один толстый старикан сказал, что это запрещено. Почему — непонятно.

— Велите своему якобинцу заткнуться, — посоветовал капитан Беркли со спины Максимуса. Юные крыльманы Лоуренса слушали, навострив уши.

— Не отвлекайся, Отчаянный. — Лоуренс старался быть построже, хотя и полагал, что шила в мешке не утаишь. Слухи расходятся очень быстро, а их обоих могут призвать к ответу еще скорее. Пусть уж Отчаянный радуется, пока есть возможность.

— Лоуренс, — сказал Грэнби за плечом капитана, — мы второпях сложили весь боеприпас, как всегда, слева, но ведь бомбы его сегодня не уравновешивают. Надо бы перенести.

— Если успеете это сделать до вступления в бой. Господи, — спохватился вдруг Лоуренс, — я даже не знаю координат этого конвоя, а вы? — Грэнби смущенно потряс головой, и капитан, спрятав гордость в карман, крикнул: — Беркли, куда мы летим?

Это очень развеселило экипаж Максимуса.

— Прямиком в ад! — прокричал в ответ Беркли, и новый взрыв хохота чуть не заглушил координаты, которые он назвал.

— Стало быть, до цели пятнадцать минут, — прикинул в уме Лоуренс. — И пять из них нужно приберечь на молитву.

— Успеем, — заверил Грэнби и полез, ловко щелкая карабинами, вниз, к подбрюшным грузовым сеткам.

Максимус с Отчаянным заняли свои места в хвосте привычного строя. Командный флаг, как заметил Лоуренс, развевался на Лили — значит, капитану Харкорт наконец-то доверили возглавить звено. Лоуренса порадовало это событие: сигнальщику трудно смотреть вперед, принимая одновременно команды сбоку, да и драконы, невзирая на все формальности, инстинктивно стремятся следовать за вожаком.

При всем при том ему странно было исполнять приказы двадцатилетней девицы. Харкорт — совсем еще молодой офицер, чья стремительная карьера объясняется лишь неожиданно скорым появлением Лили из яйца. Но корпусу приходится считаться с особенностями драконов, и ценных, плюющих кислотой длиннокрылов всегда ставят в центр формации — что ж поделать, если подчи-

няются они исключительно женщинам.

— Сигнал от адмирала: следовать к месту назначения, — доложил крыльман-сигнальщик Тернер. Миг спустя с Лили просигналили «держать строй», и драконы постепенно набрали крейсерскую скорость в семнадцать узлов. Отчаянному она давалась легко, но желтые жнецы и громадный Максимус при длительных вылетах не имели возможности ее превышать.

Лоуренс попробовал, хорошо ли шпага выходит из ножен, и перезарядил пистолеты. Грэнби внизу отдавал приказы, не внося в это никакой паники, и капитан полностью полагался на то, что работа будет завершена в срок.

Дуврская эскадрилья представляла собой внушительное зрелище и сейчас, хотя ее численность по сравнению с октябрем поубавилась.

Тогда, чтобы отразить вражеский десант, им пришлось бросить в бой всех наличествующих драконов, включая мелких курьеров: ведь большинство бойцов отбыло на юг, к Трафальгару. Теперь десять боевых единиц капитана Роланд, самым маленьким из которых был средневесжнец, снова вернулись в родные пенаты. Они держали строй безупречно и взмахивали крыльями точно в такт, спаянные долгими годами

совместной службы.

Звено Лили пока не могло похвастаться тем же. В него, помимо самой длиннокрылки, входило всего шесть драконов, причем фланговые позиции занимали более мелкие и маневренные бойцы, управляемые самыми старшими по возрасту офицерами. В их задачу входило исправлять те ошибки, которые по недостатку опыта могли совершить Лили, Максимус или Отчаянный. Капитан Саттон стоял во весь рост на своей жнице Мессории и смотрел назад, проверяя, все ли у молодежи в порядке. Лоуренс и Беркли помахали ему.

Скоро вдали показались паруса французского конвоя и британской эскадры. Сверху корабли напоминали шахматные фигуры на огромной доске. Британцы на полной скорости приближались к более мелким французским торговцам, над парусами реяли флаги. Грэнби снова взобрался на свою плечевую лямку.

— Ну вот, все в порядке.

— Отлично, — рассеянно проронил Лоуренс, разглядывая в подзорную трубу корабли. В эскадру входили быстроходные фрегаты (их было больше всего), шлюпы и несколько кораблей с шестьюдесятью четырьмя и семьюдесятью

четырьмя орудиями. Флот не рискнул посылать более крупные суда против огнедышащего дракона, который с одного захода мог взорвать пороховой трюм трехпалубника, а с ним еще с полдюжины кораблей.

— По местам стоять, мистер Харли! — скомандовал Лоуренс.

Крыльман повернул приделанный к сбруе вымпел красной стороной вверх. Стрелки, размещенные на спине, сдвинулись на бока и приготовили ружья, прочие верховые, вооруженные пистолетами, низко пригнулись.

Эксидиум и другие драконы эскадрильи заняли оборонительные позиции над самой британской флотилией. Отчаянный издал тихий рык, отозвавшийся во всем его теле. Лоуренс, улучив момент, потрепал его по шее. Слов им не требовалось, и капитан, чувствуя, что волнение дракона слегка унялось, вновь натянул кожаную перчатку.

— Враг в поле зрения, — долетел с Лили звонкий голос впередсмотрящего. Юный Аллен, сидящий у основания крыла Отчаянного, повторил то же самое. Экипаж отозвался невнятным говором, и Лоуренс снова раскрыл трубу.

— По-моему, это la Crabe Grande.[2] — Он передал телескоп Грэнби, надеясь втайне, что произношение у него не слишком корявое. Несмотря на свой небольшой опыт в воздушной войне, он был уверен, что формацию из четырнадцати драконов определил верно. Самые крупные составляли «туловище», по бокам выступали «клещи» из более мелких пород.

Флам-де-глуар, замаскированного другими драконами сходной окраски, разглядеть было не так легко. Пару папильонов-нуар[3] для этой цели раскрасили желтым поверх естественных сине-зеленых полос.

— Узнаю старую знакомую: Аксендара, — заявил Грэнби, возвращая капитану трубу. — У нее не хватает одного когтя на левой задней ноге, а на правый глаз она слепая: когда-то на Глориусе Первом мы вкатили ей хорошую дозу перца.

— Ясно, — ответил Лоуренс. — Мистер Харли, передайте сведения всем наблюдателям. Отчаянный, — позвал он в рупор, — видишь флам-де-глуар? Справа внизу, одного когтя недостает. Правый глаз у нее незрячий.

---

[2] Примечания: 2
большой краб (*фр.*).

[3] Примечания: 3
черный мотылек (*фр.*).

— Вижу, — с готовностью откликнулся тот, слегка повернув назад голову. — Атакуем ее?

— Прежде всего мы обязаны защищать от нее корабли. Присматривай за ней хорошенько.

Отчаянный торопливо кивнул и снова вытянул шею.

Лоуренс убрал трубу в футляр на сбруе, зная, что в ближайшее время она ему не понадобится.

— Отправляйтесь-ка вниз, Джон. Думаю, они захотят взять нас на абордаж при поддержке своих легких воробушков.

Расстояние между двумя эскадрильями таяло очень быстро. Драконы летели грациозно, как стая птиц, и ни один не выбивался из строя. Кто-то позади тихо присвистнул, и Лоуренс, сам невольно захваченный этим зрелищем, бросил:

— Прекратить шум.

Один из папильонов разевал пасть, точно готовясь выдохнуть несуществующее пламя. Этот актер даже немного позабавил Лоуренса. Отчаянный, перед которым шли Лили и Мессория, не мог издать свой сокрушающий рев, но уклоняться от боя даже не думал. Еще миг — и он сцепился с папильоном, сильно тряхнув собственный экипаж.

Лоуренс, продев ноги под сбрую, протянул руку Аллену. Мальчик, бледный до зелени, болтался

на своей портупее, как черепаха. Ему, как и всем другим крыльманам, едва минуло двенадцать, и он еще не успел приобрести боевой сноровки, но сумел закрепиться снова при помощи капитана.

Отчаянный кусался, работал когтями и бешено хлопал крыльями, стараясь не упустить папильона. Легкий француз, напротив, явно стремился удрать.

— Вернись на позицию! — крикнул Лоуренс: сейчас это было важнее. Отчаянный, неохотно оставив противника, занял свое место в строю.

Внизу раздались первые пушечные залпы: носовые орудия англичан обстреливали французский рангоут. Это вряд ли могло увенчаться успехом, но помогало создать боевой настрой. За спиной у Лоуренса лязгали затворы ружей. Сбруя, насколько он видел, была в полном порядке, крови не наблюдалось, Отчаянный летел ровно. Спрашивать о его самочувствии было некогда: звено во главе с Лили проделывало разворот для новой атаки.

Французские драконы, не оказывая пока никакого сопротивления, разлетелись в разные стороны. Лоуренсу не сразу открылся строгий порядок этого хаотического на первый взгляд бегства. Четверо самых легких взмыли вверх,

прочие снизились футов на сто, Аксендару опять заслонили ее двойники.

Рассыпавшаяся таким образом формация казалась весьма уязвимой. «Ближний бой», — передали с Лили, давая драконам звена разрешение биться самостоятельно. Отчаянный, читавший флажки не хуже любого сигнальщика, нырнул к расцарапанному папильону, собираясь закончить начатое.

— Нет, Отчаянный! — Лоуренс хотел направить его непосредственно на Аксендару, но опоздал: с боков на них уже неслись два пешера-райе.[4]

— Приготовиться к отражению абордажа, — скомандовал лейтенант Феррис, командир верховых. Двое мичманов, самых сильных, стали за спиной капитана. Лоуренс, мельком оглянувшись на них, стиснул зубы. Он до сих пор не привык к тому, что его прикрывают, но вынужден был терпеть. Ни один дракон не станет сражаться, если к горлу его капитана приставят клинок.

Отчаянный напоследок полоснул папильона и сделал финт, сложившись чуть ли не вдвое. Атакующие пешеры промчались мимо, и им

---

[4] Примечания: 4
рыбак-полосатик (*фр.*).

пришлось разворачиваться. Выигранная минута была сейчас на вес золота. Лоуренс окинул взглядом поле сражения. Легкие французские драконы завязывали схватки с английскими, тяжелые снова собрались все вместе, выдерживая темп своего конвоя.

Послышался тонкий свист — с французского корабля выстрелили перцем. Второй жнец звена Лили, Иммортализ, в пылу битвы опустился чуть ниже, чем следовало, и канониры этим воспользовались. Снаряд угодил ему, к счастью, в плечо, а не в голову, и перец большей частью просыпался в море, но бедняга все равно расчихался. При каждом чихе его отбрасывало корпусов на десять назад.

— Отметьте эту высоту, Дигби, — приказал Лоуренс. В обязанности правого впередсмотрящего входило предупреждать капитана о вхождении в зону обстрела.

Дигби привязал продырявленное пушечное ядро к шелковой мерной ленте с узлами через каждые пятьдесят ярдов, скинул груз вниз, стал травить.

— Шесть до отметки, семнадцать до воды, — доложил крыльман, руководствуясь высотой Иммортализа. — Пушки бьют на пятьсот пятьде-

сят ярдов вверх, сэр, — Он обрезал ленту и стал привязывать ядро для следующего замера.

Дальность обстрела была меньше обычной. Французы то ли стремились подбить наиболее тяжелых драконов, то ли просто делали поправку на ветер.

— Ниже шестисот ярдов не опускайся, Отчаянный, — сказал Лоуренс, решив, что лишняя осторожность не помешает.

— Сэр, нам сигналят: перейти на левый фланг Максимуса, — сообщил Тернер.

Исполнить этот приказ немедленно они не смогли: пешеры вернулись с намерением высадить на Отчаянного своих абордажников. Летели они при этом как-то странно, не по прямой.

— Что это они? — удивился Мартин, и Лоуренс, не задумываясь, ответил:

— Боятся подставиться под его рев.

Отчаянный презрительно фыркнул и повис в воздухе носом к пешерам, поставив торчком жабо. Те чисто инстинктивно дали задний ход.

— Ха! — воскликнул селестиал, гордый тем, что внушает другим такой страх. Лоуренсу пришлось дернуть за повод, чтобы обратить его внимание на сигнал. Отчаянный тут же перелетел к Максимусу и занял позицию слева от него. Лили уже

разместилась справа.

Замысел Харкорт был ясен.

— Ложись! — скомандовал Лоуренс и сам припал к шее Отчаянного, а Беркли на предельной для Максимуса скорости послал его вперед, на скопление французских драконов.

Отчаянный раздувался, накачиваясь воздухом, Лили запрокинула голову. У Лоуренса от встречного ветра слезились глаза. Максимус врезался в неприятельский строй, пользуясь своим огромным весовым преимуществом. Когда французы шарахнулись от него в обе стороны, Отчаянный взревел, а Лили плюнула кислотой.

Крики людей и драконов слились в жуткий хор. Французские авиаторы резали портупеи и сбрасывали убитых в океан, словно тряпичных кукол. Многие вражеские драконы в панике разлетались, забыв о необходимости держать строй. Теперь Аксендару от англичан прикрывали только двое: пти-шевалье,[5] чуть больше Отчаянного, и один из ее двойников.

Максимус, тяжело дыша, набирал высоту. Харкорт что есть силы махала Лоуренсу с Лили, хрипло крича в рупор:

---

[5] Примечания: 5
маленький рыцарь (*фр.*).

— Атакуйте ее!

Сигнальщик Лили передавал то же самое. Лоуренс послал Отчаянного вперед. Длиннокрылка снова брызнула кислотой. Драконы-защитники отпрянули, и Отчаянный проскочил между ними.

— Берегись, абордажники! — заорал снизу Грэнби. Значит, кто-то из французов успел перескочить нам на спину, подумал Лоуренс. Смотреть было некогда: до Аксендары осталось каких-нибудь десять ярдов. Правый ее глаз был молочно-белым, левый, с бледно-желтым зрачком на черной склере, злобно сверкал. Со лба спускались витые тонкие рожки. Она раскрыла пасть, и воздух перед ней заколебался от жара. Настоящее жерло ада, успел подумать Лоуренс — и Отчаянный, сложив крылья, камнем ушел вниз.

Лоуренса замутило. Абордажники, судя по крикам сзади, валились с ног наряду с экипажем. Миг спустя Отчаянный снова расправил крылья и начал подъем, но Аксендара уже улетала, спускаясь к морю и кораблям.

Длинноствольные орудия британского флота начали обстреливать суда, шедшие в самом хвосте конвоя. Загремела канонада, все заволок-

лось тяжелым сернистым дымом. Быстроходные фрегаты, пользуясь дымовой завесой, ринулись вперед, к более богатым трофеям. Этот маневр, однако, лишил их поддержки драконов Эксидиума. Экипаж Аксендары уже швырял вниз маленькие, с кулак, бомбы, и флам-де-глуар воспламеняла их на лету.

Большинство этих снарядов падало в море, не причиняя вреда: Аксендара, зная, что Отчаянный ее преследует, держалась на довольно большой высоте, затрудняющей прицельное бомбометание. Но некоторые все же попали в цель, и горящая нефть растеклась по палубам.

Отчаянный, видя, как вспыхнули паруса одного из фрегатов, гневно зарычал и прибавил скорости. Он вылупился в море, прожил свои первые три недели на палубе и с тех пор полюбил корабли. Лоуренс, охваченный тем же гневом, поощрял его словами и лаской. Оба смотрели только вниз, на флам-де-глуар, но капитану вскоре пришлось отвлечься. Верховой Кройн упал на него и тут же скатился вниз. Юноша падал, вытаращив глаза, растянув рот в неслышном крике: кто-то перерезал ремни его портупеи.

Его пальцы скользнули по гладкому боку Отчаянного. Лоуренс, не успевший его удержать,

увидел далеко внизу всплеск, и Кройн больше не выплыл. Следом за ним в воздухе закувыркался мертвый француз-абордажник. Лоуренс ослабил свою портупею, встал и повернулся назад, приготовив пистолеты. Семь оставшихся на борту абордажников дрались как одержимые. Один, с лейтенантскими нашивками, бился на расстоянии двух шагов с Кварлом, одним из телохранителей капитана.

В тот самый момент, когда Лоуренс повернулся к ним, лейтенант отразил выпад шпаги Кварла и левой рукой вонзил ему в бок длинный нож. Кварл ухватился за рукоять кинжала и обмяк, кашляя кровью. Лейтенант открылся для выстрела, но тут другой француз чуть позади него поверг на колени Мартина и приставил к его шее короткую саблю.

Лоуренс, спасая своего мичмана, выстрелил в того другого и попал ему в грудь. Лейтенант тем временем пошел на рискованный шаг: рассек собственные ремни, перескочил через Кварла и вцепился в руку капитана — и для поддержки, и затем, чтобы отвести пистолет.

— Браво, — невольно произнес Лоуренс, пораженный этим небывалым маневром. Француз вздрогнул, и на его покрытом кровью лице вдруг

сверкнула мальчишеская улыбка.

Их поединок был, конечно, не совсем честным, поскольку французу не имело смысла убивать Лоуренса. Дракон в случае гибели своего капитана бросается на врага с удесятеренной яростью — неуправляемый, но крайне опасный. Лейтенант хотел захватить Лоуренса в плен и поэтому осторожничал, в то время как капитан мог убить его не задумываясь.

Легко сказать! Они балансировали на узком драконьем загривке, и лейтенант, выше Лоуренса ростом, держался за него мертвой хваткой, чтобы не сверзиться вниз. Они скорее напирали друг на друга, чем фехтовали. Клинки, раз сойдясь, больше не расцеплялись, и Лоуренс уже стал подумывать, что бой может завершиться лишь падением кого-то из них.

Он отважился развернуться немного, чтобы наблюдать за общей битвой через плечо лейтенанта. Мартин и Феррис вкупе с несколькими стрелками держались стойко, но французов было больше, и они угрожали прорваться на подмогу своему офицеру. Пара абордажников отражала низовых, пытавшихся взобраться наверх: на глазах у Лоуренса они закололи и сбросили вниз Джонсона.

— Vive l'Empereur![6] — ободряюще крикнул лейтенант своим людям, сам оглянувшись через плечо, и сделал выпад с намерением ранить соперника в ногу. Лоуренс, отразив удар, вдруг с изумлением понял, что дерется парадной шпагой, которую вчера надевал в Адмиралтейство: у него не было времени сменить ее на другую.

Теперь он вел себя более осмотрительно и старался принимать вражеские выпады только на среднюю часть клинка. Удар, нацеленный в его правую руку, он тоже отвел, но на сей раз шпага, как он и опасался, переломилась. Пять дюймов стали чиркнули его по лицу и улетели, отливая багрянцем при свете горящих судов.

Француз, видя это, вознамерился окончательно разоружить капитана. Еще один кусок лезвия отлетел прочь. У Лоуренса теперь осталось всего шесть дюймов. Поддельные бриллианты на серебряной рукояти сверкали, словно насмехаясь над ним. Он стиснул челюсти, решив не сдаваться и не отдавать Отчаянного французам. Будь он проклят, если уступит. Не прыгнуть ли за борт, оповестив криком Отчаянного? Тот, может быть, поймает его — а если нет, то он хотя бы не увидит,

---

[6] Примечания: 6
Да здравствует император! (*фр.*)

как Наполеон заберет дракона себе.

Но тут Грэнби влез наверх по хвостовой шлее без помощи карабинов, пристегнулся и напал на француза, оборонявшего левый бок. Когда тот пал мертвым, на спину тут же выбрались шестеро низовых. Абордажники сбились в тесную кучку, но исход боя был уже предрешен: либо они сдадутся, либо умрут. Мартин со шпагой наготове перебирался через убитого Кварла.

— Ah, voici un joli gâchis![7] — воскликнул лейтенант и предпринял последнюю отчаянную попытку: подцепил своим клинком рукоять Лоуренса и вырвал у него шпагу. Внезапно он пошатнулся, из носа у него хлынула кровь, и он повалился без чувств на руки капитана. Позади него, тоже пошатываясь, стоял юный Дигби: крыльман втихую покинул свой пост на плече и сразил врага ядром на конце мерной ленты.

— Молодцом, — похвалил его Лоуренс, поняв, что к чему, и мальчуган зарделся от гордости. — Мистер Мартин, переправьте, пожалуйста, этого вояку вниз, в лазарет. Он дрался как лев.

— Есть, сэр! — Мартин продолжал шевелить губами, но грянувший сверху рев заглушил все

---

[7] Примечания: 7
Хорошенькое дело! (*фр.*)

прочие звуки. Еще миг, и Лоуренс вовсе перестал что-либо слышать.

Очнулся он под громоподобный рокот Отчаянного. Глаза болели от света, одна нога не желала слушаться. Ощупав ее, Лоуренс обнаружил, что она запуталась в портупее. Одна из пряжек, прорвав бриджи, вдавилась в тело.

Уж не взяли ли нас, чего доброго, в плен, испугался он. Но нет, рядом кто-то кричал по-английски. Так ведь это же Барэм, изумленно сообразил Лоуренс.

— Нет, сэр, ни шагу дальше, — твердо отвечал адмиралу Грэнби. — Если эти люди двинутся с места, Отчаянный, ты можешь сбить их с ног.

Лоуренс попытался сесть, и заботливые руки тут же поддержали его.

— Осторожно, сэр. Вам уже лучше? — Дигби сунул капитану пузырь с водой.

Лоуренс смочил губы, но пить из-за тошноты не решился.

— Помогите мне встать, — велел он хрипло, щурясь на свет.

— Нет, сэр, не надо, — зашептал Дигби. — Вы получили сильный удар по голове, а теперь вам грозят арестом. Грэнби приказал спрятать вас и подождать адмирала.

Лоуренс лежал на твердой земле. Передняя лапа Отчаянного охватывала его надежным кольцом, по бокам сидели на корточках впередсмотрящие Дигби и Аллен. С лапы стекали ручейки темной крови.

— Он ранен, — заметил Лоуренс, опять порываясь подняться.

— Мистер Кейнс уже пошел за бинтами. Пешер подранил нас сбоку, но не сильно — это просто царапины. — Дигби без труда удержал капитана: поврежденная нога не гнулась, а держать и вовсе отказывалась. — Не нужно, сэр. Бейливорт сейчас доставит носилки.

— Ну хватит. Я хочу встать, — резко бросил Лоуренс.

Отлеживаться не приходилось: Лентон не мог прибыть сюда сразу же после боя, а ситуация между тем принимала все более дурной оборот. Опираясь на хрупкие плечи крыльманов, он покинул свое укрытие.

Барэм стоял на лужайке с дюжиной морских пехотинцев — не тех лондонских молокососов, а закаленных солдат. Они притащили с собой пушку-перечницу — короткоствольную, правда, но на таком расстоянии дальнобойная и не требовалось. Барэм, лилово-красный, перестал спорить

с Грэнби и свирепо уставился на капитана.

— Ага, вот и вы. Отсидеться вздумали? Уймите свое животное, а вы, сержант, арестуйте его.

— Никто из вас и близко не подойдет к Лоуренсу, — рыкнул Отчаянный, угрожающе приподняв когтистую лапу. Кровь, стекающая с шеи и плеч, делала его особенно страшным, жабо стояло торчком.

Солдаты дрогнули, но сержант сохранил спокойствие.

— Наводи, капрал, — скомандовал он и жестом приказал остальным поднять мушкеты.

— Отчаянный, стой! — воззвал Лоуренс. — Бога ради, не надо. — Но рассвирепевший дракон не слушал его. Ружейных пуль Лоуренс опасался не слишком, но перец, он знал, ослепит Отчаянного и разъярит еще больше — что будет иметь плачевные последствия как для дракона, так и для противостоящих ему людей.

Но тут деревья на западной стороне закачались, и над ними возникла огромная голова Максимуса. Медный регал встряхнулся и широко зевнул, показав устрашающие зубы.

— Разве бой не кончился? Из-за чего такой шум?

— Эй ты! — крикнул ему Барэм, указывая на

Отчаянного. — Придержи этого дракона!

Максимус, как и все медные регалы, страдал дальнозоркостью. Чтобы рассмотреть происходящее, ему пришлось стать на дыбы. Он весил уже вдвое больше Отчаянного и был на двадцать футов длиннее. Крылья, которые он растопырил для равновесия, бросали вперед длинную тень и просвечивали красным на солнце.

Возвышаясь над всеми и вся, он запрокинул голову, всмотрелся и спросил Отчаянного:

— Зачем тебя надо держать?

— Не слушай его! — Отчаянный трясся от гнева, и кровь у него текла все сильней. — Они хотят забрать Лоуренса, посадить его в тюрьму и казнить. Я им этого не позволю! А тебя раздавлю, хотя Лоуренс и не велит, — свирепо добавил он, обращаясь к Барэму.

— Бог мой, — прошептал Лоуренс, только теперь поняв, чего по-настоящему боится Отчаянный. Тот уже однажды присутствовал при аресте, и вскоре арестованного предателя казнили на глазах у его собственного дракона. Это произвело крайне тяжелое впечатление на Отчаянного и других молодых драконов — неудивительно, что его теперь охватила паника.

Грэнби, используя отвлекающий фактор в лице

Максимуса, сделал знак другим офицерам. Он, Феррис, Эванс, Риггс со своими стрелками — все выстроились в шеренгу перед Отчаянным с ружьями и пистолетами. То, что это было только бравадой — оружие они разрядили в бою, — нисколько не преуменьшало дерзости их поступка. Лоуренс зажмурился, сознавая, в какую переделку влип вместе с ним его экипаж. Еще немного, и все это заслужит справедливого названия «бунт».

Ружья морской пехоты не дрогнули, пушку спешно зарядили круглым перечным снарядом.

— Товсь! — подал команду капрал.

Лоуренс окончательно растерялся. Сказать Отчаянному, чтобы перевернул пушку? Но тогда получится, что они выступили против своих же солдат, повинующихся приказу. Непростительно — но простительнее ли будет, если эти солдаты причинят вред Отчаянному и его экипажу?

— Какого черта здесь происходит? — осведомился Кейнс, драконий хирург. Два тяжело нагруженных ассистента тащили за ним бинты и катушки шелковых ниток. Пользуясь оторопью, которую внушили солдатам его седины и забрызганный кровью сюртук, доктор выхватил запал из рук канонира, бросил его на землю и погасил. Яростный взгляд Кейнса не щадил ни

Барэма, ни солдат, ни Грэнби с его людьми. — С ума вы все посходили? Он только что вышел из боя, а вы его бесите. Сейчас сюда не только этот красавец, — доктор кивнул на Максимуса, — весь запасник сбежится.

Любопытствующие драконы в самом деле уже выглядывали из-за деревьев, ломая ветки. Земля содрогнулась — это уличенный в нескромности Максимус вновь опустился на четвереньки. Барэму стало явно не по себе: драконов, как правило, кормят сразу после сражения, и окровавленные, хрумкающие костями пасти могли ошарашить кого угодно.

Кейнс тоже не давал чужакам спуску.

— Вон, немедленно вон! Я не могу работать, когда кругом такой цирк, а вы, — рявкнул он Лоуренсу, — извольте сейчас же лечь! Я распорядился, чтобы вас перенесли в госпиталь — один Бог знает, почему вы до сих пор скачете на этой своей ноге. Где Бейливорт с носилками?

Этого Барэм уже не вынес:

— Лоуренс, черт побери, под арестом, и прочих бунтовщиков я тоже намерен заковать в кандалы!

— Арестуете его утром, — не смолчал Кейнс, — когда он вместе с драконом получит врачебную

помощь. Примерное, истинно христианское поведение — угрожать раненым! — В кулаке, которым хирург потрясал перед самым лицом лорда, был зажат десятидюймовый крючок. Барэм невольно отшатнулся, и пехотинцы, восприняв это как долгожданный сигнал, поволокли прочь свою пушку. Лорду не осталось ничего другого, как отправиться следом за ними.

Завоеванная таким образом передышка оказалась недолгой. Хирурги, сгрудившись над Лоуренсом, чесали в затылках. Кость не была сломана, раны, не считая обильных кровоподтеков, тоже отсутствовали, однако нога отзывалась мучительной болью на любые попытки прощупать ее. Голова тоже сильно болела. В итоге Лоуренсу предложили лауданум, от которого он отказался, и приказали не ступать на пострадавшую ногу — совет столь же здравый, сколь и бесполезный: ступить на нее он не мог бы при всем желании.

Раны Отчаянного, к счастью неглубокие, тем временем зашили, и Лоуренс, приложив большие усилия, уговорил его хоть немного поесть. К утру стало ясно, что Отчаянный поправляется. Лихорадки у него не было, и никаких поблажек ожидать больше не приходилось. Лоуренс получил от адмирала Лентона официальный вызов в

штаб запасника. Провожая портшез, в котором он туда отправлялся, Отчаянный заявил:

— Если завтра утром ты не вернешься, я пойду тебя искать.

Отговорить его не удалось, да и какие тут можно найти слова? Дело явно шло к аресту, если только Лентон не найдет каких-то чудодейственных доводов против, а трибунал по совокупности правонарушений вполне мог приговорить капитана к смерти. Обычно авиаторов вешали разве что в случае государственной измены, но Барэм наверняка постарается, чтобы Лоуренса судила коллегия морских офицеров. Они подойдут к делу гораздо пристрастнее, и перспектива лишиться боевого дракона не остановит их: Отчаянный все равно потерян для Англии, раз Китай требует его назад.

Эту ситуацию, и без того непростую, для Лоуренса отягощало сознание, что он поставил под удар своих офицеров. Грэнби и другим лейтенантам — Эвансу, Феррису, Риггсу — придется ответить за неподчинение Барэму. Их могут уволить со службы — для авиатора, которого обучают летать с раннего детства, страшнее наказания не придумаешь. Даже мичманов, которые в лейтенанты так и не вышли, не принято увольнять в

отставку. Для них всегда находят места в питомниках и запасниках, обеспечивая их обществом сослуживцев.

Нога за ночь стала чуть получше, но Лоуренс, самостоятельно взойдя на штабное крыльцо, побледнел и покрылся потом. Он постоял, перебарывая дурноту, и вошел в небольшой кабинет адмирала.

— Бог мой! Я думал, лекари вас отпустили! — воскликнул Лентон вопреки нетерпеливой гримасе Барэма. — Садитесь, пока не упали; держите, — продолжал он, сунув в руку Лоуренса стакан бренди.

— Благодарю, сэр. Меня действительно отпустили. — Лоуренс пригубил спиртное только из вежливости — голова у него и без бренди неважно работала.

— Довольно с ним нянчиться, — прервал Барэм. — В жизни не видел, чтобы офицер вел себя столь вопиющим образом. Честное слово, Лоуренс, я никогда не питал любви к виселице, но вас бы повесил с большой охотой. Лентон клянется, что тогда ваш зверь станет неуправляемым, а по мне он и теперь строптив дальше некуда.

Лентон сжал губы, выслушав этот презрительный отзыв. Лоуренс мог лишь догадываться,

сколько сил и нервов потратил воздушный адмирал, убеждая Барэма. Ни заслуги Лентона, ни только что одержанная победа не имели решающего значения в высоких сферах. Барэм мог безнаказанно унижать его, в то время как любой флотский адмирал пользовался достаточным влиянием, чтобы требовать к себе уважения.

— Вас, бесспорно, следует отправить в отставку, — продолжал Барэм. — Но животное, столь же бесспорно, следует отправить в Китай, и здесь нам, к великому сожалению, требуется ваше содействие. Уговорите его как-нибудь, и покончим на этом; но если вы снова вздумаете упорствовать, будь я проклят, если в конце концов вас не вздерну. Зверя застрелим, а китайцы могут убираться ко всем чертям.

Лоуренс, забыв о контузии, едва не взвился со стула, но Лентон надавил ему на плечо.

— Вы заходите чересчур далеко, сэр. У нас в Англии драконов расстреливают разве только за людоедство, и мы не станем менять эту традицию ради вас. Недоставало мне только бунта в воздушном корпусе.

Барэм пробурчал себе под нос что-то насчет отсутствия дисциплины. Лоуренс счел это хорошим признаком, зная, что лорд хорошо помнит боль-

шой мятеж 1897 года, когда восстала половина королевского флота.

— Будем надеяться все же, что до этого не дойдет. На Спитхедском рейде[8] стоит транспорт «Верность», который может выйти в море через неделю. Вопрос, как погрузить на него дракона, который не желает ехать по доброй воле.

Лоуренс не находил слов для ответа. Неделя — очень короткий срок. В голову лезли безумные мысли о бегстве. Из Дувра на континент можно перелететь без труда, а в Германии сохранилось немало лесов, где драконы — только мелких, правда, пород — до сих пор живут на свободе.

— Нужно подумать, — сказал Барэму Лентон. — Позволю себе заметить, сэр, что дело с самого начала велось из рук вон плохо. Дракон взбудоражен, а их и в спокойном состоянии непросто уговорить сделать то, что им не по вкусу.

— Я сыт по горло вашими отговорками, Лентон, — начал Барэм, но ему помешал стук в дверь.

— Сэр… — успел промолвить испуганный мичман и тут же отскочил прочь: китайские солдаты попросту смели его, расчищая путь принцу Юн-

---

[8] Примечания: 8
Стоянка военных кораблей между Портсмутом и о. Уайт.

сину.

Пораженные англичане не сразу вспомнили об этикете. Лоуренс все еще пытался встать, когда принц уже вошел в комнату. Юнсину поспешно придвинули стул лорда Барэма, но он отмахнулся, из-за чего остальные тоже не могли сесть. Лентон незаметно взял Лоуренса под руку, но комната продолжала кружиться, и яркий наряд принца резал капитану глаза.

— Так-то вы проявляете свое уважение к Сыну Неба? — заговорил принц, обращаясь к Барэму. — Вы снова бросили Лун Тен Сяна в бой, а теперь тайно сговариваетесь с целью оставить при себе краденое.

Барэм, пять минут назад готовый послать китайцев ко всем чертям, побледнел и залепетал:

— Право же, ваше высочество, я не хотел…

Но Юнсин и не думал прерывать свою речь.

— Я осмотрел местный зверинец, или запасник, как вы его именуете. Знакомство с вашими варварскими методами позволяет понять, как могла зародиться у Лун Тен Сяна столь недостойная привязанность. Он, естественно, дорожит человеком, от которого зависят те небольшие удобства, что только и доступны ему. — Принц смерил Лоуренса презрительным взглядом. — Вы

воспользовались его юностью и неопытностью, но даром это вам не пройдет. Мы не потерпим больше никаких проволочек. Вернувшись домой и заняв подобающее ему место, Лун Тен Сян быстро поймет, в сколь низком обществе его вынуждали существовать.

— Ваше высочество ошибается: мы готовы оказать вам всяческое содействие, — заверил Лентон, пока Барэм мучился в поисках более изысканных выражений. — Только вот Отчаянный ни за что не покинет Лоуренса. Дракон, как известно вашему высочеству, никуда без своего опекуна не поедет.

— Значит, капитан Лоуренс поедет с ним вместе, — отрезал Юнсин. — Он, я полагаю, в опекуне не нуждается?

Лоуренс не верил своим ушам. Ошеломленное молчание прервал возглас Барэма:

— Вам нужен Лоуренс? Так забирайте его, бога ради!

Громадное облегчение вместе с плохим самочувствием помешали Лоуренсу вникнуть в смысл дальнейшего разговора. Он еле держался на ногах, и Лентон в конце концов приказал ему отправляться в постель. Капитан, передав через горничную короткую записку Отчаянному,

провалился в тяжелый, не приносящий свежести сон.

Он проспал четырнадцать часов и очнулся только на следующее утро. Капитан Роланд, запрокинув голову и открыв рот, дремала рядом на стуле. Она проснулась сразу же после него, протерла глаза и зевнула.

— С пробуждением, Лоуренс. Ну и нагнали же вы на всех страху. Эмили прибежала ко мне, потому что Отчаянный себе места не находил. С чего это вам вздумалось посылать ему такую записку?

Лоуренс попытался вспомнить, что же такое он написал, но о вчерашнем дне у него остались самые смутные воспоминания — кроме одной вещи, накрепко засевшей в мозгу.

— Роланд, у меня напрочь отшибло память. Но ведь Отчаянный понял, что я еду с ним?

— Теперь уже понял. Мне все объяснил Лентон, когда я пришла вас разыскивать, но из этого, — она подала Лоуренсу листок бумаги, — он вряд ли мог что-то извлечь.

Лоуренс с трудом узнал собственный почерк.

Отчаянный, ничего не бойся! Я еду. Сын Неба не желает больше терпеть проволочек, и Барэм дает мне отпуск. Нас повезет Верность. Пожалуйста, поешь что-нибудь.

Л.

Да, нечего сказать, угораздило…

— Не помню ни единого слова… хотя нет, постойте. «Верность» — это название транспорта, Сыном Неба Юнсин величает императора. Не пойму только, зачем мне было повторять этот языческий вздор на бумаге — должно быть, в голове помутилось. Пожалуйста, бросьте это в огонь, а Отчаянному скажите, что я совсем поправился и скоро приду к нему. Прошу вас еще позвонить, чтобы мне помогли одеться.

— По-моему, вам лучше остаться в постели. Особой спешки, как я понимаю, нет, а Барэм хотел поговорить с вами. Я скажу Отчаянному, что вы живы и находитесь в здравом уме. Передавать новые послания от вас к нему и обратно поручим Эмили.

Лоуренс внял ее совету. Встать он в самом деле был еще не готов и хотел приберечь все свои силы для разговора с Барэмом. Но вместо лорда, к

счастью, явился Лентон.

— Боюсь, вам предстоит чертовски долгое путешествие, Лоуренс. Хочу надеяться, что это время пройдет не слишком уж скверно. — Адмирал взял себе стул и сел. — Помню, в девяностые годы, когда наш транспорт шел в Индию, нас три дня трепал шторм. Дождь хлестал просто ледяной, драконы даже полетать не могли. Бедняжка Обверсария всю дорогу страдала, а когда у дракона морская болезнь, вам тоже не сладко приходится.

Лоуренс драконьим транспортом никогда не командовал, но эту картину представил себе очень живо.

— Счастлив заверить вас, сэр, что Отчаянный очень хорошо переносит морские путешествия и получает от них немалое удовольствие.

— Посмотрим, как-то ему понравится ураган. Впрочем, при нынешних обстоятельствах вам обоим, пожалуй, возражать не приходится.

— Вы правы, сэр. — Лоуренс предвидел, что попадет из огня на сковородку, но был благодарен и за то, что поджарится не столь быстро. Путешествие займет много месяцев, и случиться за это время может все что угодно. Надежда остается всегда.

— Вид у вас неважный, — кивнул Лентон, — поэтому долго распространяться не буду. Мне удалось втолковать Барэму, что весь ваш экипаж должен ехать с вами. В противном случае у некоторых офицеров могут быть серьезные неприятности, и хорошо бы вам отчалить как можно скорее, пока он не передумал.

У Лоуренса, который на это не смел и надеяться, свалился с души еще один груз.

— Я в неоплатном долгу перед вами, сэр…

— Полно, что за вздор. — Лентон помолчал и добавил: — Мне чертовски жаль, Лоуренс. На вашем месте я от такого варварства обезумел бы еще раньше.

Лоуренс не знал, что и сказать — ему казалось, что он не заслуживает столь доброго к себе отношения.

— Жаль также, — продолжал Лентон, — что я не могу дать вам больше времени на поправку. Зато на корабле вам только и дела будет, что отдыхать. Барэм обещал им, что «Верность» отплывет не позже, чем через неделю — хотя за такой срок ему, мне сдается, трудновато будет найти капитана.

— Мне кажется, командовать ею назначили Картрайта? — припомнил Лоуренс. Он все еще читал «Флотские ведомости» и следил за ка-

рьерой своих прежних товарищей. Картрайт запомнился ему оттого, что они когда-то вместе служили на «Голиафе».

— Да, когда она собиралась идти в Галифакс — там для него вроде бы строится какой-то другой корабль. Они не могут ждать его целых два года, пока он будет ходить в Китай и обратно. Ну, кого-нибудь да отыщут, я полагаю, а вы пока что готовьтесь.

— Можете на нас положиться, сэр. Через неделю я буду совсем здоров.

В этом Лоуренс, пожалуй, был слишком оптимистичен. После ухода Лентона он хотел написать письмо, но голова опять разболелась. Выручил его Грэнби, взволнованный будущим путешествием и в грош не ставящий опасность, которая грозила его карьере.

— Как будто я мог поступить иначе, когда этот мерзавец приказывал схватить вас и наставлял на Отчаянного мушкеты! Выбросьте это из головы и говорите, что нужно писать.

Лоуренс больше не пытался призвать его к осторожности: преданность Грэнби не уступала силой былой неприязни.

— Всего несколько строк, пожалуйста — капитану Томасу Райли. Сообщите ему, что через

неделю мы отплываем в Китай. Если он не против командовать транспортом, пусть, не мешкая, обратится в Адмиралтейство: Барэму срочно нужен кто-нибудь на пост капитана «Верности». Добавьте еще, что на меня ссылаться не надо.

— Понимаю. — Грэнби быстро настрочил требуемое. Почерк у него был не самый изящный, но поддавался прочтению. — А вы хорошо его знаете? Ведь нам придется долго иметь с ним дело.

— Да, очень хорошо. Он был у меня третьим лейтенантом на «Белизе» и вторым на «Надежном». Присутствовал при рождении Отчаянного. Отличный офицер и моряк — лучшего и желать нельзя.

— Я сам отнесу письмо курьеру и накажу ему проследить за доставкой. Славно будет, если нам достанется не какой-нибудь надутый индюк… — Тут Грэнби осекся в смущении: не так давно он считал «надутым индюком» и самого Лоуренса.

— Спасибо, Джон, — поспешно, щадя его, сказал Лоуренс. — Не стоит пока слишком на это надеяться: министерство вполне может предпочесть кого-то более опытного. — Про себя, однако, он считал эту вакансию превосходным шансом. Избытка добровольцев Барэму наверняка не представится.

Драконий транспорт, каким бы внушительным он ни казался сухопутному человеку, — судно не слишком завидное. Он подолгу простаивает в порту, ожидая своих пассажиров, а команда тем временем предается разгулу и пьянству. Бывает и так, что он месяцами торчит посреди океана, служа опорным пунктом для тех драконов, что путешествуют с пересадкой. Это еще хуже морской блокады, поскольку общества там нет никакого. Транспортам редко доводится участвовать в битвах, а стало быть, и призовые достаются им редко. Тот, кто может надеяться на лучшее, вряд ли захочет командовать таким кораблем.

Но «Надежный», сильно потрепанный штормом после Трафальгара, еще долго простоит в сухом доке. У Райли нет связей, чтобы получить новый корабль, и почти нет капитанской выслуги. Он будет не менее рад представившейся возможности, чем Лоуренс — перспективе выйти в море с таким капитаном, а Барэм скорее всего ухватится за первого же охотника.

Весь следующий день Лоуренс со столь же малым успехом корпел над другими необходимыми письмами. Состояние его дел не предусматривало долгого путешествия вне досягаемости курьерской почты. Притом за последние тяж-

кие недели он совершенно забросил личную переписку и теперь непременно должен был ответить нескольким адресатам, в первую очередь родственникам. Отец после битвы при Дувре немного смягчил свое отношение к новой профессии сына. Напрямую письмами они пока не обменивались, но Лоуренсу по крайней мере не приходилось больше скрывать своей переписки с матерью — все недавние послания он открыто адресовал ей. Последние события могли подвигнуть отца на повторный запрет этой привилегии, однако Лоуренс надеялся, что тот услышит о них лишь в самых общих чертах. Барэму невыгодно было расстраивать лорда Эллендейла — особенно теперь, когда их общий политический союзник Уилберфорс на новой парламентской сессии собирался вновь выступить за отмену рабства.

Другие корреспонденты, которым предстояло увидеть сильно изменившийся почерк Лоуренса, были в основном морскими офицерами, хорошо понимавшими, что такое внезапный отъезд. Многочисленность писем, при всей их краткости, сделала свое дело. К следующему визиту Джейн Роланд Лоуренс в полной прострации, закрыв глаза, лежал на подушках.

— Я, конечно, отправлю все это, но вы ведете

себя неразумно, — пожурила она. — Удар по голове может иметь скверные последствия, даже если череп остался цел. Когда у меня в Вест-Индии была желтая лихорадка, я не делала вид, что чувствую себя хорошо. Я лежала в постели, кушала кашку, пила горячее молоко с вином и встала на ноги быстрей, чем все мои товарищи по несчастью.

— Спасибо за письма, Джейн. — Лоуренс с ней не спорил. Он действительно чувствовал себя хуже некуда и порадовался, когда она задернула шторы, погрузив комнату в благодетельный сумрак.

Разбудил его шум за дверью.

— Убирайтесь отсюда, — шипела Роланд, — не то я спущу вас с лестницы. Вздумали тоже — прокрадываться к больному, как только я выйду из комнаты!

— Но мне необходимо поговорить с капитаном Лоуренсом, — растерянно настаивал другой, незнакомый голос. — Я приехал сюда из Лондона…

— Ступайте к адмиралу Лентону, если это так срочно. Мне безразлично, что вы служите в министерстве. По возрасту вы годитесь мне в мичманы, и я отказываюсь верить, что ваше срочное дело

не может подождать до утра.

Джейн поплотнее прикрыла дверь, и Лоуренс, ничего больше не слыша, снова заснул. Но утром защищать его стало некому. Как только горничная принесла завтрак — ту самую кашку и молоко, приправленное вином, — новая попытка вторжения увенчалась полным успехом.

— Простите, сэр, что врываюсь к вам таким образом, — заговорил незнакомец, без спросу придвигая к постели стул. — Позвольте мне объясниться, — продолжал он, устраиваясь на самом краю сиденья. — Меня зовут Хэммонд, Артур Хэммонд. Министерство командировало меня сопровождать вас ко двору китайского императора.

Хэммонд был на удивление молод, не старше двадцати лет, с буйной гривой темных волос и одухотворенным выражением на бледном худом лице. Неловкость его извинений оправдывалась желанием поскорее перейти к делу.

— Нас, конечно, не представили… но все это застало нас совершенно врасплох, а отплытие, по словам лорда Барэма, назначено на двадцать третье число. Мы могли бы настоять на отсрочке, если вы пожелаете…

Лоуренс этого отнюдь не желал, хотя напори-

стость Хэммонда его в самом деле несколько удивила.

— Я полностью к вашим услугам, сэр. Нельзя откладывать путешествие ради пустых формальностей, особенно если принцу Юнсину уже назвали число.

— Я того же мнения, — с большим облегчением ответил Хэммонд.

Лоуренс, принимая во внимание его юные лета, заподозрил, что он получил это назначение лишь по нехватке времени, но молодой человек его быстро разубедил. Достав из нагрудного кармана толстую кипу бумаг, Хэммонд повел речь об их будущей миссии.

Лоуренс упустил нить почти сразу. Хэммонд, временами переходя на китайский, повествовал о посольстве Макартни, состоявшемся четырнадцать лет назад. В то время Лоуренс, только что произведенный в лейтенанты, был поглощен делами флота, собственной карьерой и имел лишь смутное понятие о том, что происходит на дипломатической ниве.

Хэммонда он, однако, не прерывал — как потому, что трудно было вставить хоть слово в этот плавно струящийся монолог, так и потому, что сей монолог странным образом успокаивал.

Хэммонд говорил не по годам веско, с очевидным знанием дела — и, что еще важнее, без малейших признаков неуважения, которое так возмущало капитана в манере Барэма. Чувствуя, что обрел в молодом дипломате союзника, Лоуренс внимательно слушал, хотя сам помнил лишь то, что корабль Макартни «Лев» первым из европейских судов составил карту залива Чжитао.

— О, — произнес Хэммонд с заметным разочарованием, поняв, что переоценил своего слушателя. — Впрочем, это не столь уж и важно, ведь посольство закончилось полнейшим провалом. Макартни отказался совершить коутоу, обряд поклонения императору, и китайцы были оскорблены. Они не позволили нам основать в Китае постоянную миссию и выпроводили англичан прочь под эскортом десятка драконов.

— Да, помню. — Лоуренс действительно обсуждал это с сослуживцами на батарее, горячо возмущаясь тем, что к послу Британской империи отнеслись таким образом. — Но ведь при коутоу требовалось пасть ниц?

— Мы не можем критиковать обычаи иностранцев, когда являемся к ним со шляпой в руке, — серьезно заявил Хэммонд. — Вы сами видите, сэр, какие это возымело последствия.

Уверен, что этот инцидент до сих пор отравляет англо-китайские отношения.

Лоуренс нахмурился. Довод в самом деле звучал убедительно и позволял объяснить, почему Юнсин постоянно ожидает со стороны англичан каких-то оскорбительных выходок.

— Думаете, именно поэтому они столько лет спустя предложили Бонапарту селестиала?

— Скажу вам с полной откровенностью, капитан: мы не имеем не малейшего представления о причине такого поступка. Все эти четырнадцать лет нашим единственным утешением и краеугольным камнем нашей внешней политики служила твердая убежденность в том, что китайцам до Европы столько же дела, как нам до пингвинов. Теперь наши основы поколебались.

Глава 3

«Верность» была сущим бегемотом среди кораблей: четырехсот футов в длину, непропорционально узкая, но с выпирающей от фок-мачты до носа широкой драконьей палубой. Сверху она напоминала какое-то подобие веера; киль, больше стальной, чем деревянный, был густо покрыт белой краской от ржавчины, а длинная белая полоса вдоль корпуса придавала ей залихватский вид быстроходного судна.

В целях устойчивости во время штормов она имела осадку больше двадцати футов, отчего в гавань войти не могла и швартовалась у громадных, вбитых на рейде свай. Мелкие суденышки, подвозившие припасы, делали «Верность» похожей на знатную леди в толпе угодливых слуг. Лоуренсу с Отчаянным уже доводилось плавать по морю на транспорте, но тот маленький трехдраконник, ходивший от Гибралтара до Плимута и имевший в ширину всего пару лишних досок, даже в сравнение не шел с бороздящей океан «Верностью».

— Как здесь хорошо — лучше даже, чем на лужайке. — Со своего единоличного почетного

места Отчаянный мог наблюдать корабельную жизнь, никому не мешая, а камбуз, помещенный прямо под драконьей палубой, прекрасно обогревал ее. — Тебе правда не холодно, Лоуренс? — осведомился он уже в третий раз, нагибая шею и заглядывая капитану в глаза.

— Нисколько, — кратко ответил тот, немного раздраженный этой неусыпной заботой. Голова у него перестала болеть и кружиться, как только шишка сошла, однако нога упорно отказывалась служить и пульсировала почти непрестанной болью. Его подняли на борт в люльке, что он счел оскорблением для себя, перенесли в кресле на драконью палубу и закутали в одеяла, как инвалида. Отчаянный, свернувшись вокруг, оберегал его от малейшего дуновения ветра.

К ним наверх вели два трапа, расположенные по бокам от фок-мачты. Половину бака между ней и грот-мачтой по обычаю предоставили авиаторам, остальной половиной распоряжались матросы. Экипаж Отчаянного уже обозначил невидимую демаркационную линию бухтами разноцветного троса, разложил сбрую и расставил корзины с железками. «Здесь наша территория — не суйтесь», — красноречиво говорил этот воздушный скарб. Все летчики, отдыхали они

или будто бы работали, держали ухо востро. Роланд и двое других кадет, Морган и Дайер, играли у самой границы, куда их отправили крыльманы, особо зорко блюдущие права корпуса. Сейчас вся троица с полным бесстрашием бегала взад и вперед по планширу.

Лоуренс следил за ними угрюмо — он все еще сомневался, правильно ли поступил, взяв с собой Роланд. «С какой стати ее оставлять? Разве она плохо себя вела?» — удивилась Джейн, когда он стал с ней советоваться, и ему было бы крайне неловко посвящать ее в суть своих опасений. С другой стороны, этой девочке предстояло когда-нибудь заменить свою мать на посту капитана Эксидиума; излишние нежности плохо подготовили бы ее к этой роли.

И все-таки зря он, пожалуй, решил ее взять. Здесь не запасник, и в корабельной команде, как он уже подметил опытным глазом, имеется несколько очень скверных субъектов: пьяницы, любители драк, сущие каторжники. Трудно будет оберегать девочку от этого сброда — тем более что он предпочел бы не обнаруживать секрета о наличии женщин в корпусе.

Он ни в коем случае не стал бы побуждать Роланд ко лжи или давать ей поблажки, но про себя

крепко надеялся, что правды никто не узнает. Ей всего одиннадцать, и мимолетный взгляд вряд ли разгадает истину под курткой и панталонами: он сам долго думал, что она мальчик. Но если между авиаторами и моряками завяжется дружба или хотя бы не будет вражды, чего очень желал бы Лоуренс, то кто-нибудь непременно заметит, к какому полу принадлежит кадет Роланд.

Первая из его надежд пока обещала сбыться скорее второй. Матросы, занятые погрузкой, громко прохаживались насчет «пассажиров», которые сидят сложа руки. Двое заявили даже, что бухты троса набросаны как попало, и принялись перематывать их без всякой нужды. Лоуренс не вмешивался: и его люди, и команда Райли были по-своему правы.

А вот Отчаянный, тоже заметивший это, фыркнул и слегка встопорщил жабо.

— По-моему, с этими тросами все в полном порядке. Мой экипаж прекрасно все уложил.

— Ничего, голубчик; перемотать трос никогда не мешает, — торопливо вмешался Лоуренс. Его не слишком удивляло, что Отчаянный начал распространять свои защитно-собственнические инстинкты на весь экипаж, ведь эти люди летали с ним уже несколько месяцев. Досадно только,

что это стало происходить с ним как раз теперь. Моряки и так, вероятно, нервничают из-за дракона — его вмешательство в местные споры на стороне авиаторов может лишь увеличить напряжение на борту. — Не надо на них обижаться, — продолжал капитан, поглаживая драконий бок. — То, как начинается путешествие, очень важно. Давай постараемся быть доброжелательными и сохранять мир.

— Давай, — согласился Отчаянный. — Но ведь мы ничего плохого не сделали, на что ж они жалуются?

— Скоро будем отчаливать, — заметил Лоуренс, чтобы сменить разговор. — Начинается прилив, и весь посольский багаж, кажется, уже погрузили.

«Верность» могла перевезти примерно десять драконов среднего веса. С одним Отчаянным она осталась бы недогруженной, но багаж, похоже, обещал заполнить даже ее просторные трюмы. Такое количество вещей шокировало Лоуренса, привыкшего путешествовать с одним сундучком, и казалось избыточным даже для огромной свиты Юнсина.

Принца сопровождали пятнадцать солдат и не менее трех врачей, каждый со своими помощниками: один для самого Юнсина, другой

для остальных двух послов, третий для прочих китайцев. Список продолжали переводчик, два повара с поварятами, дюжина личных слуг и еще столько же человек, чьи обязанности оставались загадкой. Одного джентльмена, например, представили как поэта, хотя Лоуренс считал это неточностью перевода: тот скорее всего был кем-то наподобие клерка.

Один только гардероб принца занимал около двадцати сундуков, украшенных тонкой резьбой и снабженных золотыми замками. Боцманская плетка щелкала то и дело, пресекая попытки наиболее предприимчивых матросов заглянуть внутрь. Бесчисленные мешки с провизией успели износиться, пока ехали сюда из Китая: один из них, вмещавший восемьдесят фунтов риса, лопнул к великой радости чаек, и матросам, помимо основной работы, приходилось теперь отражать их нашествие.

Посадка самих пассажиров тоже вызвала немало хлопот. Свита потребовала сходен, которые действительно *спускались* бы на корабль, что не представлялось возможным: даже если бы «Верность» могла подойти к причалу, высота ее палуб не допустила бы этого. Бедный Хэммонд битый час втолковывал, что *поднятие* на корабль не

подразумевает бесчестия и не содержит в себе никакой опасности; транспорт, на который он то и дело указывал, служил немым подтверждением его слов.

«Разве волна в самом деле так высока, капитан?» — воззвал он к Лоуренсу, исчерпав все свои ресурсы. Вопрос был просто нелеп: волна не насчитывала и пяти футов, хотя свежий ветер и покачивал порой пассажирский баркас, соединенный канатами с пристанью. Но ни явное удивление Лоуренса, ни его твердое «нет» служителей не успокоили. Казалось уже, что китайцы никогда не сядут на транспорт, но конец спорам положил сам Юнсин, которому надоело ждать. Покинув занавешенный паланкин, он сошел в лодку, презрев и суету своих людей, и протянутые ему руки матросов.

Китайцы, прибывшие со вторым баркасом, до сих пор поднимались на палубу с правого борта, где их встречали морские пехотинцы в красивых алых мундирах и наиболее респектабельные моряки в синих куртках.

Молодой Шун Кай легко выпрыгнул из люльки и постоял немного, оглядывая палубу. Лоуренсу показалось, что он не одобряет шума и беспорядка вокруг, но посол всего лишь хотел утвердиться

на ногах. Сделав несколько осторожных шагов, он сцепил руки за спиной и прошелся по мосткам. Его устремленный на снасти взгляд пытался, видимо, обнаружить какой-то смысл в путанице этих веревок.

Матросы, которым наконец-то самим довелось всласть поглазеть на китайца, остались очень довольны. Юнсин, сразу же ушедший в свою кормовую каюту, разочаровал их, но высокий, подобающе невозмутимый Шун Кай с бритым лбом, длинной черной косой и в роскошном синем халате с красно-оранжевыми узорами был почти что не хуже, да и палубу не спешил покидать.

Вскоре им, однако, представилось еще более занятное зрелище. Снизу послышались крики, раздался громкий плеск, и Шун Кай подбежал к борту взглянуть, в чем там дело. Бледный от ужаса Хэммонд помчался туда же, но миг спустя старший посол, мокрый до пояса, благополучно перевалил через борт. Добродушно посмеявшись над собственным приключением и отмахнувшись от Хэммонда, который, надо полагать, перед ним извинялся, он с грустной миной похлопал себя по круглому животу и удалился вместе с Шун Каем.

— Счастливо отделался. — Вскочивший с места

Лоуренс снова опустился на свое кресло. — Эти одеяния могли его легко утянуть на дно.

— Хоть бы они все потонули, — пробурчал Отчаянный тихо для своих двадцати тонн, то есть не очень тихо. На палубе раздались смешки, и Хэммонд беспокойно огляделся вокруг.

Все остальные явились на судно без происшествий и были размещены почти столь же быстро, как и багаж. Хэммонд, вспотевший несмотря на резкий холодный ветер, с облегчением вытер лоб и плюхнулся на рундук, к немалому раздражению людей у мостков. Он мешал им поднять обратно баркас, но при этом сам был пассажиром и важной персоной — не гнать же такого в шею.

Лоуренс, сжалившись над ними, поискал взглядом своих вестовых. Роланд, Морган и Дайер, которым велели сидеть на драконьей палубе и не путаться под ногами, устроились на самом ее краю, болтая ногами в воздухе.

— Морган, — позвал капитан, — пригласите мистера Хэммонда посидеть со мной, если он не против.

Хэммонд просиял и немедленно поднялся к Лоуренсу, а матросы у него за спиной принялись спешно выбирать тали.

— Благодарю вас, вы очень добры. — Он сел на

другой рундук, который придвинули ему Роланд и Морган, и с новыми изъявлениями благодарности взял предложенный стакан бренди. — Не представляю, что бы я стал делать, если бы Лю Бао действительно утонул.

— Вот, значит, как его имя? — Все, что запомнилось Лоуренсу о пожилом джентльмене, был тонкий с присвистом храп. — Плавание начинается не совсем гладко, но Юнсин вряд ли способен обвинить в этом вас.

— В этом вы ошибаетесь. Он принц и может обвинить кого пожелает.

Лоуренс склонен был принять это за шутку, но Хэммонд, вполне серьезный и даже мрачный, выпил свой бренди до половины и замолчал — а это, как вопреки их недолгому знакомству считал капитан, отнюдь не было ему свойственно.

— Я прошу меня извинить, — добавил он через некоторое время, — но даже одно-единственное необдуманное высказывание может иметь самые пагубные последствия.

Лоуренс не сразу понял, что это относится к злонамеренному пожеланию Отчаянного, но дракон оказался сообразительнее.

— Если я им не нравлюсь, тем лучше. Может быть, тогда они от меня отвяжутся и мне не

придется оставаться в Китае. — Эта мысль явно поразила Отчаянного, и он добавил с новым энтузиазмом: — Может, они уберутся прямо сейчас, если сильно обидятся? Что бы такое придумать, а, Лоуренс?

Хэммонд выглядел, как Пандора, открывшая свою шкатулку и выпустившая в мир всевозможные ужасы. Лоуренс из участия к нему подавил смех. Хэммонд, несмотря на свою одаренность, был слишком молод для такой должности и по недостатку опыта чересчур осторожничал.

— Нет, голубчик, так не годится. Они сочтут, что это мы учим тебя плохому, и еще больше захотят оставить тебя на родине.

— Да? — Отчаянный взгрустнул и снова опустил голову на передние лапы. — Я, в общем, не против отъезда. Наши, правда, будут воевать без меня, зато у нас впереди интересное путешествие, да и Китай мне хочется посмотреть. Но я уверен, что нас с тобой опять попытаются разлучить, и больше такого не потерплю.

Хэммонд благоразумно не стал развивать опасную тему.

— Погрузка, должно быть, сильно затянулась против обычного? Я рассчитывал к полудню быть уже на середине Канала, а мы между тем еще и

паруса не поставили.

— Думаю, они уже скоро закончат, — ответил Лоуренс. На борт как раз поднимали последний сундук. Усталые матросы смотрели угрюмо: за это время они могли бы погрузить десять драконов вместо одного-единственного аристократа с его челядью и пожитками, а их обед наверняка сильно запаздывал.

Капитан Райли поднялся к ним с квартердека, снимая на ходу шляпу и вытирая пот.

— Хотел бы я знать, как они добирались до Англии — ведь не на транспорте же?

— Нет — иначе мы, конечно, возвращались бы на их корабле. — Раньше Лоуренс не задумывался над этим и только теперь понял, что не имеет понятия, как китайцы совершили свое путешествие. — Возможно, они ехали сушей.

Хэммонд молча нахмурился, задавшись, видимо, тем же вопросом.

— Интересно, наверно, было увидеть столько разных стран, — заметил Отчаянный и торопливо добавил, глядя на Райли: — Но я совсем не жалею, что буду плыть морем, ни капельки. И это гораздо быстрее, ведь верно?

— Вовсе нет, — возразил Лоуренс. — Курьер, я слышал, добирается от Лондона до Бомбея два ме-

сяца, а мы будем идти до Кантона самое меньшее семь. Но безопасный путь по суше для нас заказан. Для начала пришлось бы пересечь Францию, а дальше полным-полно разбойничьих шаек, не говоря уж о горах и пустыне Такла-Макан.

— Я бы сказал, восемь, а не семь, — уточнил Райли, — а возможно, и больше. В судовом журнале сказано, что «Верность» делает шесть узлов при самом благоприятном ветре. — На верхней и нижней палубах кипела работа: команда готовилась выбрать якорь и поднять паруса. Прилив шел на убыль, волны слабо плескали в корпус с наветренной стороны. — Этой ночью мне придется побыть наверху, Лоуренс, — хочу посмотреть, на что способен корабль; но завтра мы, надеюсь, отобедаем вместе. Вы, разумеется, тоже приглашены, мистер Хэммонд.

— Я совсем не знаком с корабельной жизнью и прошу вашего снисхождения, капитан, — сказал молодой дипломат. — Прилично ли будет пригласить на обед послов?

— Право же… — замялся в удивлении Райли. Лоуренс его не винил: приглашать гостей к чужому столу было несколько смело. Но капитан быстро оправился и добавил: — Принцу Юнсину подобало бы первым выступить с таким пригла-

шением, сэр.

— Наши отношения таковы, что мы придем в Кантон раньше, чем это случится. Начинать придется нам, хотим мы того или нет.

Райли не уступал, но Хэммонд, искусно сочетая уговоры с полным непониманием намеков, сумел-таки его уломать. Капитан, вероятно, продержался бы дольше, но его ждали с поднятием якоря, и прилив не позволял медлить.

— Благодарю за содействие, сэр, — промолвил Хэммонд, — и прошу меня извинить. На суше я неплохо пишу по-китайски, но в море приглашение пристойного вида займет, думаю, несколько больше времени. — И он исчез, не дав Райли возможности взять назад не совсем ясно выраженное согласие.

— Ну, а я тем временем постараюсь уйти подальше от берега, — угрюмо заявил капитан. — Если моя наглость очень уж их разозлит, то при таком ветре им при всем желании нельзя будет вернуться в порт и выкинуть меня вон. А до Мадейры, глядишь, и остынут.

Он соскочил на бак, отдал команду, и матросы, покрикивая в лад, тут же начали вращать большой, вчетверо выше обычного, кабестан. Цепь протягивалась через железные кат-балки — ведь

на «Верности» самый малый верп-анкер был не меньше носового якоря любого другого судна, а расстояние между его лапами превышало человеческий рост.

Райли, к счастью для команды, не приказывал верповаться. Матросы просто оттолкнулись железными шестами от свай, да и без этого можно было бы обойтись. Прилив вместе с норд-вестом, дувшим «Верности» прямо в правый борт, помогли ей легко сняться с причала. На корабле были подняты только марсели, к которым Райли после отхода добавил нижние паруса и брамсели. Вопреки пессимистическому прогнозу своего капитана, транспорт вскоре набрал приличную скорость. Благодаря длинному углубленному килю «Верность» не слишком дрейфовала под ветер и бодро двигалась вниз по Каналу.

Отчаянный, овеваемый ветром, напоминал носовую фигуру древнего корабля викингов. Лоуренс улыбнулся, подумав об этом сходстве, а дракон ласково ткнул его носом.

— Может, почитаем? Еще пара часов, и станет темно.

— С удовольствием. Морган, сбегайте, пожалуйста, вниз и принесите книгу, что лежит на моем сундуке. Гиббон, второй том.

Большую адмиральскую каюту на корме наспех переделали под апартаменты принца Юнсина, капитанскую на полуюте заняли двое других послов, охрану и свиту разместили там же поблизости. Переехать пришлось не одному Райли, но и его первому помощнику лорду Парбеку, хирургу и еще нескольким офицерам. К счастью для них, почти все носовые каюты, предназначенные для старших авиаторов, пустовали — ведь Отчаянный был единственным драконом на борту. Места, таким образом, хватило всем. По случаю парадного обеда плотники сняли в этих помещениях переборки и соорудили одну большую кают-компанию.

Хэммонд счел, что она даже чересчур велика.

— Нехорошо, если принц подумает, что у нас места больше, чем у него. — В итоге переборки подвинули футов на шесть, и в каюте с составленными вместе столами стало довольно тесно.

Райли, получивший за Отчаянного почти столь же щедрую премию, как и сам Лоуренс, мог себе позволить хороший стол, но для такой оказии ему потребовалась чуть ли не вся мебель, бывшая на борту. Оправившись от шока после того, как китайцы частично приняли его приглашение, капитан позвал еще лейтенантов Лоуренса,

собственных мичманов и всех, кто предположительно мог поддержать цивилизованный разговор.

— Но ведь принц не придет, — заметил Хэммонд, — а другие, если не считать переводчика, и десяти слов по-английски не свяжут.

— Значит, будем беседовать между собой, чтобы не сидеть в надутом молчании, — возразил Райли.

Но надежды его не сбылись. Как только прибыли гости, воцарилось то самое молчание, которого он так опасался. Китайцы, несмотря на присутствие переводчика, ни слова не соизволили проронить. Лю Бао тоже не явился, а Шун Кай, единственный представитель посольства, ограничился формальным приветствием. После этого он только и делал, что изучал фок-мачту, расписанную желтыми полосами. Она проходила через потолок и середину стола; посол заглянул даже под скатерть, чтобы осмотреть уходящую под палубу нижнюю часть.

Райли выделил правую сторону стола исключительно для китайцев и проводил их на эти места, но они не пожелали занять их. Британцы, уже начавшие рассаживаться, замерли на полпути в самых разнообразных позах. Растерянный ка-

питан повторил приглашение — ему пришлось сделать это еще несколько раз, прежде чем гости опустились на стулья. Начало было не из удачных и не побуждало к беседе.

Офицеры сосредоточились на еде, но хорошие манеры и здесь выручили их ненадолго. Китайцы принесли с собой лакированные палочки и пользовались ими вместо ножей и вилок. Британцы, завороженные этим искусством, невольно принялись наблюдать, как те управляются с каждым подаваемым блюдом. Большие ломти жареной бараньей ноги гостей несколько озадачили, но затем один молодой человек, опять-таки при помощи палочек, свернул свой кусок и съел его в три приема, подав пример остальным.

Трип, самый младший из мичманов Райли, толстый отрок двенадцати лет (его приняли на борт благодаря тому, что в их семействе числилось трое членов Парламента, и пригласили больше в воспитательных целях), стал подражать им, перевернув нож и вилку, но лишь причинил этим ущерб своим бриджам. Место на дальнем конце стола делало его недосягаемым для суровых взглядов, а соседи таращились на китайцев и не обращали на него никакого внимания.

Райли, силясь отвлечь Шун Кая от проделок

мальчишки, поднял бокал и произнес, кося краем глаза на Хэммонда:

— Ваше здоровье, сэр.

Хэммонд перевел, и Шун Кай, учтиво кивнув, слегка пригубил свое вино (мадера, подкрепленная бренди, предназначалась как раз для долгих морских переходов). Застолье на какое-то время сделалось веселее: офицеры, вспомнив о своем долге, начали поднимать тосты за других гостей. Перевода это не требовало, и кивки с улыбками начали перелетать через стол. Хэммонд рядом с Лоуренсом чуть слышно перевел дух и впервые проглотил что-то.

Лоуренс сознавал, что плохо помогает хозяевам — но его больная нога упиралась в козлы, не позволявшие ее вытянуть, а голова, хотя пил он до неприличия мало, сильно отяжелела. Он тратил все силы на то, чтобы вовсе не оконфузиться, и намеревался потом извиниться перед Райли за свое несветское поведение.

Фрэнкс, третий лейтенант Райли, поднял свои первые три бокала в полнейшем неучтивом молчании, но вино мало-помалу развязало ему язык. Мальчиком, в мирные годы, он служил в Ост-Индии, где нахватался каких-то китайских слов. Сейчас он решил испробовать наименее

непристойные из них на своем визави — молодом, худощавом и чисто выбритом. Китаец, которого звали Ю Бин, просветлел и попытался ответить ему на столь же скудном английском.

— Очень хороший есть… — начал он и остановился, не находя слов для завершения комплимента. Он лишь качал головой на самые вероятные предположения Фрэнкса — ветер, ночь, обед — и в конце концов обратился за помощью к переводчику.

— У вас превосходный корабль, — сообщил тот. — Он очень остроумно построен.

Сердце моряка не могло не отозваться на такие слова. Райли, оставив на время прерывистую беседу с Хэммондом и Шун Каем, сказал переводчику:

— Прошу вас передать джентльмену мою благодарность; надеюсь, что всем вам будет удобно на моем судне.

— Благодарю вас, сэр, — передал в ответ Ю Бин, склонив голову. — Мы и сейчас находим, что путешествуем гораздо удобнее прежнего. Сюда мы плыли на четырех кораблях, и один оказался до крайности тихоходным.

— Вам ведь уже доводилось огибать мыс Доброй Надежды, капитан Райли? — вмешался в

разговор Хэммонд.

Лоуренс посмотрел на него с удивлением. Райли, тоже слегка опешивший, не успел ответить — его опередил Фрэнкс, который, следя за укладкой китайского багажа, два дня проторчал в дурно пахнущем трюме.

— Всего четыре судна? — воскликнул он с хмельной фамильярностью. — Странно, что не шесть. Вы ехали, должно быть, как сельди в бочке.

— Суда действительно были маловаты, — кивнул Ю Бин, — но на службе императору всякое неудобство лишь радует. Кроме того, у вас в Кантоне тогда не оказалось более вместительных кораблей.

— Так вы зафрахтовали суда Ост-Индской компании? — спросил лейтенант морской пехоты Макриди, малорослый, худой и жилистый. Он носил очки, казавшиеся нелепыми на исполосованном шрамами лице.

Моряки довольно заулыбались, расслышав легкий оттенок превосходства в этом вопросе. Французы умеют строить корабли, но ходить на них не умеют; «доны» вспыльчивы и недисциплинированны; у китайцев вовсе нет того, что заслуживало бы названия флота — все эти

многократно повторяемые истины каждый раз доставляли им удовольствие и подкрепляли их дух.

— Четыре корабля, везущие обыкновенный багаж вместо фарфора и шелка! — не унимался Фрэнкс. — Они, наверно, обошлись вам в целое состояние.

— Странно, что вы упомянули об этом, — ответил Ю Бин. — Хотя мы ехали по прямому поручению императора, один капитан в самом деле потребовал платы, а затем попытался отплыть, не получив на то разрешения. Должно быть, злой дух овладел им и толкнул на такого рода безумство. Но ваша компания нашла для него врача, и ему позволили принести извинения.

— Так почему же они согласились везти вас, раз вы ничего им не заплатили? — вытаращил глаза Фрэнкс.

Ю Бин тоже уставился на него, изумленный таким вопросом.

— Корабли были конфискованы по указу императора — что же им было делать? — Китаец пожал плечами, как бы закрыв тему, и обратил все свое внимание на тарталетки с вареньем, которыми кок Райли сопроводил последнее перед десертом блюдо.

Лоуренс отложил свой прибор: его аппетит, слабый с самого начала, теперь совершенно пропал. Как небрежно они говорят о захвате британской собственности, о том, как британских моряков вынудили служить иноземному трону! Нет, он, вероятно, чего-то не понял. Все газеты в стране должны были поднять крик по этому поводу, а правительство — выразить официальный протест. Он посмотрел на Хэммонда — тот был бледен и взволнован, но не выглядел удивленным. Лоуренсу вспомнилось подобострастное поведение Барэма, вспомнилась попытка Хэммонда переменить разговор, и сомнения оставили его окончательно.

Та же мысль, по-видимому, посетила и остальных. На британской стороне перешептывались, и Хэммонду пришлось снова поднять вопрос, на который капитан так и не собрался ответить.

— Надеюсь, это было не слишком трудно? Не хотелось бы встретиться с непогодой в пути. — Но это не помогло делу, и тишину нарушало лишь чавканье юного Трипа.

Гарнетт, штурман, толкнул мальчика локтем, и тишина сделалась полной. Шун Кай, чувствуя, что над столом собираются тучи, поставил бокал. Хозяева пили много, хотя обед не дошел еще и до

половины, и многие молодые офицеры побагровели от гнева. Военные моряки, оказавшись на берегу в годы мира, часто поступали на корабли Ост-Индской компании. Традиционно крепкие узы между британским флотом и его торговой сестрой делали оскорбление еще более нестерпимым.

Озабоченный переводчик встал, но другие китайцы еще не поняли, в чем тут дело. Кто-то из них рассмеялся в ответ на замечание своего соседа, и этот смех показался всем до странности громким.

— Ей-богу же!.. — крикнул Фрэнкс. Его схватили за руки с двух сторон и удержали на стуле, но ропот не прекратился.

— За нашим столом, — произнес кто-то, и его поддержали согласными возгласами. В каюте определенно назревал шторм. Хэммонд пытался что-то сказать, но никто не слушал его.

— Капитан Райли, — сказал Лоуренс, перекрывая всех остальных, — не расскажете ли, каким курсом мы будем следовать? Мистеру Грэнби было бы любопытно узнать.

Грэнби через несколько стульев от него, бледный под слоем загара, вздрогнул и тут же подхватил:

— Это так, сэр, буду вам очень признателен.

— Разумеется. — Райли обернулся назад, где лежали на шкафчике его карты, развернул одну на столе и стал объяснять несколько громче обычного: — На выходе из Канала мы сделаем крюк, чтобы обойти Францию и Испанию. Затем приблизимся к африканскому побережью и будем придерживаться его по мере возможности. Задержимся на Мысе до начала летних муссонов — от недели до трех, смотря когда прибудем туда, а после с попутным ветром пойдем к Южно-Китайскому морю.

Гнетущее молчание было прервано, и его мало-помалу сменили необходимые реплики. Но с китайцами никто больше не заговаривал, кроме Хэммонда, изредка обращавшегося к Шун Каю — да и тот под огнем осуждающих взглядов скоро сник и умолк. Райли велел подавать пудинг, обрекая обед на малопочтенную преждевременную кончину.

Офицерам прислуживали морские пехотинцы или матросы, стоявшие позади каждого стула. Когда Лоуренс, подтягиваясь на руках, вылез по трапу на палубу, слух уже разошелся по всему кораблю, и авиаторы переговаривались с моряками через границу.

Хэммонд, видя повсюду злобные взоры и стиснутые до боли зубы, состарился на глазах. Лоуренс вместо жалости испытывал одно лишь негодование: ведь Хэммонд намеренно пытался скрыть постыдное кантонское происшествие.

Подошел Райли с чашкой кофе, кипевшего, судя по запаху, на слишком сильном огне.

— Мистер Хэммонд, — сказал он тихо, но властно. Лоуренс ни разу не слышал, чтобы его бывший подчиненный говорил таким тоном: казалось, свойственный Райли легкий юмор бесповоротно покинул его. — Прошу вас передать китайцам, чтобы сидели внизу. Выдумывайте какие хотите предлоги. Я и пенни не дам за жизнь того из них, кто сунется в ближайшее время на палубу. А вы, капитан, — обратился он к Лоуренсу, — прикажите, пожалуйста, своим людям ложиться спать. Мне не нравится их настроение.

— Хорошо. — Лоуренс прекрасно понимал капитана: взбудораженные люди склонны к насилию, а там и до бунта недалеко. Первоначальная причина возмущения забывается быстро. — Отправьте ребят вниз, Джон, — сказал он Грэнби, отведя его в сторону, — и пусть офицеры позаботятся, чтобы все было тихо. Беспорядки нам не нужны.

— Есть, сэр, хотя, видит Бог… — Грэнби, тоже сильно рассерженный, покачал головой и ушел.

Авиаторы подчинились беспрекословно, и их пример оказал благотворное влияние на матросов, когда тем отдали такой же приказ. Кроме того, люди знали, что офицеры в этом случае им не враги: гнев кипел в каждой груди, все испытывали сходные чувства. Первый лейтенант лорд Парбек почти не встречал возражений, обходя палубу и распоряжаясь с аристократическим выговором:

— Ступайте, Дженкинс, и вы тоже, Харви.

Отчаянный ждал на драконьей палубе, сверкая глазами. Он слышал достаточно и просто сгорал от любопытства. Когда Лоуренс рассказал ему все в подробностях, он фыркнул и заявил:

— Сидели бы лучше дома, раз своих кораблей нет. — Поступок китайцев, впрочем, не вызвал в нем особого возмущения: драконы весьма легко относятся к чужой собственности, ревностно оберегая при этом золото и драгоценности, принадлежащие им самим. Отчаянный как раз полировал свою сапфировую подвеску, подарок Лоуренса, — он снимал ее с шеи только в подобных случаях.

— Это оскорбительно для Короны, — сказал

Лоуренс, яростно растирая больную ногу; если бы не она, он сейчас расхаживал бы по палубе взад-вперед. Хэммонд курил сигару у поручней квартердека, и красный огонек время от времени освещал его бледное, блестящее от пота лицо. Лоуренс свирепо взирал на него через разделяющее их пустое пространство. — Я прямо-таки удивляюсь ему — и Барэму тоже. Замять такой возмутительный случай, избежав всякой огласки… это превыше моего понимания.

— Я думал, мы должны избегать войны с Китаем любой ценой, — совершенно резонно заметил Отчаянный. Ему долго это втолковывали, и сам Лоуренс тоже внес свою лепту.

— Если уж выбирать из двух зол, я предпочел бы договор с Бонапартом. — Лоуренс был слишком зол, чтобы рассуждать здраво. — У него по крайней мере достало приличия объявить нам войну, прежде чем захватывать наших подданных — а эти господа швыряют нам оскорбления прямо в лицо, заранее уверенные, что мы не посмеем ответить. Неудивительно, впрочем, когда наше правительство опрокинулось перед ними на спину, как стая дворняг. И подумать только, — продолжал Лоуренс, закипая, — что этот негодяй после всего случившегося уговаривал меня согла-

ситься на коутоу…

Отчаянный, удивляясь негодованию своего капитана, нежно потыкал его носом.

— Пожалуйста, не волнуйся так — тебе вредно.

Лоуренс сконфуженно потряс головой и прислонился к нему. В самом деле, что пользы так бушевать. Вахтенные матросы могут услышать его и совершить что-нибудь необдуманное, да и Отчаянного расстраивать незачем. Однако теперь многое стало для него ясным. Правительство, проглотив столь тяжкое оскорбление, едва ли могло возражать против передачи китайцам одного-единственного дракона. Они только порадовались возможности избавиться от этого неприятного приобретения и окончательно все замять.

— Ты побудешь немного со мной на палубе? — спросил Отчаянный, ластясь к нему. — Посиди отдохни, успокой нервы…

Лоуренс и сам не хотел уходить. Биение могучего сердца под его ладонями удивительным образом возвращало утраченное спокойствие. Ветер был не слишком силен, а присутствие лишнего офицера на палубе могло быть только полезно.

— Да, хорошо. Помимо всего прочего, мне не

хочется бросать Райли одного в такой ситуации. — И Лоуренс пошел, хромая, за одеялами.

Глава 4

Крепнущий норд-ост пронизывал холодом. Лоуренс проснулся, взглянул на звезды и увидел, что проспал всего пару часов. Закутавшись поплотнее, он попытался отвлечься от боли в ноге. На палубе царила странная тишина: вахтенные под бдительным оком Райли не смели переговариваться, и только со снастей порой доносился шепот. Луны не было, но фонари давали кое-какой свет.

— Ты замерз, — неожиданно промолвил Отчаянный, обратив на Лоуренса свои голубые глаза. — Иди в каюту и спи спокойно: я Райли в обиду не дам. И китайцев тоже, раз ты так хочешь, — без особого энтузиазма добавил он.

Лоуренс устало кивнул. Опасность, по его мнению, миновала, и не было больше необходимости оставаться на палубе.

— Тебе удобно?

— Да, снизу идет тепло. — Отчаянный говорил верно: Лоуренс чувствовал обогрев даже сквозь подошвы своих башмаков.

Приятно было укрыться от ветра. Ногу, пока он спускался на верхнюю каютную палубу, пару раз

словно ножом пронзило, но Лоуренс перенес вес на руки и удержался на трапе.

В круглые окошки не дуло, а камбуз, успешно обогревавший Отчаянного, отапливал и его каюту. Кто-то из вестовых зажег висячий фонарь, книга Гиббона так и лежала открытой на шкафчике. Лоуренс, несмотря на боль, уснул почти сразу: легкое покачивание койки было ему милее любой перины, плеск воды за бортом убаюкивал.

Проснулся он от сильного крена и шума, который скорее ощутил, чем услышал. Выбросил руку, уперся в потолок. Крыса проехалась по полу, врезалась в сундуки и возмущенно шмыгнула в темноту.

Корабль выровнялся почти в то же мгновение. Ни шквального ветра, ни сильной волны — не иначе это Отчаянный поднялся в воздух. Лоуренс накинул на ночную сорочку непромокаемый плащ и босиком вышел наружу. Резкое стаккато барабанщика, бьющего тревогу, отражалось от деревянных стен. Плотник и его помощники бежали снимать переборки. В повторном грохоте Лоуренс распознал взрывы бомб. Рядом внезапно возник Грэнби, одетый несколько приличнее, поскольку спал в бриджах. Лоуренс без возражений оперся на его руку, и они вместе, протискиваясь

сквозь толчею, поднялись на драконью палубу. Матросы бежали к помпам и поливали паруса из ведер забортной водой. На краю свернутого сейчас бизань-топселя трепетал оранжево-желтый огонь. Веснушчатый тринадцатилетний мичман, все утро бивший баклуши на глазах у Лоуренса, отважно взобрался на рей и сбил пламя собственной мокрой рубашкой.

При отсутствии всякого другого света не видно было, что происходит вверху, а шум на палубе заглушал все остальное — авиаторы не услышали бы Отчаянного, реви он даже в полную силу.

— Надо пустить ракету, — сказал Лоуренс, принимая от подоспевшей Роланд свои сапоги, а от Моргана бриджи.

— Каллоуэй, тащите ракеты и порох! — скомандовал Грэнби. — Должно быть, это флер-де-нюи[9] — он один из всех драконов способен видеть в безлунную ночь. И чего они так орут? — посетовал лейтенант, вглядываясь в черное небо.

Громкий треск заставил его оттащить капитана в сторону. Их обдало щепками, снизу донеслись вопли: бомба, пробив палубу, попала на камбуз. Из дыры валил пар и несло солониной, которую

---

[9] Примечания: 9
ночной цветок (*фр.*).

вымачивали для завтрашнего обеда. Да, ведь уже четверг, вспомнил Лоуренс: корабельный распорядок крепко засел в его памяти.

— Вас надо увести вниз, — сказал Грэнби и позвал: — Мартин!

Возмущенный взгляд Лоуренса в темноте пропал зря, и Мартин, нашедший это распоряжение вполне естественным, взял его за левую руку.

— Я не уйду с палубы, — решительно заявил капитан.

Запыхавшийся канонир Каллоуэй прибежал с ящиком. Еще миг, и первая ракета взвилась, озарив небо бледно-желтым огнем. Взревел дракон — не Отчаянный, судя по голосу. Селестиал, как успел разглядеть Лоуренс, парил над кораблем, прикрывая его собой, а флер-де-нюи, отворачиваясь от света, уходил в сторону.

Отчаянный с ревом устремился за ним в погоню, но ракета уже погасла.

— Другую, черт вас возьми! — крикнул Лоуренс Каллоуэю — тот стоял, задрав голову, как и все. — Светите ему, пускайте одну за другой.

Нашлось слишком много охотников помочь канониру: три ракеты взлетели одновременно, и Грэнби ринулся, чтобы пресечь дальнейшие траты. Вскоре дело наладилось, и очередная ракета

вспыхивала, как только предыдущая гасла. Отчаянный в облаках дыма догнал флер-де-нюи; тот спикировал, и бомбы с него посыпались в воду.

— Сколько осталось ракет? — вполголоса спросил Лоуренс.

— Дюжины четыре, не больше — с корабельными вместе, — ответил Грэнби. — Их канонир принес нам весь свой запас.

Каллоуэй начал пускать ракеты пореже, и между вспышками вновь становилось черным-черно. Глаза у всех болели от дыма и попыток разглядеть что-то в кратких проблесках света. Каково-то приходится Отчаянному, думал Лоуренс — наполовину слепому, ведущему бой с полностью оснащенным противником.

— Сэр! Капитан! — Лоуренс с помощью Мартина поспешил к Роланд, махавшей ему от поручней правого борта. Ракета, одна из последних, на миг осветила море позади «Верности». Два тяжелых французских фрегата шли за ними с попутным ветром, и набитые людьми шлюпки подкрадывались к транспорту с обоих бортов.

— Абордажники! — закричал сверху впередсмотрящий, и все снова пришло в смятение. Матросы бежали натягивать противоабордажные сети, Райли с рулевым и двумя первыми на

корабле силачами крутил огромный штурвал, пытаясь развернуть транспорт бортом к вражеским шлюпкам. Уходить от погони не было смысла: фрегаты при таком ветре делали хороших десять узлов.

С пушечных палуб через трубу камбуза доносились крики и топот: мичманы и лейтенанты Райли ставили людей по местам, вновь и вновь вдалбливая затверженные наставления в головы полусонных артиллеристов.

— Поберегите ракеты, Каллоуэй, — распорядился Лоуренс. Ему очень не хотелось играть на руку флер-де-нюи, но их небольшой запас лучше было оставить для решающего удара.

— Абордаж отражать готовсь! — загремел боцман. «Верность» разворачивалась, из мрака слышался ритмичный плеск весел.

— Пли! — скомандовал Райли.

Пушки грохнули, изрыгая огонь и дым. Оценить причиненный ущерб не представлялось возможным. Крики и треск расщепленного дерева показывали, что по крайней мере часть ядер попала в цель, но неопытность канониров «Верности» стала видна после первого же бортового залпа.

Первое орудие выстрелило лишь четыре ми-

нуты спустя, второе и третье вовсе молчали, четвертое и пятое выпалили исправно, шестое и седьмое плюхнули свой заряд в воду.

— Прекратить огонь! — подал команду Парбек. «Верность» теперь могла дать залп лишь после нового поворота, и абордажники налегли на весла.

Над водой плыли облака густого серого дыма. Корабль снова погрузился во тьму, не считая лужиц света от палубных фонарей.

— Вы должны как-то сесть на Отчаянного, — сказал Грэнби Лоуренсу. — До земли еще не так далеко, и поблизости могут оказаться другие суда — например, транспорт из Галифакса.

— Я не собираюсь улепетывать и отдавать стопушечный транспорт французам, — свирепо отрезал Лоуренс.

— Я уверен, что мы продержимся, и даже в противном случае «Верность» можно будет отбить еще до прихода в порт, если вы предупредите эскадру. — Ни один морской офицер не стал бы так противоречить своему командиру, но в авиации дисциплина далеко не такая строгая — притом Грэнби вполне обоснованно заботился о безопасности капитана, как и полагалось первому лейтенанту.

— Ее могут отвести в Вест-Индию или в испанский порт, где нет нашего оцепления, — настаивал Лоуренс. — Нельзя отдавать им корабль.

— И все-таки лучше вам улететь, пока в плен не попали. Что, если нас вынудят сдаться? Улетайте и уводите Отчаянного.

— Прошу прощения, сэр, — подал голос Каллоуэй, — кабы мне дали перечницу, мы бы пальнули вверх ракетным порохом и малость очистили воздух.

— Сейчас скажу Макриди, — вызвался Феррис и побежал искать лейтенанта морской пехоты.

Снизу притащили перечную мортиру с наполовину разобранным дулом. Каллоуэй осторожно вскрыл один снаряд, вытряс из него половину перца, достал из коробки кулечек с порохом и стал понемногу сыпать его в скорлупу. Один глаз он при этом зажмурил, лицо отвернул в сторону. Двое авиаторов держали его за пояс. Черные оспины на щеках Каллоуэя красноречиво говорили о прежнем опыте. Желтый световой порох не требовал запала и от неосторожного обращения мог вспыхнуть в любую минуту. Он давал куда больше жара, чем обычный пушечный, но и сгорал быстрее.

Канонир закрыл снаряд, а полупустой кулек

сунул в ведро с водой. Воду тут же вылили за борт. Каллоуэй заклеил шов на скорлупе дегтем, смазал весь снаряд жиром и зарядил перечницу. Лишь тогда к орудию привинтили вторую половину ствола.

— Ну вот — глядишь, и не разорвет пушкуто, — сказал Каллоуэй, с немалым облегчением вытирая руки.

— Хорошо, — отозвался Лоуренс. — Три последние ракеты придержите до выстрела. Макриди, нам понадобится ваш лучший наводчик. Если не попадем в голову, толку не будет.

— Действуй, Харрис, — приказал Макриди долговязому костлявому парню лет восемнадцати и обернулся к Лоуренсу: — Не беспокойтесь, сэр. Глаза у него молодые, он не промажет.

Внизу, на квартердеке, послышались чьи-то сердитые голоса — это Шун Кай вышел на палубу с двумя слугами, тащившими огромный сундук. Команда транспорта и почти все авиаторы сгрудились у бортов с саблями и пистолетами, готовясь отражать абордаж, но один матрос с пикой подался было к послу. Боцман хлестнул его концом узловатой веревки, приговаривая:

— Стоять, ребята! Стоять!

Лоуренс в суматохе почти позабыл о злосчаст-

ном обеде. Ему казалось, что это случилось месяц назад, но Шун Кай так и не снял своего парадного облачения. Руки он держал в рукавах — зрелище, способное окончательно вывести из себя взбудораженных англичан.

— А, черт бы взял его душу! Надо, чтоб он убрался немедля! Сейчас же ступайте вниз, сэр! — закричал Лоуренс, указывая на трап — но Шун Кай уже поднимался на драконью палубу, и слуги волокли за ним тяжелый сундук. — Где этот чертов переводчик? Дайер, поищите его… — Слуги открыли сундук, и надобность в переводе отпала: на соломе лежали ракеты самых разных цветов, в завитках золотой и серебряной краски.

Каллоуэй тут же схватил одну, синюю, с желто-белыми полосами. Один из слуг заботливо показал ему, как поджигать запал спичкой.

— Знаю, знаю, — нетерпеливо сказал канонир. Ракета зажглась сразу и улетела в небо, намного опередив прежние.

Вслед за белой вспышкой раздался гром, и в воздухе, мерцая, повисли желтые звезды. Негодующе вопящий флер-де-нюи показался всего в ста футах над морем. Отчаянный, оскалив зубы, метнулся к нему.

Французский дракон спикировал, уворачива-

ясь от его когтей.

— Харрис, стреляй! Стреляй! — заорал Макриди. Молодой солдат прищурился, глядя в прицел. Снаряд, посланный чуть выше, чем следовало, попал в витые рожки на лбу флер-де-нюи и полыхнул белым пламенем. Дракон закричал снова, теперь от боли; он пронесся над кораблем так низко, что паруса заполоскали, и скрылся в ночи.

Харрис встал, широко улыбаясь щербатым ртом, и вдруг упал. Ему оторвало руку вместе с плечом, Макриди сшибло с ног, Лоуренс вытащил из руки здоровенную щепку и вытер брызги крови с лица. Бомба, брошенная напоследок с флер-де-нюи, вдребезги разнесла перечницу.

Двое матросов выбросили тело Харриса за борт. Больше убитых не было. Все звуки после взрыва казались до странности тихими. Каллоуэй запустил еще пару китайских ракет, разукрасив полнеба оранжевыми мазками, но Лоуренс слышал их хлопки только левым ухом.

Отчаянный снова опустился на палубу, лишь слегка покачнув корабль.

— Скорей, скорей, — говорил он, пригибая голову, пока портупейщики надевали на него сбрую. — Она очень быстрая, и свет, по-моему, ненадолго вывел ее из строя. Тому другому, с ко-

торым мы дрались в сентябре, пришлось гораздо хуже, а у этой глаза как-то иначе устроены. — Отчаянный тяжело дышал, и крылья у него вздрагивали: он уставал, когда ему приходилось долго парить.

Шун Кай, так и оставшийся на палубе, не возражал против сбруи. Теперь, когда речь зашла о собственной шкуре, они посмотрят на все иначе, подумалось Лоуренсу. На доски падали капли густой, почти черной крови.

— Ты ранен? Куда?

— Ничего страшного; она только два раза меня задела. — Отчаянный, изогнув шею, полизал себе бок. Там и чуть дальше, на спине, виднелись две неглубокие борозды от когтей.

Обеспокоенный Лоуренс напустился на Кейнса — тот ехал с ними и уже затыкал рану тампонами.

— А зашивать разве не будете?

— Чепуха, — ответил хирург. — Сойдет и так, это просто царапины. Не волнуйтесь.

Макриди встал, держась за голову и подозрительно косясь на врача, который бормотал что-то насчет капитанов-наседок.

Лоуренс был слишком рад его диагнозу, чтобы спорить.

— Готовы, джентльмены? — спросил он, осматривая пистолеты и клинок — на сей раз добрую тяжелую абордажную саблю. Испанская сталь, простая рукоять, вселяющий уверенность вес.

— Можно садиться, сэр. — Феллоуз затянул последний ремень, и Отчаянный поднял Лоуренса себе на плечо. — Подергайте, хорошо ли держит.

— Отменно; спасибо, Феллоуз. Отправьте стрелков на марсы к морским пехотинцам, Грэнби. Остальным отражать абордаж.

— Есть. И все-таки, Лоуренс… — Грэнби явно готовил новую просьбу о выводе Отчаянного из боя, но Лоуренс уже пихнул дракона коленом. «Верность» качнулась опять, и они наконец-то взлетели.

Наверху стоял такой дым, точно там долго палили из кремневых ружей. Тяжелый, сернистый, он забивал рот и липнул к коже, несмотря на холодный ветер.

— Вон она, — сказал Отчаянный, сдав назад, и Лоуренс увидел пикирующую сверху флерде-нюи.

Драконица действительно очень скоро оправилась от ослепившей ее вспышки — быть может, это какой-то новый гибрид?

— Будем драться?

Лоуренс колебался. Для собственного спасения им просто необходимо обезвредить флер-де-нюи. Если «Верность» будет захвачена, а Отчаянный попытается вернуться на берег, та будет преследовать их в темноте до самого дома. Однако для транспорта французские фрегаты намного опасней дракона. Продольный огонь их орудий уложит десятки людей, и взятие «Верности» станет тяжким ударом как для военного флота, так и для воздушного корпуса: транспорты такой величины можно пересчитать по пальцам.

— Нет, — решил капитан. — Первый наш долг — сохранить «Верность». Займемся фрегатами. — Этими словами Лоуренс убеждал скорее себя, чем Отчаянного. Он чувствовал, что принял правильное решение — но авиатору, командующему столь драгоценным существом, как дракон, трудно определить грань между подвигом и безответственностью. Грэнби, проявляя повышенную осторожность, всего лишь повиновался своему долгу, Лоуренс же воспитывался не в корпусе и часто бунтовал против многих ограничений, накладываемых на драконьего опекуна. Быть может, гордость завела его на неверный путь.

Отчаянный, всегда готовый сразиться, не стал

спорить и только заметил:

— Но ведь эти корабли куда меньше «Верности». Неужели они так опасны?

— Еще как! Они расстреляют ее из пушек. — С «Верности» тем временем опять пустили ракету. Она разорвалась совсем близко, и Лоуренс заслонился рукой. Когда яркие пятна перестали маячить перед глазами, он разглядел, что подветренный фрегат переносит якорь и разворачивается кормой. Сам Лоуренс не пошел бы на такой риск только ради перемены позиции, хотя и не мог отрицать, что маневр проделан блестяще. Теперь левый борт француза со всеми его орудиями смотрел прямо на беззащитную корму «Верности». — Бог мой! Гляди! — вскричал капитан, хотя Отчаянный не мог видеть, куда он показывает.

— Да, понял. — Отчаянный уже пикировал, накачиваясь воздухом для «божественного ветра»; его блестящая черная шкура натягивалась словно на барабане, внутри нарастал рокот, предвестник будущих разрушений.

Флер-де-нюи, разгадав его намерения, устремилась за ним. Лоуренс слышал шум ее крыльев, но Отчаянный снижался быстрее — большой вес только помогал ему в этом. На ее спине затреща-

ли ружья, но в темноте стрелкам приходилось палить наугад. Лоуренс припал к шее Отчаянного, мысленно побуждая его прибавить ходу.

Одна из пушек фрегата внизу изрыгнула дым и послала в грудь Отчаянному сгусток алого пламени. На палубе тоже стреляли из ружей. Отчаянный дернулся, и капитан в тревоге окликнул его, но дракон уже поравнялся с кораблем, и рев «божественного ветра» заглушил голос Лоуренса.

Отчаянный еще ни разу не применял свой дар против кораблей. Лоуренс, видевший при Дувре, как он разносит в щепки легкие воздушные гондолы Наполеона, и здесь ожидал чего-то похожего: треснувшей палубы, отлетевших рей, возможного падения мачт. Но палуба у француза была дубовая, фута два толщиной, а рангоут перед боем укрепили цепями.

Весь удар приняли на себя паруса. Они раздулись до предела, брасы лопались, как скрипичные струны. Мачты гнулись, но пока что держались. Лоуренс на миг пал духом, подумав, что особого вреда они фрегату не нанесут.

Однако вред, хотя и невидимый, обнаружился очень скоро. Когда Отчаянный оборвал рев и умчался прочь, корабль стал бортом к ветру и медленно опрокинулся набок. Люди срывались в

море со снастей и планшира.

Лоуренс оглянулся посмотреть. Отчаянный несся над самой водой. На корме фрегата золотыми буквами значилось «Валери». Надпись освещали лампы, бешено прыгающие в окнах кают. Капитан «Валери» знал свое дело: матросы ползли по борту с кошками и перлинями, готовясь выровнять судно.

Тщетные усилия. Следом за Отчаянным рос и пенился вал, поднятый «божественным ветром». На мгновение он повис неподвижно, затмив собой самую ночь, и обрушился на крохотный кораблик внизу.

* * *

Перевернутый киль покачался немного и медленно ушел в глубину. Флер-де-нюи, горестно крича, кружила над пенной водой, будто не могла понять, куда же исчез фрегат.

С «Верности» не кричали «ура». Лоуренс тоже молчал, пораженный внезапной гибелью трехсот человек. Море вновь стало гладким, будто стекло. Корабль может затонуть в шторм, при сильном ветре и сорокафутовых волнах; может быть сожжен или взорван в бою, может напороться на рифы. Сейчас волна не превышала десяти футов,

а ветер — четырнадцати узлов, однако все было кончено в считанные мгновения.

Отчаянный глубоко, со стоном, закашлялся.

— Назад, на корабль, — скомандовал Лоуренс, но флер-де-нюи уже повернула и отрезала им путь к «Верности». Новая ракета осветила на ней абордажников с ножами и пистолетами. Отчаянный махал крыльями тяжело и не мог уйти от погони.

Лоуренс почти смирился с мыслью об абордаже. Пусть, лишь бы скорей помочь раненому. Перед глазами до сих пор алел огненный шар, ударивший в грудь Отчаянного. Но возгласы французов, полные горя и ужаса, перевода не требовали, и капитан сомневался, что его капитуляция будет принята.

— Кто-то летит, — выдохнул Отчаянный. Лоуренс устремил взгляд во тьму: друг или враг? Флер-де-нюи сделала рывок, Отчаянный из последних сил оторвался — и тут на француженку, шипя и плюясь, налетел серебристо-серый Нитидус. Капитан Уоррен, стоя на нем, махал Лоуренсу шляпой, крича:

— Бегите!

Дульция возникла с другой стороны и куснула флер-де-нюи в бок. Эти двое, бронзовица и

синий паскаль, были самыми быстрыми в их звене, но крупную вражескую драконицу могли задержать ненадолго. Отчаянный уже описывал полукруг, судорожно взмахивая крыльями. На корабле спешно очищали драконью площадку, усыпанную щепками, железками и веревочными обрывками: второй фрегат вел непрестанный огонь по нижним палубам «Верности».

Отчаянный скорее упал на свое место, чем сел. Корабль заплясал. Лоуренс, начавший расстегивать портупею еще в воздухе, соскользнул вниз. Нога подломилась под ним, но он поднялся и захромал вперед, к ране.

Там уже трудился Кейнс, по локоть в черной крови. Отчаянный, чтобы облегчить ему работу, медленно заваливался на бок, поддерживаемый множеством рук. Кто-то освещал рану фонарем. Лоуренс опустился на колени, прижался щекой к мягкой морде. Бриджи намокли от крови, глаза жгло. Он сам не знал, что говорит и есть ли в этом какой-то смысл. Отчаянный в ответ дохнул на него теплом.

— Так, есть, давайте щипцы, — говорил Кейнс. — Прекратите это, Аллен, отвернитесь уж лучше. Вот так, хорошо. Железо раскалили? Он должен лежать смирно, Лоуренс.

— Держись, милый, — взмолился Лоуренс, гладя Отчаянного по носу. — Пожалуйста, потерпи. Лежи тихо.

Отчаянный снова вздохнул, раздув красные ноздри. Еще пара мгновений, и Кейнс швырнул на поднос круглый шипастый снаряд. Когда рану прижгли раскаленным железом, Отчаянный издал тихий шипящий крик. Лоуренс едва сдерживал рвоту от запаха паленого мяса.

— Ну вот и все. Рана чистая, — объявил хирург. — Ядро застряло у грудной кости. — Ветер развеял дым, стала слышна пальба длинноствольных орудий, и мир снова обрел формы и краски.

Лоуренс, шатаясь, поднялся на ноги.

— Роланд, Морган, тащите сюда всю парусину и паклю, какая у них найдется. Надо, чтобы ему было мягко лежать.

— Морган убит, сэр, — ответила Роланд, и он понял, что белые подтеки на ее чумазом лице — это не пот, а слезы. — Мы с Дайером все принесем.

И они убежали, такие маленькие среди кряжистых моряков. Лоуренс с застывшим лицом проводил их взглядом.

Кровь, густо залившая квартердек, выглядела как свежая краска. Огромные потери в живой

силе и неповрежденный такелаж заставляли предположить, что французы стреляют картечью. На палубе в самом деле валялось множество пустых оболочек. С подошедших вплотную шлюпок напирали около двухсот абордажников, разъяренных потерей фрегата. На канатах висело порой по четыре-пять человек, в то время как британцы располагали всей палубой. Грянул пистолетный выстрел, лязгнула сталь. Матросы «Верности» отталкивали нападавших длинными пиками.

Лоуренс никогда еще не наблюдал абордаж с такой странной позиции — вблизи и одновременно как будто издали. Чтобы придать себе хоть немного уверенности, он достал пистолеты. Ни Грэнби, ни второго лейтенанта Эванса не было видно, но на баке мелькала желтая шевелюра Мартина. Он зарубил кого-то и сам упал, когда здоровенный француз ударил его дубиной.

— Лоуренс… — В устах китайца это больше походило на Лао-рен-цзы. Шун Кай указывал куда-то на север, но последний залп фейерверка уже погас, и Лоуренс не понял, что он имеет в виду.

Флер-де-нюи с ревом шарахнулась от Дульции с Нитидусом, продолжавших атаковать ее, понеслась на восток и скоро исчезла во мраке. Раздался

громовой рык медного регала, которому вторили более тонкие голоса желтых жнецов. Драконы, пуская сигнальные ракеты, промчались над головой, и ванты ответили им звонким гулом.

Уцелевший фрегат немедленно погасил огни, надеясь уйти, но Лили сделала два захода над самыми его мачтами. Вспыхнула багровым огнем очередная ракета, и Лоуренс разглядел, как ползет вниз французский флаг. Абордажники на палубе «Верности» побросали оружие.

Глава 5

...и Ваш сын вел себя как герой и джентльмен. Это тяжкая утрата для всех, кто его знал, но мы, имевшие честь служить вместе с ним, испытываем особенно сильное горе. Мы собственными глазами могли наблюдать, как складывается благородный характер отважного офицера, преданного слуги Короля и Отечества. Я молюсь о том, чтобы Вы нашли утешение в мысли, что умер он, как и жил: храбро, не боясь никого, кроме Бога, — и что отныне он займет почетное место среди тех, кто пожертвовал собой ради своей Отчизны.

Искренне преданный Вам
Уильям Лоуренс

Он отложил перо и запечатал письмо. Получилось неуклюже, не так, как ему хотелось бы, но ничего лучшего он придумать не мог. Мичманом и молодым лейтенантом он терял друзей, своих сверстников; после, когда стал капитаном, у него погиб мальчик тринадцати лет; но ему еще не

доводилось сообщать о гибели десятилетнего, которому по всем статьям полагалось сидеть в классной комнате или играть в солдатики.

Это письмо было последним и самым тонким из траурных извещений: Морган не успел совершить достаточного количества подвигов. Покончив с этим, Лоуренс написал несколько строк собственной матери. Она, конечно, будет обеспокоена, прочитав в «Газетт» заметку о бое. После предшествующих писем слова давались Лоуренсу с трудом. Он ограничился уверениями, что они с Отчаянным целы и невредимы. Сам бой он подробно описал в рапорте Адмиралтейству, и перо не поднималось рассказывать о нем вновь в облегченном виде.

Он закрыл свой маленький секретер. Каждое письмо было обернуто клеенкой от дождя и морской воды. Лоуренс собрал их в стопку и посидел еще немного, глядя в окно на пустой океан.

Восхождение на драконью палубу было делом не слишком скорым. На баке он постоял у левого борта, притворяясь, будто смотрит на трофейный фрегат «Шантез». Паруса фрегата обвисли, и матросы, похожие издали на муравьев, лазили по мачтам, приводя такелаж в порядок.

Драконья палуба, когда на ней собралось чуть

ли не все звено, стала выглядеть совсем по-другому. Отчаянному предоставили всю правую половину, прочие свились в разноцветный, слабо подрагивающий клубок. Внизу лежал Максимус, один занимающий почти все оставшееся пространство. Лили, всегда считавшая ниже своего достоинства сплетаться с другими драконами, поневоле вынуждена была это сделать. Мессория и Иммортализ, старше, но мельче ее, были не столь разборчивы и без церемоний растянулись на широкой спине регала.

Все они дремали и казались вполне довольными. Один Нитидус, самый непоседливый и любопытный, кружил над фрегатом, заставляя французов нервно задирать головы. Дульции не было видно — возможно, она улетела домой с известиями о ночной битве.

Лоуренс, волоча ногу, едва не споткнулся о свисающий хвост Мессории. Отчаянный тоже спал. Он приоткрыл один глаз, когда подошел Лоуренс, и тут же закрыл опять. Капитан не собирался его тревожить и только радовался его здоровому сну. Утром Отчаянный плотно позавтракал двумя коровами и тунцом, и Кейнс объявил, что доволен его состоянием.

— Скверная штука, — заметил он, с извра-

щенным удовольствием показывая Лоуренсу извлеченный из раны снаряд. Тот, разглядывая многочисленные шипы, был благодарен уже и за то, что железяку предварительно вымыли. — Раньше я их не видел, хотя и слышал, что русские пользуются такими. Не хотелось бы мне его выковыривать, если б он засел чуть поглубже.

Ядро, по счастливой случайности вошедшее в тело не глубже чем на полфута, все же сильно повредило грудные мышцы, и Кейнс запретил Отчаянному летать еще две недели, если не месяц. Хорошо, что обошлось только этим, подумал Лоуренс, приложив ладонь к теплому боку.

Другие капитаны играли в карты за складным столиком, кое-как примостившись у трубы камбуза.

Лоуренс вручил свои письма Харкорт.

— Спасибо, что взялись их доставить, — сказал он и сел, тяжело переводя дух.

— Мне очень жаль, Лоуренс, — ответила она, кладя толстый пакет в свою полевую сумку. — Вам здесь устроили настоящую бойню.

— Трусливая вылазка, — покачал головой Беркли. — Подкрадываться к противнику ночью достойно скорее шпионов, чем храбрых солдат.

Лоуренс, благодарный им за сочувствие, был

слишком подавлен, чтобы поддерживать разговор. Он и так уже простоял на ногах целый час, пока за борт отправляли тела погибших. Всех покойников зашили в их полотняные гамаки. Грузом для моряков служили пушечные ядра, для авиаторов — оболочки бомб. Райли медленно читал текст похоронной службы.

Остаток утра он вместе с Феррисом, перешедшим теперь в чин второго лейтенанта, просматривал удручающе длинный список потерь. Грэнби был ранен в грудь из мушкета. Пуля, к счастью, повредила только ребро, но он потерял много крови, и его лихорадило. Второго лейтенанта Эванса со сложным переломом ноги собирались отправить обратно в Англию. Мартин не внушал опасений, но из-за опухшей челюсти не мог говорить и временно окривел.

Еще двое верховых получили менее серьезные раны. В стрелковой команде убили Доннела и ранили Данна. У низовых погиб Миггси. От одного пушечного ядра пало сразу четверо портупейщиков: смерть настигла их под палубой, куда они убирали лишнее оснащение. Морган, несший коробок с пряжками, тоже там оказался.

— Я оставлю вам Портиса и Макдонага, — предложил Беркли, словно читая по лицу Лоуренса.

Этих двух верховых из экипажа Отчаянного перевели на Максимуса во время неразберихи с китайцами.

— Но ведь у вас самих большие нехватки. Я не могу грабить Максимуса, пока вы участвуете в боевых действиях.

— Транспорт из Галифакса, «Вильгельм Оранский», везет нам с десяток парней. Можете спокойно взять обратно своих.

— Мне не хочется спорить с вами — видит Бог, нас здорово потрепало. Однако транспорт может задержаться на целый месяц.

— Вы были внизу и потому не слышали нашего разговора с Райли, — сказал Уоррен. — «Вильгельм» замечен несколько дней назад, он уже близко. Мы отправили за ним Чинери с Дульцией; транспорт зайдет сюда и увезет нас домой вместе с ранеными. Вашей посудине, по словам Райли, тоже кое-что требуется. Дерево какое-то, так, Беркли?

— Рангоутное, — подсказал Лоуренс. При свете дня стало видно, как сильно пострадали реи от ночного обстрела. — Будет большим облегчением, если «Вильгельм» чем-то поделится с нами. Но корабль, Уоррен, не следует называть посудиной.

— Подумаешь, важность, — не смутился тот. — С виду это настоящая большая лохань, хотя для Максимуса и она маловата — того и гляди в воду свалится.

— А вот и нет! — Высказав это возражение, Максимус все-таки оглянулся на свою тыльную часть, убедился, что подобная опасность ему не грозит, и заснул опять.

Лоуренс, чувствуя, что битва проиграна заранее, промолчал.

— Значит, вы на время останетесь с нами?

— Только до завтра, — ответила Харкорт. — Если «Вильгельм» запоздает, нам придется лететь. Не хотелось бы утомлять драконов, но оставлять Лентона без поддержки и вовсе нельзя. Он и так уже, наверно, понять не может, куда мы делись. Мы вылетели, чтобы проделать ночные маневры вместе с флотом у Бреста, и тут увидели вашу пальбу — ни дать ни взять годовщина Порохового заговора.

Райли, разумеется, пригласил к обеду и воздушных капитанов, и пленных французских офицеров. Харкорт, не желая, чтобы посторонние узнали, что она женщина, отговорилась морской болезнью. Беркли, молчун по природе, произносил за один раз не более пяти слов, но Уоррен

любил поговорить, особенно после пары бокалов крепкого вина, а у Саттона имелся запас анекдотов, исправно служивший ему уже тридцать лет. Они двое в основном и поддерживали беседу — энергично, хотя и не слишком связно.

Подавленные французы сидели тихо, британские моряки тоже не блистали красноречием. Лорд Парбек был чопорен, Макриди мрачен; даже Райли постоянно впадал в несвойственное ему молчание и явно чувствовал себя очень неловко.

— Лоуренс, — сказал Уоррен на драконьей палубе, когда они пили кофе, — не хотелось бы обижать ваших прежних сослуживцев, но Боже ты мой! Можно подумать, мы нанесли им смертельное оскорбление, а не вызволили из беды, позволив сохранить приличное количество крови.

— Должно быть, они полагают, что мы могли это сделать чуть раньше. — Саттон, прислонившись к своей Мессории, раскурил сигару. — А так мы не только лишили их заслуженной славы, но еще и забрали у них часть призовых. Хочешь нюхнуть, моя девочка? — Он поднял сигару так, чтобы Мессория могла втянуть в себя дым.

— Могу заверить, что вы оба неправы, — ответил им Лоуренс. — Если б вы не подоспели, мы бы

ни за что не захватили этот фрегат; он не получил сильных повреждений и мог уйти от нас в любую минуту. Каждый человек на борту был просто счастлив, увидев вас. — Он предпочел бы не вдаваться в объяснения, но если бы он промолчал, у авиаторов сложилось бы самое нелестное мнение об офицерах «Верности». — Дело в том, что мы еще до вашего появления потопили их второй фрегат, «Валери», вместе со всей командой.

Поняв, как удручен этим сам Лоуренс, капитаны перестали ему докучать. Уоррен, кажется, был не прочь спросить о чем-то еще, но Саттон толкнул его локтем и послал вестового за колодой карт. Харкорт присоединилась к ним, и они, как обычно, сели играть в «спекуляцию». Лоуренс допил свой кофе и потихоньку ушел.

Отчаянный, сидя, оглядывал пустой океан. Он проспал весь день, а потом еще раз сытно поел. Подставив Лоуренсу переднюю лапу, он тихо вздохнул и свернулся кольцом.

— Не принимай это очень уж близко к сердцу. — Сам Лоуренс так и не сумел последовать совету, который давал сейчас — но он боялся, что размышления о потопленном корабле вгонят Отчаянного в меланхолию. — С обоими фрегатами на плаву мы были под угрозой захвата; французы

потушили бы все огни, и Лили с остальными не нашла бы нас в темноте. Ты спас много жизней, не говоря уже о самой «Верности».

— А я и не чувствую себя виноватым, — сказал Отчаянный. — Я не хотел топить этот корабль, но не жалею, что потопил. Они собирались убить моих авиаторов — этого я не мог им позволить. Только вот наши моряки теперь смотрят на меня как-то странно и стараются не подходить близко.

Лоуренс не стал разменяться на ложные утешения. Моряки предпочитают видеть в драконе боевую машину, что-то вроде корабля, который дышит и умеет летать, орудие, полностью подчиненное человеческой воле. Они понимают, что этот зверь невероятно силен — еще бы, при такой-то величине; если его из-за этого и боятся, то так, как можно бояться очень сильного и свирепого человека. «Божественный ветер» — дело другое. В нем есть нечто потустороннее, и гибель «Валери» слишком уж напоминает древние предания о карающем небесном огне.

Ночные события и Лоуренсу вспоминались, как тяжелый кошмар: веселые залпы разноцветных ракет, красное зарево пушек, белесые глаза флерде-нюи в темноте, едкий дым и огромный вал, падающий, как занавес в театре. Он погладил ла-

пу Отчаянного, и они стали смотреть на пенный след за кормой.

— Парус! — послышалось ранним утром, когда стало светать.

«Вильгельм Оранский» показался на горизонте, в двух румбах по носу справа. Райли, щурясь, смотрел на него в трубу.

— Будем свистать матросов на завтрак раньше обычного: он подойдет к нам задолго до девяти.

С «Шантез», оказавшейся между двумя кораблями, уже окликали заокеанский транспорт. Трофейному фрегату предстояло идти в Англию с пленными на борту. День обещал быть ясным и очень холодным, топсели и брамсели «Шантез» весело белели на густой зимней синеве неба. Транспортам редко доводится брать трофеи — команде «Верности» полагалось бы ликовать. Быстроходный парусник с сорока четырьмя пушками будет, конечно же, выкуплен для службы Британии, и за каждого пленника тоже выплатят премию. Но угнетенное состояние еще не прошло, и на «Верности» было тихо. Лоуренс, которому тоже неважно спалось, стоял на баке и тоскливо смотрел, как подходит «Вильгельм Оранский». Скоро они вновь останутся в полном одиночестве.

— Доброе утро, капитан, — сказал ему Хэммонд. Лоуренс не слишком старался скрывать свою неприязнь к этому человеку, но Хэммонд, ничего не замечая, смотрел на «Шантез», и его радость граничила с неприличием. — Лучшего начала для путешествия нельзя и желать.

Плотник и его помощники чинили палубу неподалеку от них. Один из матросов, Леддоуз, взятый на Спитхеде и уже зарекомендовавший себя как корабельный шут, при этих словах поднял голову и воззрился на Хэммонда с откровенным неодобрением. Плотник Эклоф, большой молчаливый швед, хватил его кулаком по спине и заставил вернуться к работе.

— Отчего же, — сказал Лоуренс. — Линейный корабль в качестве трофея был бы желательнее.

— Нет-нет, — ответил Хэммонд, не поняв сарказма. — Все просто отлично. Вы знаете, что французское ядро пробило каюту принца насквозь? Один из его гвардейцев убит, другой, тяжело раненный, умер ночью. Принц, насколько я могу судить, в ярости. Французский флот за одну ночь принес нам больше пользы, чем целые месяцы дипломатии. Не представить ли ему капитана трофейного корабля, как вы думаете? Я, конечно, сказал, что на нас напали французы, но

предъявить доказательства никогда не мешает.

— Мы не римские триумфаторы, чтобы гонять пленных офицеров туда-сюда. — Однажды Лоуренс сам попал в плен. Он тогда был совсем еще юным мичманом, но до сих пор помнил изысканную вежливость французского капитана, совершенно серьезно взявшего с мальчишки честное слово.

— Да, это выглядело бы не слишком красиво, — с сожалением признал Хэммонд. — Тем не менее жалко упускать…

— Это все? — спросил Лоуренс, чтобы прервать неприятный ему разговор.

— О… простите, что я вмешиваюсь в ваши дела… Я, собственно, хотел сообщить, что принц желает вас видеть.

— Благодарю вас, сэр, — решительно поставил точку Лоуренс.

Хэммонд, как видно, хотел сказать еще что-то: быть может, попросить Лоуренса отправиться к принцу немедленно или дать какой-то совет — но не посмел и ограничился коротким поклоном.

Лоуренс не имел ни малейшего желания разговаривать с Юнсином, зная, что тот его ни во что не ставит — и от того, что пришлось ковылять на корму, настроение у него не улучшилось. На

предложение подождать в прихожей он бросил:

— Пусть пришлет человека, когда сможет меня принять. — Последовало легкое замешательство — кто-то даже загородил собой выход, — но вслед за этим Лоуренса сразу провели в большую каюту.

Там, одна против другой, зияли две большие дыры. Их заткнули голубым шелком, чтобы не дуло, однако исписанные пергаменты на стенах все же шелестели от сквозняка. Юнсин, держась очень прямо, сидел в кресле, задрапированным красной материей, у лакового столика для письма; его кисточка, несмотря на легкую качку, выводила иероглифы без помарок, как по линейке.

— Вы хотели видеть меня, сэр, — сказал Лоуренс.

Юнсин дописал строчку, отложил кисть, взял из блюдечка с красными чернилами каменную печать и приложил к листу. Затем сложил страницу и вместе с другой такой же завернул в вощеную ткань.

— Фен Ли, — позвал он.

Лоуренс вздрогнул, только сейчас заметив в углу человека в скромной темно-синей одежде. Фен был высок ростом, но гнулся так низко, что Лоуренс видел только безупречный круг его

бритой макушки. Он мельком, с заметным любопытством глянул на посетителя, убрал столик, не пролив ни капли чернил, подал принцу ножную скамеечку и снова ушел в свой угол: Юнсин, видимо, не намеревался отсылать его прочь. Принц не предложил Лоуренсу сесть, хотя в каюте стояли еще два стула, и это сразу определило тон предстоящей беседы.

— Несмотря на то что вас взяли только по необходимости, — начал принц, — вы продолжаете навязывать свое общество Лун Тен Сяну и обращаетесь с ним, как со своей собственностью. В итоге случилось худшее: вследствие вашей злонамеренной безответственности он получил тяжелую рану.

Лоуренс стиснул губы, опасаясь ответить как-нибудь нецивилизованно. Он корил себя с той самой минуты, как ядро ударило в грудь Отчаянного, но выслушивать выговор принца не имел никакой охоты.

— Это все? — спросил он.

Юнсин, вероятно, ожидал, что он станет пресмыкаться или просить прощения — его краткий вопрос разгневал принца еще сильнее.

— Неужели у вас нет вовсе никаких принципов? Я вижу, вы совсем не раскаиваетесь; послать

Лун Тен Сяна на смерть для вас все равно что загнать коня. Не смейте более подниматься с ним в воздух и не подпускайте к нему своих грубых слуг. Я поставлю вокруг него собственную охрану…

— Идите вы к черту, сэр! — Юнсин скорее опешил, чем оскорбился. — И если хоть кто-нибудь из ваших солдат сунется на мою палубу, — добавил Лоуренс, — я велю Отчаянному скинуть их за борт. Всего хорошего.

Он откланялся и вышел, не дожидаясь ответа, если таковой и последовал. Слуги смотрели на него во все глаза, но больше не пытались ему помешать. Он принуждал себя шагать быстро, и эта бравада дорого ему стоила. Когда он добрался до своей каюты на другом конце этого немыслимо длинного корабля, нога тряслась и подламывалась. Лоуренс рухнул на стул, утихомирил расходившиеся нервы стаканом вина. Возможно, он говорил сгоряча, но ничуть не жалел о том, что сказал. Пора наконец Юнсину узнать, что не все британские офицеры и джентльмены готовы потворствовать его тираническим выходкам.

При всей этой похвальной твердости он не мог не признать: его бесстрашие проистекает большей частью из сознания, что в главном — в том, что их с Отчаянным следует разлучить, — Юн-

син все равно не уступит. Министерство в лице Хэммонда, возможно, и получит кое-что за свою услужливость, а ему, Лоуренсу, терять нечего. Заново угнетенный этой мыслью, он отставил стакан и стал растирать водруженную на сундук ногу. Пробило шесть склянок, где-то заверещала дудка. Матросы собирались на завтрак, с камбуза пахло крепким, только что заваренным чаем.

Когда Лоуренс допил свой стакан, боль и дрожь в ноге немного прошли, и он добрел до каюты Райли. Он хотел попросить, чтобы караул из морских пехотинцев не пускал китайцев на палубу, но у капитана уже сидел Хэммонд. Лицо дипломата выражало тревогу и чувство вины.

— Лоуренс, — сказал Райли, предложив ему стул, — у нас с Хэммондом состоялся разговор касательно пассажиров. Он обратил мое внимание на то, что после известия об ост-индских судах их совершенно не выпускают на палубу. Все семь месяцев так продолжаться не может — мы должны позволить им дышать свежим воздухом. Уверен, что вы не станете возражать, если они будут выходить на драконью палубу; к матросам им лучше не приближаться.

Райли не мог выбрать худшего времени, чтобы выступить с таким предложением. Во взгляде,

которым Лоуренс одарил Хэммонда, раздражение смешивалось с чем-то вроде отчаяния. Этот молодой человек начинал представляться Лоуренсу каким-то злым гением, вестником несчастья. Долгое путешествие, сопровождаемое чередой его дипломатических махинаций, не сулило ничего доброго.

— Извините, что причиняю вам неудобство, — продолжал Райли, видя, что Лоуренс медлит с ответом, — но другого выхода я просто не вижу. Места там как будто довольно?

Спорить с этим не приходилось. Поскольку авиаторов на корабле немного, а моряков почти полный комплект, нечестно было бы отбирать у команды ее собственное пространство — это лишь ухудшило бы и без того напряженную обстановку. В практическом смысле Райли рассуждал совершенно здраво и как капитан корабля имел полное право решать, где прогуливаться его пассажирам, — но угроза Юнсина превратила этот вопрос в дело принципа. Лоуренс признался бы во всем Райли, не будь здесь Хэммонда, но сейчас…

— Возможно, капитан Лоуренс опасается, — торопливо заметил дипломат, — что дракона будет раздражать их присутствие. Не отгородить ли

для них какой-то участок палубы? Можно, например, протянуть веревку или провести краской черту…

— Это будет замечательно, если вы, мистер Хэммонд, объясните им необходимость такого разграничения, — ответил Райли.

Лоуренс не мог протестовать без всяких на то оснований и не хотел ничего объяснять при Хэммонде — да и что пользы было протестовать? Райли, возможно, посочувствовал бы ему — хотя Лоуренс вдруг усомнился в этом, — но иного выхода у них в самом деле не было.

Принятое решение ни в коей мере его не устраивало, но любые жалобы с его стороны лишь усложнили бы положение Райли.

— Извольте также уведомить их, мистер Хэммонд, — сказал Лоуренс, — что на палубу нельзя выносить никакого оружия: ни мушкетов, ни сабель. Нарушив этот запрет, они тут же отправятся вниз. Я не потерплю, чтобы они досаждали моему экипажу или Отчаянному.

— Но ведь с ними едут солдаты, сэр, — возразил Хэммонд. — Нужно же им проводить учения…

— Подождут до Китая, — отрезал Лоуренс.

Хэммонд вышел вместе с ним и проводил его до каюты. Туда принесли еще несколько стульев,

и Роланд с Дайером накрывали на стол: другие воздушные капитаны собирались позавтракать с Лоуренсом до своего отплытия.

— Прошу уделить мне минуту, сэр, — сказал Хэммонд. — Извините, что я отправил вас к принцу Юнсину, зная, в каком дурном настроении тот пребывает. Поверьте, в вашей ссоре я виню себя одного и все же молю вас о снисхождении…

— Так вы знали? — перебил его Лоуренс. — Вы пришли к капитану Райли со своим предложением, зная, что я запретил им соваться к Отчаянному?

Роланд и Дайер застыли с серебряными блюдами в руках, слыша, как повысил голос их командир.

— Да поймите же, — залепетал Хэммонд, — нельзя ставить их в подобное положение. Открыто пренебрегая приказом принца Юнсина, мы унизим его перед собственными…

— Тогда ему лучше воздержаться и не отдавать мне впредь никаких приказаний. Так ему и скажите, сэр, вместо того чтобы плести ваши интриги…

— Ради всего святого! По-вашему, я хочу, чтобы вас разлучили с Отчаянным? Да наш единственный козырь — это отказ дракона расстаться с

вами! — разгорячился в свою очередь Хэммонд. — Без проявления доброй воли на этом далеко не уедешь, и если в море принц ничего поделать не может, то в Китае все будет наоборот. Хотите, чтобы мы отказались от союза с ними в угоду вашей гордыне? Хотите пожертвовать всякой надеждой остаться с Отчаянным? — Последняя фраза была жалкой попыткой умаслить Лоуренса.

— Я, конечно, не дипломат, — ответил ему Лоуренс, — но вот что я вам скажу: если вы надеетесь добиться хоть толики доброй воли от этого принца, всячески ему угождая, то вы идиот. И не воображайте, сделайте милость, что я могу купиться на ваши воздушные замки.

Задуманные Лоуренсом веселые проводы не совсем удались, но стол был отменный. К счастью, он позаботился взять с собой хороший запас провизии. Яичницу с ветчиной и кофе подали с пылу с жару благодаря близости камбуза; за ними последовал зажаренный в сухарях тунец, львиная доля которого досталась Отчаянному. Десерт состоял из моченых вишен и мармелада. Сам хозяин ел мало и с радостью ухватился за просьбу Уоррена рассказать о битве подробно. Фрегаты и флер-де-нюи были представлены кусочками хлеба, «Верность» — солонкой.

После все поднялись на палубу, где заканчивали свой не столь элегантный завтрак драконы. Лоуренс испытал глубокую благодарность, видя Отчаянного проснувшимся и оживленным. Кровь больше не проступала сквозь повязку у него на груди, и он уговаривал Максимуса отведать кусочек тунца.

— Это очень вкусно, и выловили его прямо сейчас, утром.

Максимус взирал на рыбу с большим подозрением. Отчаянный уже съел добрую ее половину, но голова с разинутым ртом и стеклянными глазами осталась цела. Полторы тысячи фунтов примерно весила рыбина, прикинул Лоуренс.

Максимус наконец решился, и оставшейся половины ему хватило на один кус. Он прожевал ее с забавной скептической миной, облизнулся и сказал:

— Может сгодиться, если нет ничего другого, но очень уж скользкая.

Отчаянный разочарованно повесил жабо.

— Ты просто не распробовал. Хочешь, тебе поймают еще одну?

— Нет уж, — фыркнул Максимус. — Ешь свою рыбу сам. А баранины что, больше нету? — спросил он, поглядывая на скотника.

— Ты сколько штук уже слопал, четыре? — осведомился Беркли. — Ну и хватит с тебя. Если будешь еще расти, от земли оторваться не сможешь.

Максимус, не слушая его, извлек из корыта последнюю баранью ногу. Остальные уже поели. Скотники качали воду и смывали с палубы кровь — скоро за кораблем будет следовать целый косяк акул.

«Вильгельм Оранский» почти уже поравнялся с «Верностью», и Райли приказал спустить шлюпку, чтобы обсудить с его капитаном вопросы снабжения. Когда он отчалил назад, матросы «Вильгельма» уже доставали из трюмов дерево и парусину.

— Лорд Парбек, — сказал капитан, поднимаясь на борт, — пошлите баркас за грузом, будьте добры.

— Может быть, лучше мы все это перенесем? — предложила сверху Харкорт. — Максимуса и Лили все равно нужно поднимать с палубы — пусть поработают, чем просто летать кругами.

— Благодарю, сэр, буду вам очень признателен, — поклонился Райли, ничего не подозревая: волосы Харкорт туго зачесала назад, длинная коса пряталась под кожаным капюшоном, авиа-

торский плащ удачно скрывал фигуру.

Максимус и Лили взлетели без экипажей, чтобы дать подготовиться остальным. Авиаторы начали крепить сбрую и броню на мелких драконах. Приближался миг расставания, и Лоуренс, стоя рядом с Отчаянным, неожиданно испытал приступ глубокой тоски.

— Я не знаю, что это за дракон. — Отчаянный смотрел на «Вильгельма», где растянулся крупный зверюга в буро-зеленую полоску, с красными прожилками на крыльях и шее. Лоуренс тоже впервые видел эту породу.

— Их разводят индейцы в Канаде, — пояснил Саттон. — Называется «дакота», если я правильно произношу это слово. Его вместе с всадником — там на драконе любой величины летает всего один человек, — так вот, их обоих захватили при набеге на пограничный поселок. Заполучить свежую породу всегда полезно, к тому же они, я слышал, бойцы хоть куда. Его хотели использовать в питомнике там же на месте, но поскольку мы послали им Прекурсориса, то этого взамен отправили нам. Смотрите, какой свирепый!

— Не надо было увозить его так далеко от дома, — тихо заметил Отчаянный. — По-моему, он просто несчастный.

— Какая разница, в канадском загоне сидеть или в нашем? — Мессория расправила крылья, помогая своим портупейщикам. — Во всех питомниках одинаково скучно, если не считать той работы, для которой их и придумали. — Лоуренса немного покоробило от ее откровенности; Мессория, тридцати лет, была намного старше Отчаянного.

— Тоже не очень-то интересно. — Отчаянный снова улегся на палубу. — Как ты думаешь, меня китайцы тоже запрут в питомнике?

— Уверен, что нет. — Про себя Лоуренс твердо решил, что не даст обречь своего подопечного на подобную участь, что бы там ни думал по этому поводу сам император. — Они не устраивали бы такого шума, если бы хотели только это.

— Подожди, пока сам не попробуешь, — снисходительно проронила Мессория.

— Полно развращать молодежь. — Саттон добродушно хлопнул ее по боку, подергал сбрую. — Ну, кажется, все готово. Еще раз до свидания, Лоуренс. — Они обменялись рукопожатием. — Полагаю, что пережитых волнений вам хватит на всю поездку — желаю впредь менее бурных дней.

Трое маленьких драконов поднялись, едва ше-

лохнув «Верность», и перелетели на «Вильгельма Оранского». Теперь в сбрую облачали Лили и Максимуса, а Харкорт и Беркли прощались с Лоуренсом. В конце концов все звено переместилось на «Вильгельма», и Отчаянный снова остался совсем один.

Райли тут же отдал команду поднять паруса. Ост-зюйд-ост был не слишком силен, и на «Верности» поставили даже лисели, одев ее в нарядное белое платье. На «Вильгельме» выпалили из пушки, Райли ответил тем же, и оба транспорта разошлись под прощальные крики «ура».

Максимус и Лили, как и пристало молодым, сытно поевшим драконам, отправились полетать. Долго еще было видно, как они гоняются друг за другом в облаках над «Вильгельмом». Когда они стали величиной с птиц, Отчаянный тихонько вздохнул и свернулся клубком.

— Теперь мы, наверное, долго их не увидим.

Лоуренс положил руку на его стройную шею. Это прощание получилось каким-то более окончательным. Ни суеты, ни предчувствия новых приключений, ожидающих впереди. Лишь притихшие, занятые своим делом матросы да пустые мили синего океана — неверная дорога в еще более неверное будущее.

— Время пройдет быстрей, чем ты думаешь, — сказал Лоуренс. — Давай-ка мы с тобой почитаем.

Часть вторая

Глава 6

В самом начале плавания погода дарила их той особой ясностью, какая бывает только зимой: темно-синее море, на небе ни облачка. Чем больше они продвигались на юг, тем теплее делалось. Поврежденные реи и паруса заменялись новыми, и «Верность» день ото дня прибавляла ходу. За все время они заметили вдали только пару торговых судов, да высоко в небе пролетел однажды курьерский дракон. Это наверняка был сизарь, летун на большие расстояния, но даже Отчаянный не смог разглядеть, знаком тот ему или нет.

Китайские солдаты явились назавтра же после соглашения, с раннего утра, и намалевали на палубе широкую полосу, отделив ее часть с левого борта. Оружия при них, насколько можно было заметить, не было, но караул они несли исправно, сменяясь по трое. Авиаторы уже знали о ссоре, происходившей довольно близко от кормовых окон, и к присутствию часовых отнеслись крайне неодобрительно. На китайцев более высокого звания все и вовсе смотрели волком, не отличая одного от другого.

Лоуренс, однако, понемногу стал различать их

— особенно тех, кто часто поднимался на палубу. Молодые люди радовались прогулкам и становились у самого борта, подставляя себя под брызги. Один, Ли Хонлин, был особо бесстрашен и пытался лазить по вантам, как мичман, хотя его костюм для этого мало годился. Длинный подол путался в канатах, полусапожки на толстой подошве не давали опоры в отличие от босых ног или тонких матросских башмаков. Соотечественников тревожили его экзерсисы, и они громко призывали его обратно на палубу.

Все прочие гуляли гораздо степеннее. Они часто усаживались на табуреты, которые приносили с собой, и беседовали, чередуя нисходящие интонации с восходящими. Лоуренс, хотя и не понимал ничего, чувствовал, что большинство из них не питает сильной вражды к британцам. Они всегда кланялись и держались учтиво — с виду, во всяком случае.

Только при Юнсине они меняли свое поведение и делали вид, будто здесь нет никого, кроме них. Но принц совершал прогулки нечасто, довольствуясь своей просторной каютой с большими окнами. Приходил он, видимо, лишь для того, чтобы посмотреть на Отчаянного. Тот еще не совсем поправился и спал почти круглые сутки,

не зная, что происходит вокруг него.

Лю Бао и вовсе носа не казал из каюты с тех самых пор, как сел на корабль, хотя размещался на полуюте и до оговоренного участка ему было рукой подать. Еду ему носили слуги; через них же, видимо, Лю Бао и принц обменивались записками.

Шун Кай, напротив, проводил на палубе почти все светлое время дня, выходя туда после каждой трапезы. В случаях появления Юнсина он отвешивал принцу официальный поклон и держался в стороне, почти с ним не разговаривая. Предметами его интереса были устройство корабля и корабельная жизнь, особенно же артиллерийские стрельбы.

Последние Райли вынужден был сократить по настоянию Хэммонда, чтобы не беспокоить лишний раз принца; расчеты проделывали нужные манипуляции, не доводя дело до выстрелов, и лишь изредка разражались грохотом. Шун Кай, даже если он в ту пору отсутствовал, выходил, как только начинал бить барабан, и пристально наблюдал за учениями, ни разу не поморщившись при пальбе и откатах. Становился он так, чтобы никому не мешать — на драконьей палубе тоже было несколько пушек, и канониры взбегали

туда. После второго или третьего раза они уже перестали обращать на него внимание.

В свободное от учений время он рассматривал пушки вблизи. Тяжелые сорокадвухфунтовые, с короткими стволами карронады драконьей палубы не обладали точностью длинноствольных орудий, зато и откат у них был меньше, поэтому много места они не требовали. Особенно восхищал Шун Кая неподвижный лафет, по которому двигалось взад-вперед чугунное дуло. За работой матросов и авиаторов он тоже следил во все глаза, не считая это, видимо, дурным тоном. Не меньший интерес вызывал у него сам транспорт — мачты, паруса и в первую очередь корпус. Лоуренс не раз видел, как он смотрит сверху на белые очертания киля и делает мелом наброски на палубе.

Вопреки всему своему наружному любопытству, общительным он не выглядел, и причиной тому был не только его чужеземный облик. В нем ощущался скорее инженер, чем ученый-энтузиаст. Хэммонд пару раз подъезжал к нему и был встречен учтиво, но прохладно. Лоуренс со стороны ясно видел, что китаец совсем не рад обществу дипломата — хотя раздражения Шун Кай не выказывал и при разговоре с Хэммондом

всегда носил маску вежливого внимания.

Пример Хэммонда говорил о том, что навязываться этому человеку не следует. Шун Каю, бесспорно, пригодился бы гид, сведущий в морском деле, но такт и языковой барьер в равной мере побуждали Лоуренса ограничиваться пассивными наблюдениями.

На Мадейре взяли пресной воды, пополнили стадо, которому визит славного звена нанес заметный урон, но в порту задерживаться не стали.

— Смена парусов пришлась кстати — я начинаю понимать, что ей лучше подходит, — сказал Райли Лоуренсу. — Не возражаете против Рождества в море? Мне не терпится испытать, осилит ли она семь узлов.

Они вышли с Фуншалского рейда торжественно, на всех парусах, и вскоре сияющее лицо Райли лучше всяких слов выразило, что надежды его оправдались.

— Почти восемь! Что вы на это скажете?

— От всей души поздравляю вас! — ответил Лоуренс. — Не думал я, что это возможно; она превосходит все ожидания. — На самом деле он сожалел, что они стали двигаться с большей скоростью — чувство, которого он прежде никогда не

испытывал. В бытность свою капитаном корабля он не стремился достичь невозможного, полагая, что с королевской собственностью так обращаться негоже, но, как всякий моряк, любил показать свое судно во всей красе. В то время он искренне разделил бы с Райли его ликование и ни разу не оглянулся бы на тающий позади остров.

В честь новообретенной скорости Райли пригласил его и своих офицеров к обеду. Во время трапезы, когда на вахте стоял один только молодой лейтенант Бекетт, как назло, налетел шквал. В теории, оперируя математическими формулами, Бекетт мог бы обойти вокруг света шесть раз подряд, на практике же действовал самым нелепым образом. При первом негодующем рывке «Верности» все повскакали из-за стола, а Отчаянный испуганно рыкнул, но бизань-брамсель сорвало еще до того, как Райли и Парбек выскочили на палубу.

После этого шквал тут же умчался прочь, небо окрасилось в голубые и розовые тона, волнение стало для «Верности» почти незаметным. Свет еще позволял почитать, но тут на палубу высыпали китайцы. Слуги под руки вывели из каюты Лю Бао и доставили его через квартердек и бак на прогулочную территорию. Пожилой

посол сильно изменился с тех пор, как его видели в последний раз, сбавил добрый стоун[10] веса и заметно позеленел. Лоуренс почувствовал невольную жалость к его страданиям. Лю Бао опустился на принесенный для него стул и подставил лицо прохладному влажному ветру, но лучше ему явно не становилось. Когда ему предложили какое-то блюдо, он только рукой махнул.

— Он ведь может умереть с голоду? — спросил Отчаянный, движимый больше любопытством, чем состраданием.

— Надеюсь, что нет, хотя для первого морского путешествия он несколько староват, — ответил Лоуренс и добавил: — Сходите за мистером Поллитом, Дайер, и попросите его подняться сюда.

Вскоре Дайер вернулся с корабельным врачом. Поллит ходил с Лоуренсом на двух его кораблях и потому пренебрег церемониями. Отдуваясь, он плюхнулся на стул.

— Да, сэр, что такое? Нога?

— Нет, мистер Поллит, нога лучше. Меня беспокоит здоровье китайского джентльмена. — Лоуренс показал на Лю Бао, и Поллит немедленно сделал вывод, что если тот будет

---

[10] Примечания: 10

1 стоун = 6,35 кг. — *Примеч. ред.*

худеть так стремительно, то вряд ли дотянет и до экватора. — Мореплаватели они неопытные и вряд ли знают средство от морской болезни столь злокачественного вида. Не подберете ли ему какое-нибудь лекарство?

— Он не мой пациент, и я не хотел бы услышать, что лезу не в свое дело. Едва ли их медики отнесутся к подобному вмешательству благосклоннее наших. Тем не менее я бы прописал ему сухари. От них желудку, как правило, никакого вреда, чего я не могу сказать об иноземной кухне. Сухари и, возможно, легкое вино — уверен, что это поставило бы его на ноги.

Лю Бао скорее всего привык к «иноземной кухне», но Лоуренс не стал возражать. В тот же вечер он послал китайцу большой пакет сухарей, из которых Роланд и Дайер с великой неохотой выбрали всех долгоносиков. В придачу он оторвал от сердца три бутылки очень легкого искристого рислинга — каждая из них стоила ему 6 шиллингов 3 пенса у портсмутского виноторговца.

После этого жеста Лоуренс почувствовал себя не совсем ловко. Он говорил себе, что сделал бы то же самое для любого другого, но в глубине души сознавал, что действует расчетливо, надеясь получить какую-то выгоду. О конфискации

кораблей Ост-Индской компании он помнил не хуже любого матроса, провожающего китайцев угрюмым взором.

— В этом ведь нет их вины, — оправдывался он перед Отчаянным, — как не было бы моей, если бы наш король поступил сходным образом с ними. Раз наше правительство это дело замалчивает, вполне понятно, почему китайцы относятся к нему так легко. И они-то по крайней мере честно обо всем рассказали.

Эти рассуждения звучали не совсем убедительно, но что было делать? Он не мог сидеть сложа руки и на Хэммонда тоже положиться не мог. У Лоуренса сложилось впечатление, что дипломат при всех своих талантах не очень-то старается сохранить Отчаянного для Англии — дракон для него служит всего лишь разменной монетой. Переубедить Юнсина нечего и надеяться, но можно попытаться привлечь на свою сторону других послов. И если ради этого нужно поступиться собственной гордостью, то цена не столь высока.

Дальнейшие события подтвердили, что он действовал верно. Назавтра Лю Бао снова вылез из каюты и как будто немного поздоровел. На следующий день он послал за переводчиком и пригласил Лоуренса на свою сторону палубы. При

нем находился один из посольских поваров. Его собственный врач, сообщил Лю Бао, посоветовал ему употреблять сухари со свежим имбирем, и они сотворили настоящее чудо. Он хотел бы знать, как можно их изготовить.

— Нужно взять муку, добавить немного воды — боюсь, это все, что я могу вам сказать. Они пекутся не на борту, но уверяю вас, что нашего запаса хватит не на одно кругосветное путешествие, а на два.

— Мне и одного более чем достаточно, — ответил Лю Бао. — Не пристало старику уезжать так далеко от дома и странствовать по волнам. На этом корабле я даже пары лепешек не в силах был съесть, но сухари! Сегодня я поел еще рисового отвара с рыбой, и меня ничуть не тошнит. Очень вам благодарен.

— Рад, что оказался полезен вам, сэр. Вы в самом деле выглядите гораздо лучше.

— Это весьма учтиво с вашей стороны, хотя и не совсем правда. — Лю Бао поднял руку, показывая, как висит на нем его нарядный кафтан. — Мне нужно хорошо потолстеть, чтобы стать прежним.

— Могу ли я в таком случае пригласить вас завтра к обеду? — Лоуренс счел пробудивший-

ся аппетит вполне приличным предлогом для следующего шага. — У нас праздник, и я угощаю своих офицеров. Окажите мне честь и приведите с собой всех ваших соотечественников, которые пожелают прийти.

Этот обед прошел намного удачнее первого. Для Грэнби праздничные блюда оставались пока под запретом, но лейтенант Феррис проявил себя как настоящая душа общества. Молодой и энергичный, он был назначен командиром верховой команды Отчаянного совсем недавно, отличившись при Трафальгаре. В обычных обстоятельствах он мог надеяться стать вторым лейтенантом разве что через пару лет, но сейчас заменил беднягу Эванса, которого отослали домой, и явно стремился сохранить за собой эту должность.

Утром Лоуренс не сдержал улыбки, слыша, как тот наказывает мичманам вести себя за столом цивилизованно и не сидеть как болваны. Лоуренс подозревал, что Феррис заставил их даже выучить несколько анекдотов: за обедом лейтенант переводил красноречивый взор с одного на другого, и жертва, едва не подавившись, разражалась историей, мало подходящей для ее нежного возраста.

Сопровождавший Лю Бао Шун Кай по обыкновению походил больше на наблюдателя, чем на гостя, зато сам Лю Бао явно приготовился получить удовольствие. В самом деле, немногие могли устоять против молочного поросенка в румяной сливочной корочке, зажаренного на вертеле в тот же день. Оба посла охотно взяли добавки. Жареный гусь, приобретенный на Мадейре как раз для такого случая, тоже удостоился похвалы Лю Бао: эта птица в отличие от большинства своих корабельных собратьев сохранила дородность до самой кончины.

Старания хозяев наладить беседу тоже не пропали даром: Лю Бао все время смеялся и сам рассказал много забавных историй, в основном охотничьих. Только бедному переводчику не повезло: он без конца носился вокруг стола, перекладывая с английского на китайский и обратно. Атмосфера почти что сразу установилась самая дружелюбная.

Шун Кай больше слушал, чем говорил, и неясно было, весело ему или нет. Ел и пил он очень умеренно, хотя пирующий без препон Лю Бао добродушно корил его за это и наливал ему до краев. Но когда в каюту торжественно внесли пылающий голубым пламенем рождественский

пудинг, когда его затем разрезали и отведали, Лю Бао сказал:

— Ты что-то скучен сегодня. Прочти-ка нам «Трудный путь», это как раз подойдет.

Шун Кай, вопреки ожиданиям, не стал противиться. Он откашлялся и продекламировал:

Вино в золотой чаше стоит десять тысяч монет,

Нефритовое блюдо с яствами ценится в миллион.

Я отшвыриваю прочь и чашу, и блюдо, мне противны еда и питье.

Когти в небо вздымаю, гляжу на четыре стороны света.

Пересек бы я Желтую реку, да лед сковал мои члены.

Преодолел бы горы Тайхан,[11] *да в небе метель бушует.*

Сидел бы я у пруда, где плавают золотые карпы,

Но мечта о бегущих к востоку волнах манит меня…

---

[11] Примечания: 11
Горный хребет на северо-востоке Китая.

Всякий путь труден,

Всякий путь труден,

Какую дорогу я изберу?

Однажды я взлечу, и прорвусь сквозь тучи,

И устремлюсь в полет через широкое море.

Рифмы и размер, если таковые и были, пропали при переводе, но содержание авиаторы одобрили единодушно. Чтеца наградили аплодисментами, и Лоуренс с интересом спросил:

— Это ваше собственное сочинение, сэр? Я еще ни разу не слышал стихов, написанных от лица дракона.

— О нет. Это сочинил великий Лун Ли По во времена династии Тан. Я всего лишь скромный ученый, и мои стихи недостойны того, чтобы читать их в обществе. — Однако он с удовольствием прочел наизусть еще несколько классических произведений — Лоуренс восхищался памятью, способной вместить так много стихов.

Гости расходились в самом гармоническом настроении, тщательно избегая щекотливых англо-китайских тем наподобие кораблей и драконов.

— Дерзну сказать, что мы добились успеха, — поведал Лоуренс Отчаянному. Капитан пил кофе, дракон уплетал барашка. — В компании они вовсе не такие уж чопорные, а Лю Бао выше всяких похвал. Далеко не на каждом корабле встретишь такого приятного сотрапезника.

— Я рад, что ты так хорошо провел вечер, — ответил Отчаянный, задумчиво разгрызая кость. — Ты не мог бы повторить мне это стихотворение?

Лоуренс привлек на помощь всех своих офицеров. Утром, когда они все еще трудились над этим, на палубу вышел Юнсин. Послушав, как авиаторы твердят переведенные на английский строки, он нахмурился и лично прочитал Отчаянному стихи.

Он декламировал по-китайски, без перевода, но Отчаянный тут же без малейших затруднений повторил все за ним. Лоуренса уже не впервые удивляли его лингвистические таланты. Отчаянный, как все драконы, выучился говорить еще в скорлупе — но в отличие от других узнал за это время целых три языка и не забыл ни одного, даже самого раннего.

— Лоуренс, — взволновался Отчаянный, обменявшись с принцем еще парой слов, — он говорит, что эти стихи написал вовсе не человек,

а дракон!

Лоуренс, еще не переваривший открытие, что Отчаянный умеет говорить по-китайски, совсем растерялся.

— Поэзия — странное занятие для дракона, но если в Китае они любят книги не меньше, чем ты, то неудивительно, что кто-то решил попробовать.

— Интересно, как он это сделал? Я бы тоже хотел, но разве я удержу перо? — Отчаянный приподнял свою переднюю лапу с пятью когтями и задумчиво уставился на нее.

— Я с удовольствием запишу все, что ты мне продиктуешь, — весело заверил его Лоуренс. — Тот дракон наверняка так и творил.

Он и думать забыл об этом, пока два дня спустя снова не поднялся на палубу, мрачный и озабоченный. Перед этим он много времени провел в лазарете. Лихорадка, трепавшая Грэнби, вернулась снова. Лейтенант лежал бледный и отрешенный, уставив голубые глаза в потолок. Губы у него потрескались, он ничего не ел, пил только воду в малых количествах и говорил бессвязно. Поллит не высказывал ничего определенного и только качал головой.

У трапа, ведущего на драконью палубу, ка-

питана поджидал Феррис. Лоуренс, все еще хромавший, ускорил шаг при виде его лица.

— Я в затруднении, сэр. Он говорил с Отчаянным все утро, и мы не знаем о чем.

Юнсин и теперь, сидя в кресле, беседовал с Отчаянным по-китайски — медленно, громко, раздельно, поправляя ошибки, которые делал дракон. Кроме того, он чертил на принесенных с собой бумажных листах большие китайские иероглифы. Отчаянный смотрел и слушал как зачарованный, поматывая кончиком хвоста — это служило у него признаком крайнего возбуждения.

— Лоуренс, погляди: так у них «дракон» пишется.

Лоуренс поглядел. Иероглиф, на его взгляд, напоминал рябь, оставленную волнами на песке; смысл не прояснился, даже когда Отчаянный показал ему символы, обозначающие крылья и туловище.

— Всего одна буква для целого слова? — усомнился капитан. — Как же она произносится?

— «Лун». А «Тен» в моем китайском имени значит «селестиал». — Отчаянный с гордостью показал на другой иероглиф.

Юнсин наблюдал за ними обоими с бесстраст-

ным видом, но Лоуренс уловил проблеск торжества в его взгляде.

— Хорошо, что ты провел время приятно и с пользой, — сказал Лоуренс и поклонился принцу. — Вы оказали нам большую любезность, сэр, взяв на себя этот труд.

— Я посчитал это своим долгом, — надменно ответил принц. — Изучение классиков многое позволяет понять.

Держался он по-прежнему неприветливо, но Лоуренс расценил разговор принца с Отчаянным как формальный визит, обязывающий и его самого сказать несколько слов. Непонятно было, какого мнения придерживается на этот счет сам Юнсин. Вольность Лоуренса, во всяком случае, не удержала его от дальнейших визитов: теперь он каждое утро являлся на палубу, давал Отчаянному уроки китайского и разжигал его аппетит новыми образчиками китайской литературы.

Поначалу эти ухищрения сильно раздражали Лоуренса — но Отчаянный развеселился впервые после разлуки с Лили и Максимусом, а рана до сих не позволяла ему летать. Не мог же капитан в самом деле винить его за то, что он занялся чем-то для себя интересным. Пусть себе принц лелеет надежду переманить Отчаянного к себе

льстивыми восточными уловками: у Лоуренса не было ни малейших сомнений на этот счет.

Но время шло, и Лоуренс, видя неослабевающий энтузиазм Отчаянного, несколько приуныл. Свои книги они забросили ради китайских: их Отчаянный заучивал наизусть, поскольку не владел искусством чтения иероглифов. Лоуренс хорошо знал, что сам он — далеко не ученый муж. Его понятия о приятном времяпрепровождении ограничивались беседой, порой написанием писем или чтением не совсем уж устаревших газет. Под влиянием Отчаянного он сделался книгочеем, чего прежде и представить себе не мог — но разделять пыл дракона относительно языка, в котором ни аза не смыслишь, было гораздо труднее.

Он не хотел, чтобы принц торжествовал, и потому не выказывал открыто своего недовольства. Но Отчаянный, одолев новый отрывок и заслужив скупую похвалу Юнсина, прямо-таки сиял, и каждый такой случай Лоуренс расценивал как маленькую победу принца. Тревожило также заметное удивление Юнсина успехами Отчаянного и его радость по этому поводу. Сам Лоуренс полагал, что Отчаянный — умнейший дракон на свете, но совсем не желал, чтобы Юнсин разделял

это мнение. Принцу вряд ли требовался лишний мотив, чтобы навсегда забрать Отчаянного себе.

Утешением служило лишь то, что Отчаянный постоянно переходил на английский, давая Лоуренсу возможность участвовать в разговоре — и Юнсин, чтобы не лишиться достигнутого, поневоле эту беседу поддерживал. Лоуренс при этом испытывал нечто вроде мелочного удовлетворения, но удовольствия не получал. Никакое духовное родство не могло отменить причины, по которой они с принцем стали врагами, да между ними и не возникло такого родства.

Однажды принц вышел на палубу рано, когда Отчаянный еще спал. Пока слуги устанавливали его кресло и готовили свитки для чтения, он подошел к борту посмотреть на океан. Вокруг сейчас простиралась синяя гладь, берега не было видно, с моря веял прохладный ветер. Лоуренс сам наслаждался этим бескрайним простором под чашей небес, где сверкали порой белые пенные гребни.

— Только пустыня способна быть столь унылой и незанимательной, — бросил внезапно Юнсин. Лоуренс, собравшийся было выразить восхищение красотой вида, прикусил язык, а принц добавил: — Вы, британцы, вечно путешествуете в

поисках новых мест — неужели собственная страна вам настолько противна? — И он отвернулся, укрепив Лоуренса в убеждении, что свет еще не видел двух более несхожих людей, чем они.

Предполагалось, что корабельное меню Отчаянного будет состоять в основном из рыбы, наловленной им самим. Лоуренс и Грэнби заранее рассчитали, сколько мелкого и крупного скота им следует взять ради разнообразия и на случай штормов. Но Отчаянный все еще не мог охотиться из-за раны, и запасы таяли гораздо быстрее, чем показывали расчеты.

— Мы в любом случае должны держаться поближе к Сахаре, иначе пассаты умчат нас прямиком в Рио, — сказал Райли. — Пополним запасы в Кейп-Косте. — Лоуренс, понимая, что это сказано ему в утешение, кивнул и вышел.

Отец Райли владел плантациями в Вест-Индии, и у него было несколько сотен рабов. Отец Лоуренса, наоборот, был твердым последователям Уилберфорса и Кларксона.[12] Он произнес в палате лордов несколько пламенных речей против рабства, упомянув Райли среди прочих

[12] Примечания: 12

Уилберфорс Уильям (1759—1833) и Кларксон Томас (1760—1846) — британские аболиционисты, добившиеся впоследствии отмены рабства и работорговли в английских колониях.

рабовладельцев, позорящих, как он мягко выразился, имя христианина и марающих репутацию свой родины.

Этот инцидент в свое время охладил отношения между двумя друзьями: Райли был очень привязан к отцу, человеку куда более сердечному, чем лорд Эллендейл, и, естественно, негодовал, когда того оскорбили публично. Лоуренс же, не питая особой привязанности к собственному родителю и сердясь на то, что его поставили в столь неловкое положение, извиниться, однако, не пожелал. Он вырос среди брошюр Кларксона, а в возрасте девяти лет его свозили на бывший невольничий корабль, предназначенный на слом. Это произвело на его юную душу глубокое впечатление, и после ему долго снились кошмары. Они с Райли так и не примирились на этом предмете, но перемирие заключили: прекратили все разговоры на эту тему и старались не упоминать о своих отцах. Лоуренс попросту не мог вымолвить в лицо Райли, что ему противна самая мысль о заходе в порт, где торгуют рабами.

Вместо этого он спросил Кейнса, нельзя ли выпустить Отчаянного на охоту — тот ведь как будто совсем поправился?

— Лучше не надо, — уклончиво ответил хирург.

Лоуренс насел на него, и Кейнс наконец сознался, что рана заживает не так хорошо, как желал бы он. — Грудь у него все еще горяча, и под кожей прощупывается что-то вроде очага нагноения. Настоящего беспокойства это пока не внушает, но с полетами лучше погодить еще пару недель.

Этот разговор всего лишь наградил Лоуренса лишней заботой — а их и так имелось немало, помимо недостатка провизии и неизбежной остановки в Кейп-Косте. Авиаторы, ввиду ранения Отчаянного и решительных возражений Юнсина против летной практики, большей частью бездельничали — в то время как матросы, чинившие повреждения и пополнявшие груз, были по горло заняты. Ни к чему хорошему такая ситуация привести не могла.

На Мадейре Лоуренс попытался устроить экзамен Роланд и Дайеру и очень быстро понял по их виноватому виду, что школьными занятиями они полностью пренебрегают. Оба имели самое смутное представление об арифметике, не говоря уж о более сложных математических науках. Совершенно не знали французского. Когда он дал Роланд книгу Гиббона, она так запиналась на каждом слове, что Отчаянный стал ее поправлять. Дайер хотя бы помнил таблицу умножения

и кое-какие грамматические правила, она же с трудом считала дальше десяти и очень удивилась тому, что у речи, оказывается, есть части. Проблема свободного времени вестовых решилась, таким образом, очень просто; Лоуренс, коря себя за то, что так запустил детей, взял на себя роль их наставника.

Оба они были, можно сказать, любимчиками всего экипажа — после гибели Моргана их начали баловать еще пуще. Их ежедневная борьба с грамматикой и делением очень всех веселила, но когда мичманы «Верности» позволили себе какие-то ехидные замечания на сей счет, крыльманы не стерпели, и в темных углах транспорта начались потасовки.

Поначалу Лоуренс и Райли лишь усмехались про себя, получая самые нелепые объяснения относительно подбитых глаз и расквашенных губ, но когда такие же украшения появились у взрослых, стало уже не до смеха. Неравномерный труд и затаенный страх перед Отчаянным побуждал моряков чуть ли не каждый день задирать авиаторов, и Роланд с Дайером здесь были уже ни при чем. Авиаторов, в свою очередь, возмущала неблагодарность флотских — ведь Отчаянный, как-никак, спас их всех.

Первый взрыв случился, когда корабль миновал мыс Пальмас и повернул на восток. Лоуренс дремал у себя на палубе в тени Отчаянного и не видел, что в точности произошло. Его разбудили крики и топот множества ног. Мартин, окруженный со всех сторон, крепко держал за локоть Блайта, помощника бронемастера; на палубе лежал один из мичманов Райли — из тех, что постарше, — и лорд Парбек кричал с полуюта:

— Заковать этого человека в кандалы, Корнелл! Немедленно!

Отчаянный поднял голову и рыкнул. Звук, к счастью, не достиг силы «божественного ветра», но толпа тем не менее отхлынула на приличное расстояние.

— Я не позволю, чтобы моих людей сажали в тюрьму, — заявил дракон, сердито мотая хвостом. Он распростер крылья, и корабль содрогнулся. Ветер дул из Сахары, позади траверза; все паруса были приведены в крутой бейдевинд, чтобы удержать судно на курсе зюйд-ост, и крылья Отчаянного оказывали как раз обратное действие.

— Отчаянный! Прекрати немедленно! — закричал Лоуренс. Он еще ни разу не говорил с драконом так резко, и тот в изумлении свернул крылья. — Парбек, я сам разберусь со своими

людьми, с вашего позволения. Бронемастер, стоять на месте. — Лоуренс отдавал приказы быстро, опасаясь открытой войны между моряками и авиаторами. — Мистер Феррис, сведите Блайта вниз и поместите его под арест.

— Есть, сэр! — Феррис уже проталкивался через толпу.

— Мистер Мартин, немедля ступайте ко мне в каюту, — громко добавил Лоуренс. — Мистер Кейнс, подойдите. Все остальные — займитесь своими делами.

Он видел, что самый опасный миг миновал, и надеялся, что дисциплина возобладает. Но Отчаянный, припав к палубе, смотрел на него с испугом и отпрянул, когда капитан протянул к нему руку.

— Прости меня, — со спазмом в горле произнес Лоуренс. Он не знал, что еще сказать: поведение Отчаянного действительно угрожало безопасности судна — и если он будет продолжать в том же духе, команда попросту откажется работать из страха перед этаким чудищем. — Может, ты повредил себе что-нибудь? — только и спросил капитан, когда к ним прибежал Кейнс.

— Нет, — очень тихо ответил Отчаянный. Он молча подчинился осмотру, и Кейнс подтвердил,

что резкое движение не причинило ему никакого вреда.

— Пойду поговорю с Мартином, — произнес Лоуренс.

Отчаянный, ничего не сказав, свернулся клубком и прикрыл крыльями голову.

Каюта, несмотря на открытые окна, раскалилась от солнца и смягчению гнева никак не способствовала. Мартин расхаживал по ней, одетый очень скудно по случаю жаркой погоды. Он уже два дня как не брился, отросшие волосы падали ему на глаза. Не совсем понимая, в каком состоянии духа пребывает его капитан, он начал говорить, как только Лоуренс вошел в дверь.

— Я один во всем виноват. Не надо было мне этого говорить. — Лоуренс дохромал до стула и сел. — Блайта наказывать не за что, Лоуренс.

Капитан успел привыкнуть к вольному обращению, принятому в среде авиаторов, и обычно не обращал на это внимания — но в данных обстоятельствах фамильярность Мартина прямо-таки взбесила его. Мартин, прожженный его яростным взглядом, побледнел под всеми своими веснушками, сглотнул и добавил:

— Капитан, хотел я сказать. Сэр.

— Я сделаю все, чтобы навести в экипаже по-

рядок, мистер Мартин, — то есть больше, чем полагал необходимым до сего дня. — Лоуренс ценой большого усилия умерил снедавшую его ярость. — Рассказывайте.

— Я не хотел, — начал сызнова присмиревший Мартин. — Этот Рейнольдс цеплялся к нам всю неделю. Феррис велел нам не обращать на него внимания, но сегодня я шел мимо, а он сказал…

— Довольно с меня ваших басен. Что именно вы сделали?

— Ну, — покраснел Мартин, — я ему ответил… предпочел бы не повторять, какими словами, а он… — Мартин замялся, не зная, как закончить рассказ без новых обвинений в адрес злосчастного Рейнольдса, и выпалил: — Короче говоря, сэр, он собирался бросить мне вызов — вот тут-то Блайт и сбил его с ног. Он, Блайт то есть, знал, что сам я не могу драться, и не хотел, чтобы я отказывался от поединка при флотских. Честное слово, сэр, это я виноват, не он!

— Здесь я с вами согласен. — Плечи Мартина, как злорадно отметил Лоуренс, поникли при этих словах. — И когда в воскресенье Блайта будут сечь за то, что он поднял руку на офицера, помните, что он расплачивается за вас. За то, что вы не совладали с собой. Всю неделю вы будете

оставаться в своем помещении и подниметесь наверх, только когда вас вызовут.

— Да, сэр, — еле слышно ответил Мартин и побрел, спотыкаясь, прочь. Лоуренс тяжело дышал в душной каюте. Гнев покидал его медленно, уступая место подавленности. Блайт не просто спас репутацию Мартина — он отстоял честь всех авиаторов в целом. Мартин, отказавшись драться на глазах у всей корабельной команды, опорочил бы эту честь, хотя устав воздушного корпуса и запрещал дуэли.

При всем при этом случай был ясен и не допускал никаких поблажек. Блайт ударил офицера при свидетелях, и Лоуренс должен был примерно его наказать, чтобы удовлетворить моряков и отбить у своих людей охоту к подобным выпадам. Мало того, экзекуцию будет производить помощник боцмана, который наверняка порадуется возможности отыграться на авиаторе.

Лоуренс собирался поговорить с Блайтом, но тут в дверь постучали, и вошел Райли — без улыбки, в мундире и свежезавязанном галстуке, со шляпой под мышкой.

Глава 7

Когда они неделю спустя подошли к Кейп-Косту, враждебные настроения на борту ощущались не менее явно, чем зной. Блайт слег в постель после жестокой порки. Все остальные наземники сменялись у его койки, обмахивали веером его исхлестанную спину и поили его водой. Авиаторы, поняв, как страшен Лоуренс в гневе, не проявляли своей вражды ни словом, ни делом — она выказывалась лишь злобными взглядами и внезапным прекращением разговора при виде кого-то из моряков.

Лоуренс больше не обедал у Райли. Капитан корабля обиделся на него за то, что он прилюдно сделал замечание Парбеку, а Лоуренс в свою очередь вспылил, когда Райли не пожелал ограничиться наказанием в двенадцать плетей. Не сдержавшись, он помянул недобрым словом невольничьи гавани; Райли пришел в негодование, и отношения между ними сделались строго официальными.

Все это, конечно, было малоприятно, но подавленное настроение Отчаянного удручало намного больше. Дракон простил Лоуренсу его

минутную резкость и дал убедить себя в том, что без наказания здесь обойтись нельзя, но под конец экзекуции крики Блайта стали перемежаться его свирепым рычанием. Это принесло некоторую пользу: помощник боцмана Хиндли, до тех пор орудовавший «кошкой» с недюжинным пылом, струхнул и стал бить слабее, но зло уже совершилось.

С того времени Отчаянный был тих и несчастен, на вопросы отвечал кратко и плохо ел. Моряки сочли приговор слишком легким, авиаторы держались противоположного мнения. Бедный Мартин, которого поставили дубить шкуры в трюме, больше страдал от чувства вины, чем от тяжелых работ, и каждую свободную минуту проводил рядом с Блайтом. Полностью удовлетворен был только Юнсин: он, пользуясь ситуацией, вел с Отчаянным длительные беседы по-китайски, и дракон больше не пытался включать в них Лоуренса.

Закончилось это самым неожиданным образом: Отчаянный вдруг зашипел, поставил жабо торчком и чуть не сшиб с ног своего капитана, свернувшись вокруг него защитным кольцом.

— Что он тебе такое сказал? — спрашивал Лоуренс, тщетно выглядывая поверх черных боков.

Вмешательство Юнсина выводило его из себя, и он в эти последние дни едва сдерживался.

— Он рассказывал про Китай и про то, как хорошо там живется драконам. — Отчаянный говорил уклончиво, и Лоуренс заподозрил, что эта «хорошая жизнь» пришлась ему по душе. — Потом сказал, что мне там дадут более достойного компаньона, а тебя отправят домой.

Когда Лоуренс уговорил бунтовщика развернуться, Юнсин уже удалился — «злой как черт», согласно рапорту Ферриса, отданному с неприличной для второго лейтенанта веселостью.

Лоуренса, однако, это отнюдь не устроило.

— Я не желаю, чтобы Отчаянного расстраивали подобными разговорами, — заявил он Хэммонду, пытаясь через него передать принцу это недипломатическое послание.

— Вы крайне близоруко смотрите на вещи, — с возмутительным хладнокровием ответил ему дипломат. — Если Юнсин за время путешествия удостоверится в том, что Отчаянный не пойдет на разлуку с вами, для нас это только выгодно. Тем легче будет вести с ними переговоры, когда прибудем в Китай. — Он помолчал и осведомился с еще более возмутительной озабоченностью: — Вы вполне уверены, что он не пойдет на это?

— Скинуть бы темной ночью за борт Хэммонда вместе с Юнсином, да и делу конец, — заметил Грэнби, выслушав в тот же вечер отчет о случившемся. Это как нельзя лучше выражало чувства Лоуренса, которые он сам не смел высказать вслух. За разговором Грэнби без стеснения подкреплялся супом, жареным сыром, тушеной в сале картошкой с луком и сладким пирогом: лейтенанта, бледного и худого, наконец-то выписали из лазарета, и Лоуренс пригласил его ужинать. — О чем еще этот принц ему толковал?

— Представления не имею. За последнюю неделю он и трех слов не сказал по-английски. А выпытывать что-то у Отчаянного мне не хотелось бы.

— Пообещал, наверное, что там его друзей плетьми драть не будут, — сумрачно предположил Грэнби. — Посулил ему по дюжине книжек в день и груды драгоценных каменьев. Я слышал о таких искусителях, но попробуй кто из наших это проделать, его вмиг вышибли бы из корпуса — если б дракон не разобрал его по косточкам еще раньше.

Лоуренс помолчал, перебирая пальцами ножку бокала.

— Отчаянный слушает его только потому, что

несчастен.

— О черт! Мне чертовски жаль, что я провалялся больным так долго. Феррис хороший парень, но он ни разу не плавал на транспортах и не знает, что за народ эти флотские. Не знает, как научить ребят не поддаваться на их издевки. Ума не приложу, чем бы развеселить теперь нашего мальчика, что бы вам посоветовать. Я дольше всего служил на Летификат, а она даже для медного регала настоящая душка. Никаких тебе настроений, и кушала всегда с аппетитом. Может, это все из-за того, что ему не разрешают летать.

На следующее утро они вошли в гавань. Широкий полукруг золотого песка, стройные пальмы, крепость за белыми стенами на холме. Всюду долбленые челноки (из многих так и торчали сучья), бриги, шхуны, а в западном углу — шнява средней величины. Шлюпки перевозили на нее негров, которых выводили из туннеля, выкопанного прямо на берегу.

«Верность» была слишком велика для самой бухты, но якорь бросила достаточно близко. Погода стояла тихая, и щелканье кнутов вперемежку с криками и неумолчным плачем разносилось далеко над водой. Хмурый Лоуренс велел Роланд и Дайеру, глядевшим во все глаза, пойти и при-

браться в его каюте. Отчаянный, которого, увы, нельзя было оградить таким образом, то сужал, то расширял щелки своих зрачков.

— Лоуренс, их всех заковали в цепи — за что? — спросил он, выйдя из своего апатичного состояния. — Не могут же они все быть преступниками: смотри, вон тот еще ребенок, и этот тоже.

— Это невольничье судно, — ответил Лоуренс. — Пожалуйста, не смотри туда. — Он заранее, предвидя этот момент, попытался объяснить Отчаянному, что такое рабство, но потерпел неудачу. Пониманию препятствовали его отвращение к торговле людьми и смутные понятия Отчаянного о собственности. Дракон не слушал его и продолжал смотреть, беспокойно помахивая хвостом. Погрузка длилась все утро, и горячий ветер нес с берега кислый запах немытых тел, запах пота и горя.

Наполнив трюмы живым товаром, шнява поставила паруса и прошла мимо «Верности». Одна половина команды бегала, как полагалось, по вантам, другая сидела на палубе с ружьями, пистолетами и кружками грога. Отчаянный вызвал у них откровенное любопытство. Потные и чумазые после недавних трудов, они уставились на него, а один прицелился в дракона из ружья,

будто бы в шутку.

— Цельсь! — Тут же скомандовал лейтенант Риггс, опередив Лоуренса. Трое стрелков на палубе мгновенно вскинули ружья, и человек на шняве опустил свое, осклабив желтые зубы.

Отчаянный даже манишку не вздыбил. Не потому, что испугался — на таком расстоянии ружейная пуля нанесла бы ему меньше вреда, чем комариный укус человеку — а из глубокого презрения к субъекту, который ему угрожал. Тем не менее он испустил рык и даже стал надуваться.

— Не надо. Ни к чему хорошему это не приведет. — Лоуренс положил руку на его бок и стоял так, пока шнява не скрылась из виду, но Отчаянный еще долго дергал хвостом.

— Я не голоден, — сказал он, когда Лоуренс предложил ему подкрепиться, и снова затих. Порой он царапал палубу когтями, производя неприятный звук.

Райли расхаживал на полуюте и не мог их слышать — зато слышали матросы, спускавшие на воду шлюпки, а также лорд Парбек. Все сказанное на палубе достигало другого конца корабля быстрее, чем можно было туда дойти. Лоуренс понимал, что поступает невежливо, критикуя Райли на его собственном судне, да еще в то

время, когда они в ссоре — понимал, но не мог больше сдерживаться.

— Не огорчайся так, — попытался он утешить Отчаянного, не высказываясь напрямик против работорговли. — Есть надежда, что скоро людьми торговать запретят. В ближайшую сессию Парламент снова рассмотрит этот вопрос.

Отчаянный заметно воспрянул духом, но не удовлетворился этим и стал расспрашивать о разных перспективах отмены рабства. Лоуренсу пришлось объяснять, что такое палата лордов и чем она отличается от палаты общин. Он рассказал о разных фракциях, участвующих в дебатах, и о деятельности собственного отца. Все это время он сознавал, что их слушают, и старался быть политичным.

Даже Шун Кай, который провел все утро на палубе и видел, как подействовала на Отчаянного невольничья шнява, смотрел на них так, словно догадывался о содержании их разговора. Подойдя к самой черте, он дождался паузы и попросил Отчаянного перевести. Отчаянный выполнил его просьбу. Шун Кай кивнул и через него задал Лоуренсу вопрос:

— Значит, ваш отец как государственный деятель находит недопустимой такую практику?

Столь прямой вопрос заслуживал прямого ответа — умалчивать было бы просто бесчестно.

— Да, сэр, находит. — В это время на палубу, очень кстати, поднялся Кейнс. Лоуренс стал спрашивать у него разрешения слетать на берег с Отчаянным, и чреватая осложнениями беседа прервалась самым естественным образом. Хватило, однако, и того, что уже было сказано. Моряки, в большинстве своем не имевшие твердых убеждений на этот счет, склонялись на сторону своего капитана, чье семейство, как было известно, пользовалось рабским трудом. Противоположное мнение, открыто высказываемое на борту корабля, казалось им оскорбительным.

Еще до матросского обеда с берега доставили почту, и лорд Парбек послал с письмами к авиаторам не кого-нибудь, а мичмана Рейнольдса. Здесь усматривалась намеренная провокация. Сам юнец, еще светивший фонарем после удара Блайта, ухмылялся так нагло, что Лоуренс решил сократить на неделю срок наказания Мартина.

— Смотри-ка, Отчаянный, — сказал он, — капитан Роланд нам пишет! Сейчас узнаем, что нового в Дувре.

Отчаянный тут же опустил голову, чтобы посмотреть на письмо; близость его острых зубов

мигом стерла ухмылку с физиономии Рейнольдса и заставила письмоносца ретироваться.

Они принялись за чтение. Письмо Джейн Роланд, отправленное вскоре после их расставания, занимало всего один лист. Новостей оно содержало мало, но согревало душу — правда, Отчаянный после него взгрустнул немного по дому, и Лоуренс тоже. Озадачивало то, что больше никто из капитанов не написал им, даже Харкорт, которую Лоуренс знал как аккуратную корреспондентку.

Единственное другое письмо, переправленное из Дувра, было от его матери. Авиаторы получали почту быстрее всех остальных благодаря драконам-курьерам, летавшим между запасниками. Леди Эллендейл, отправлявшая письма обычной почтой, явно написала свое еще до того, как получила от сына уведомление об отъезде в Китай.

Лоуренс прочел Отчаянному вслух почти все, что было в письме. Оно касалось в основном его старшего брата Джорджа, у которого недавно, помимо трех сыновей, родилась еще дочь, и отцовских трудов на политической ниве. Последнее было одним из немногих предметов, на которых Лоуренс сходился с отцом, да и Отчаянный пару часов назад проникся интересом к политике. На середине капитан, однако, запнулся: то, о чем

мимоходом писала мать, объясняло молчание его сослуживцев.

> *Поражение в Австрии потрясло, конечно, нас всех; говорят, что мистер Питт слег, и твой отец крайне этим расстроен, поскольку премьер-министр всегда разделял его взгляды. В городе ходят толки о том, что Бонапарту благоприятствует само Провидение. Кажется невероятным, что один человек может оказывать такое влияние на ход войны при том, что у нас с противником равные силы. Тем не менее меня возмущает, что победу лорда Нельсона при Трафальгаре и твои подвиги при защите нашего берега так скоро предали забвению. Наименее твердые духом начинают поговаривать даже о мире с Тираном.*

Леди Эллендейл полагала, конечно, что ее сын все еще находится в Дувре, куда новости с континента приходили в первую очередь, и что он все уже знает; между тем ее письмо явилось для Лоуренса ударом — тем более чувствительным, что не содержало дальнейших подробностей. На Мадейре он слышал, что в Австрии произошло

несколько сражений, но решающим ни одно из них не было. Лоуренс попросил Отчаянного его извинить и побежал к Райли, надеясь получить более полные сведения. Райли в самом деле сидел над депешей из министерства, которую вручил ему Хэммонд.

— Он разгромил их при Аустерлице, — сказал дипломат, и они вместе отыскали на карте этот маленький городок к северо-востоку от Вены. — Мне сообщают не так уж много, министерство в подробности не вдается — но наши союзники потеряли не менее тридцати тысяч убитыми, ранеными и пленными; русские бегут, австрияки уже подписали мир.

Эти скупые факты поражали и без подробностей. Все трое долго молчали, вчитываясь в депешу, которая упорно отказывалась поведать им что-то еще.

— Ну что ж, — сказал наконец Хэммонд, — придется нам его брать измором. Хвала Всевышнему за Нельсона и Трафальгар! Теперь у нас на Канале три длиннокрыла, и новое воздушное вторжение он вряд ли предпримет.

— А не лучше ли нам вернуться? — рискнул предложить Лоуренс.

Он чувствовал, что это эгоистично с его сто-

роны, но Британия наверняка в них нуждалась. Эксидиум, Мортиферус и Лили со своими звеньями составляли, конечно, грозную силу, но три дракона не вездесущи, а Наполеон в прошлом предпринимал уже отвлекающие ходы, побуждая кого-то из них покидать Англию.

— Я не получил такого приказа, — ответил Райли, — хотя в самом деле несколько странно после подобных известий идти себе преспокойно в Китай. У нас на корабле сто пятьдесят пушек и боевой дракон тяжелого веса.

— Вы заблуждаетесь, джентльмены, — резко заметил Хэммонд. — Случившаяся катастрофа делает нашу миссию еще более спешной. Победить Бонапарта и остаться чем-то поважнее захолустного островка у побережья французской Европы для нас возможно лишь при условии, что мы сохраним свои торговые связи. Пусть австрияки и русские оказались разбиты: пока мы снабжаем наших континентальных союзников припасами всякого рода, борьба с тиранией не прекратится. Мы обязаны продолжать, обязаны добиться хотя бы нейтралитета с Китаем, чтобы восточные торговые пути остались за нами. Ни одна военная кампания не может сравниться по важности с нашей задачей.

Он говорил очень веско, и Райли кивал, соглашаясь с ним. Когда они стали обсуждать, как поскорее проделать остаток пути, Лоуренс извинился и вернулся на драконью палубу. С аргументами Хэммонда спорить действительно не приходилось, но Лоуренс все равно оставался при своем мнении, и это огорчало его.

— Не понимаю, как это они уступили Наполеону, — сказал Отчаянный, когда Лоуренс сообщил невеселую новость ему и своим офицерам. Жабо у него стояло торчком. — При Трафальгаре и Дувре у него было больше драконов и кораблей, но мы все-таки победили. А на этот раз австрийских и русских войск было, наоборот, больше.

— При Трафальгаре сражение состоялось на море, — возразил ему Лоуренс. — Бонапарт никогда по-настоящему не был силен в морском деле, ведь по образованию он артиллерист. А битву при Дувре мы выиграли только благодаря тебе. Без твоего «божественного ветра» Бонапарт сейчас бы короновался в Вестминстере. Вспомни, как он хитростью вынудил нас отправить лучшие воздушные силы на юг и скрытно переместил собственных драконов к Проливу. Исход мог быть совсем иным, не застань ты его врасплох.

— И все-таки они, по-моему, плохо обдумали

план сражения, — не сдавался Отчаянный. — Уверен, что мы с нашими друзьями не дали бы ему победить. Не понимаю, как можно ехать в Китай, пока другие воюют.

— Чертовски хорошо сказано, если хотите знать мое мнение, — поддержал его Грэнби. — Что за вздор — отдавать одного из лучших драконов в разгар войны и при отнюдь не блестящем положении дел? Разве не должны мы сейчас повернуть домой, Лоуренс?

Капитан только головой покачал: он был полностью согласен, но бессилен что-либо изменить. Отчаянный у Дувра действительно переломил ход войны. Министерство могло сколько угодно отрицать это или сомневаться в важности той победы, но Лоуренс хорошо помнил, в каком безнадежном положении находились они до того, как задул «божественный ветер». Покорная выдача Отчаянного Китаю казалась ему злонамеренной слепотой, и он не верил, что китайцы выполнят хотя бы одно из требований Хэммонда.

— Приказ есть приказ, — только и вымолвил он. Даже если бы Райли и Хэммонд были его единомышленниками, вряд ли министерство сочло бы это достойным поводом для нарушения

своих прямых указаний. — Сейчас мистер Кейнс осмотрит тебя, — добавил он, видя, что Отчаянный опять приуныл, — и решит, можно ли тебе полетать немного над сушей.

— У меня правда ничего не болит, — горячо заверил Отчаянный. — Я уверен, что снова могу летать, тем более недалеко.

— Лучше воздержаться еще неделю. И без нытья, — сурово отрезал Кейнс. — Значение имеет не длительность пребывания в воздухе, а усилие при взлете, — ворчливо добавил он, адресуясь к Лоуренсу. — Не думаю, что его мускулы готовы выдержать это.

— Но мне надоело валяться на палубе, — заныл Отчаянный, несмотря на запрет. — Здесь даже повернуться как следует негде.

— Осталась всего одна неделя, а то и меньше. — Лоуренс пожалел, что понапрасну дал ему повод надеяться. — Мистер Кейнс понимает в этом больше нашего, и мы должны его слушаться.

— Почему это больше? — не унимался Отчаянный. — Это ведь мои мускулы, не его.

— В споры с пациентами я не вступаю, — холодно заявил врач. — Если хочешь навредить самому себе и проваляться еще два месяца — лети, будь любезен.

Отчаянный сердито фыркнул, и Лоуренс поспешил отпустить хирурга: Кейнс при всем своем мастерстве тактом не отличался, а дракон, при всем своем врожденном миролюбии, был горько разочарован.

— У меня есть и хорошая новость, — утешил его капитан. — Мистер Поллит оказал нам любезность и привез с берега несколько новых книг. Хочешь, посмотрим?

Отчаянный только буркнул что-то и свесил голову за борт, глядя на вожделенный берег. Лоуренс отправился за книгой, надеясь его отвлечь, — но когда он спустился в каюту, корабль зашатался, и в окна плеснули брызги. Кинувшись спасать намокшие письма, Лоуренс увидел Отчаянного. Тот, с виноватым и одновременно довольным видом, покачивался на воде, словно утка.

Лоуренс заторопился обратно на палубу. Грэнби и Феррис с тревогой смотрели за борт. Лодчонки с гулящими девицами и продающими улов рыбаками, облепившие транспорт, наперегонки неслись к берегу под крики и всплески весел.

— Я не хотел их пугать, — сконфуженно молвил Отчаянный. — Не убегайте, не надо бояться! — Но на лодках и не подумали остановиться. Матросы,

недовольные их бегством, смотрели сердито, но Лоуренса больше заботило здоровье Отчаянного.

— Ничего смешнее я в жизни не видел, но вреда, думаю, в этом нет, — сказал снова призванный на палубу Кейнс. — Воздушные мешки удержат его на плаву, а соленая вода для ран не опасна. Ума только не приложу, как его водворить обратно.

Отчаянный нырнул, выскочил на поверхность и заявил:

— Это очень приятно. Вода совсем не холодная. Не хочешь ли искупаться, Лоуренс?

Капитан был не из сильных пловцов и не очень-то стремился выкупаться в доброй миле от берега. Чтобы составить Отчаянному компанию и не дать ему переутомиться после праздных недель на палубе, он взял одну из маленьких шлюпок. Ялик подпрыгивал на волнах, производимых Отчаянным, и черпал воду, но Лоуренс предусмотрительно надел старые бриджи и поношенную рубашку.

Собственное его настроение оставляло желать много лучшего. Аустерлиц был не просто проигранной битвой — он означал крах всей программы, разработанной премьер-министром Питтом, и развал антинаполеоновской коалиции. Армия, которую Британия в состоянии

выставить, даже наполовину не сравнится по величине с наполеоновской, и на континент ее переправить не так-то просто. Без австрийцев и русских дела пойдут совсем плохо. Но и со всеми этими заботами на уме он не мог не веселиться, глядя, что вытворяет Отчаянный; в конце концов он поддался на его уговоры и прыгнул в воду. Поплавав немного, он вскарабкался на спину дракона, а тот энергично загребал лапами и толкал ялик носом, будто игрушку.

Закрыв глаза, можно было представить, что они опять в Дувре или на озере Лэгган, что их заботы просты и понятны, что вокруг них друзья, а позади — вся сила Британии. В таком окружении даже недавнюю катастрофу легче перенести. Можно было представить, что «Верность» — просто корабль, каких много, и до родной лужайки недалеко, и не надо иметь дела с разными принцами и политиками. Лоуренс лег на спину, раскинул руки по теплой от солнца чешуе и даже задремал ненадолго.

— Ты обратно-то сможешь забраться? — спросил он, проснувшись.

— Может, подождем на берегу, пока я совсем не поправлюсь? — предложил Отчаянный, изогнув шею назад. — А не то, — у него даже манишка

затрепетала от такой превосходной идеи, — перелетим через континент и встретим их на той стороне. Я помню по твоим картам, что в середине Африки нет людей, и никакие французы нас не подстрелят.

— Зато там водится много диких драконов, не говоря уж о других опасных зверях. И можно подцепить какую-нибудь болезнь. Лететь через неисследованные земли всегда рискованно, а в нашей ситуации и вовсе недопустимо.

Отчаянный воспринял критику своего грандиозного замысла с легким вздохом и пообещал, что попытается влезть на корабль. Поиграв еще немного, он подплыл к борту и порядком ошарашил матросов, отдав ялик прямо им в руки. Лоуренс перебрался на палубу по его плечу и устроил совещание с Райли.

— Не отдать ли нам, помимо станового, еще и запасной якорь с правого борта? В виде противовеса? — предложил он. — Кормовые трюмы загружены хорошо, авось выдержим.

— Страшно подумать, Лоуренс, что скажет Адмиралтейство, если я потоплю корабль прямо в гавани среди ясного дня, — закручинился Райли. — Меня повесят за это, и поделом.

— Если возникнет угроза, что корабль опро-

кинется, Отчаянный просто бросит эту затею. В противном случае нам придется проторчать здесь еще неделю, пока Кейнс не позволит ему летать.

— Я вовсе не собираюсь топить корабль, — негодующе заявил Отчаянный, сунув голову к ним на квартердек. — Я буду соблюдать осторожность.

Райли все еще сомневался, но тем не менее дал согласие. Отчаянный выскочил из воды и вцепился когтями в корпус. «Верность», которую держали два якоря, накренилась в его сторону, но не слишком сильно. Отчаянный пару раз взмахнул крыльями и наполовину вспрыгнул, наполовину вскарабкался на борт.

При этом он не слишком грациозно сучил задними лапами, однако транспорт не потерпел никакого вреда. На палубе Отчаянный поспешно подобрал все конечности и стал прихорашиваться, стряхивая воду с жабо и усиков.

— Оказывается, это не так уж и трудно, — сказал он Лоуренсу. — Можно будет купаться каждый день, пока я не начну летать снова.

Лоуренс не знал, как посмотрит на это Райли и вся команда, но не слишком из-за этого волновался. Он готов был вытерпеть не одни только угрюмые взгляды, лишь бы доставить радость

Отчаянному. Дракон охотно согласился на повторное предложение съесть что-нибудь, и от двух коров с бараном остались одни копыта.

Юнсин, снова решившись подышать воздухом на следующее утро, застал его в благодушном настроении: Отчаянный только что выкупался, плотно поел и был очень собой доволен. На этот раз он вылез из воды гораздо ловчее, хотя лорд Парбек жаловался, что он обдирает краску с корабельного борта, а матросам не нравилось, что он распугивает женщин на лодках. Дракон был склонен простить принцу даже то, что Лоуренс считал недюжинной подлостью, но Юнсин не казался удовлетворенным. Все утро он молча и сумрачно наблюдал, как Лоуренс читает Отчаянному новые, привезенные мистером Поллитом книги.

Вскоре после того как принц ушел с палубы, его слуга Фен Ли с помощью мимики и жестов пригласил Лоуренса спуститься к нему в каюту. Отчаянный, несмотря на жару, собрался вздремнуть, и Лоуренс настоял на том, что сначала зайдет к себе и переоденется. Ввиду купания он снова надел что похуже, но встреча с Юнсином требовала полного облачения. Парадный мундир, лучшие бриджи и свежеотглаженный галстук

успешно заменили ему боевые доспехи.

Представления по поводу его визита устраивать на сей раз не стали и немедленно провели капитана к принцу. Юнсин отослал даже Фен Ли, чтобы остаться наедине с Лоуренсом, но разговор начал не сразу. Он стоял молча, сцепив руки за спиной и устремив взгляд далеко за корму. Лоуренс хотел уже заговорить первым, но тут принц, резко обернувшись к нему, произнес:

— Вы искренне привязаны к Лун Тен Сяну, а он к вам. Я убедился в этом. Однако в вашей стране с ним обращались как с животным, подвергая его всем опасностям войны. Такой ли судьбы вы для него желаете?

Лоуренс, изрядно озадаченный такой прямотой, предположил, что Хэммонд был прав: подобную перемену могла вызвать лишь растущая убежденность принца в том, что Отчаянный никогда не расстанется с ним по доброй воле. Лоуренсу следовало бы радоваться, но его беспокойство не прошло, а лишь усилилось. Он не понимал этого человека и не верил, что они способны найти общий язык.

— Вы заблуждаетесь, обвиняя нас в дурном обращении, сэр, — ответил он чуть погодя. — Что до опасностей, то такова участь всех, кто служит

своей стране. Вряд ли ваше высочество ожидает, что я стану оспаривать такой выбор, если он совершен добровольно. Сам я выбрал для себя то же поприще и считаю делом чести риск, которому подвергаюсь.

— Вы человек не слишком знатного рода и солдат не слишком высокого звания; таких, как вы, в Англии не меньше десяти тысяч. Между вами и селестиалом не может быть никакого сравнения. Выслушайте мою просьбу и помните, что речь идет о его счастье. Помогите нам вернуть ему место, которое он занимает по праву, а после спокойно расстаньтесь с ним. Пусть он поверит, что вы уезжаете с легким сердцем: так он легче привыкнет к другому, достойному его компаньону. Ваш долг — не принижать его до своего уровня, но позаботиться о том, чтобы все его врожденные качества развились в полную силу.

Принц говорил это не с намерением оскорбить Лоуренса — он просто констатировал факты.

— Я не верю в добрые намерения, побуждающие нас лгать тому, кто нам дорог, сэр. Не верю, что ложь может служить добру. — Лоуренс сам не знал, оскорбиться ему или воспринять эту речь как призыв к его лучшим чувствам. Но дальнейшие слова принца развеяли все сомнения.

— Я сознаю, что прошу о большой жертве. Надежды вашей семьи, возможно, будут обмануты, а награда, которую вы получили за него, — конфискована. Но разорение вам не грозит. Исполнив мою просьбу, вы получите десять тысяч таэлей[13] серебром и благодарность самого императора.

Кровь бросилась в лицо Лоуренсу.

— Крупная сумма, — сказал он, немного совладав с собой. — Но во всем Китае не хватит серебра, чтобы купить меня, сэр.

Он хотел уйти сразу же, но принц, отбросив наконец свое напускное хладнокровие, бросил:

— Глупец! Вам все равно не позволят остаться при Лун Тен Сяне, и вы отправитесь домой. Почему вы не соглашаетесь на мое предложение?

— Я не сомневаюсь, что у себя дома вы сможете разлучить нас вопреки нашей воле. Но вся вина за это ляжет на вас, а не на меня. И он будет знать, что я остался верен ему до конца, как и он мне. — Лишенный права ударить Юнсина или вызвать его на дуэль, хоть немного смягчив этим чувство глубокого оскорбления, Лоуренс ухватился за повод к ссоре, который принц дал ему сам. — Не трудитесь больше соблазнять меня

---

[13] Примечания: 13
китайская мера веса драгоценных металлов (ок. 37 г).

таким образом, — добавил он со всем доступным ему презрением. — Все ваши посулы и махинации приведут все к тому же финалу; и я слишком верю в Отчаянного, чтобы считать его способным предпочесть такую страну, где подобные сделки приняты в *приличном* обществе.

— В невежестве своем вы порицаете величайшую нацию мира, — распалился в свою очередь принц. — Все ваши соотечественники так поступают. Вы не уважаете тех, кто стоит выше вас, и оскорбляете наши обычаи.

— За это я, быть может, извинился бы перед вами, сэр, если бы вы сами не оскорбляли постоянно меня и мою страну и хоть немного уважали чужие обычаи.

— Мы ничего не хотим перенимать у вас, равно как и навязывать вам свои взгляды. Вам, островитянам, милостиво позволили покупать у нас чай, шелк и фарфор — предметы ваших страстных желаний. Но вам мало этого; вы просите все больше и больше. Ваши миссионеры распространяют чуждую нам религию, ваши купцы ввозят к нам опиум, попирая закон. А ведь мы в отличие от вас не нуждаемся в чужеземных товарах наподобие ваших побрякушек, часов, ламп и ружей. В столь неравном положении вам бы следовало

быть втройне благодарными императору и с утроенным смирением повиноваться ему, вы же громоздите одно оскорбление на другое. Довольно мы вас терпели!

Перечень обид, столь далеких от обсуждаемого ими вопроса, принц огласил с большим жаром. Лоуренс впервые слышал, чтобы Юнсин говорил так искренне и несдержанно, и его откровенное удивление вернуло принца к насущным делам. Наступило молчание. Принц мог с тем же успехом говорить по-китайски — Лоуренс не знал, что ответить на эту речь, где христианские миссионеры ставились на одну доску с контрабандистами, а торговля, выгодная для обеих сторон, предавалась абсурдному отрицанию.

— Я не политик, сэр, и не могу обсуждать с вами вещи такого рода, — сказал он наконец, — но честь и достоинство моей нации буду отстаивать до последнего вздоха. И никакими аргументами вы не заставите меня поступить бесчестно, особенно по отношению к Отчаянному.

Юнсин уже обрел прежнюю невозмутимость и явно стыдился того, что дал себе волю.

— Если вы ничего не хотите сделать для Лун Тен Сяна и себя самого, — с видимой неохотой заговорил он, — то, может быть, сделаете что-то

в интересах своей страны? Не может быть и речи о том, чтобы открыть для вас другие порты, помимо Кантона — но вы сможете основать свое посольство в Пекине, как вам было желательно; мы также дадим обязательство не воевать против вас и ваших союзников при условии вашего почтительного повиновения императору. Все это будет сделано, если вы поможете нам при возвращении Лун Тен Сяна.

Лоуренс прирос к месту, бледный, едва дыша.

— Нет, — выговорил он одними губами, откинул портьеру и вышел вон.

Отчаянный мирно спал, обернув хвост вокруг туловища. Лоуренс не стал его беспокоить и сел на рундук. Он опустил голову, чтобы ни с кем не встретиться взглядом, и стиснул руки, чтобы скрыть, как они дрожат.

— Вы отказали ему, надеюсь? — неожиданно спросил Хэммонд. Лоуренс, приготовившийся выдержать бурю упреков, молча уставился на него. — Слава Богу; мне не приходило в голову, что он так скоро перейдет прямо к делу. Заклинаю вас, капитан: не соглашайтесь ни на что, не поговорив прежде со мной, какими бы заманчивыми ни казались его предложения. Ни здесь, ни в Китае, — добавил он. — Пожалуйста, расскажи-

те мне все еще раз. Он говорил о нейтралитете и постоянном посольстве в Пекине?

С хищным блеском в глазах он вынудил Лоуренса припомнить все до малейших подробностей.

— Да нет же, он совершенно твердо заявил, что другие порты для нас не будут открыты, — возразил капитан, когда Хэммонд принялся размышлять вслух над картой Китая.

— Да-да, — отмахнулся дипломат. — Но раз уж он согласился на постоянного посла, то, возможно, это еще не предел? Вы должны понимать, что сам он — решительный противник каких бы то ни было связей с Западом.

— Я-то как раз понимаю. — Лоуренс удивился тому, что Хэммонду это тоже известно — ведь дипломат так старался завязать с принцем добрые отношения.

— У нас не так много шансов завоевать самого принца Юнсина — хотя мы и здесь, кажется, достигли некоторого прогресса. Но то, что он уже на этой стадии так нуждается в вашем сотрудничестве, воодушевляет меня. Ясно, что принц хочет представить Китаю fait accompli[14] — иначе нельзя ожидать, что император согласится на условия,

---

[14] Примечания: 14
свершившийся факт (*фр.*).

которые он, Юнсин, нам предлагает сейчас. Он, знаете ли, не наследник престола, — добавил Хэммонд, видя, что Лоуренс сомневается. — У императора три сына, и старший, Миньнин, уже взрослый: он-то и есть кронпринц. Юнсин пользуется, конечно, большим влиянием, иначе его не послали бы в Англию — и одно то, что он предпринял такую попытку, вселяет в меня надежду, что мы можем добиться большего. Если только… — здесь Хэммонд вдруг помрачнел, — если только французы уже не поработали с их либералами при дворе. Боюсь, это многое объясняет — в частности, то, почему китайцы отдали им яйцо. Я просто волосы рву при мысли о том, как ловко они сумели внедриться, пока мы после высылки лорда Макартни носились со своим драгоценным достоинством и не делали никаких попыток возобновить отношения.

Лоуренс ушел от него невеселый. Чувство вины, снедавшее его, почти не уменьшилось: он знал, что отказать его побудили не эти превосходные аргументы, а обыкновенный инстинкт. Он никогда бы не стал лгать Отчаянному и не отдал бы его в руки варваров, каковыми считал китайцев, — но у Хэммонда имелись на Юнсина свои виды, затруднявшие новый отказ. Если им в обмен на

разлуку предложат действительно выгодный договор, его долгом будет не только уехать, но и склонить Отчаянного к послушанию. До сих пор его утешала вера, что ничего существенного китайцы им не предложат. Теперь его лишили этого иллюзорного утешения, и разлука с каждой пройденной милей надвигалась все ближе.

Два дня спустя они покинули гавань Кейп-Коста, чему Лоуренс был только рад. В день отплытия из глубины материка пригнали новую партию рабов. Сцена, разыгравшаяся в порту, была еще тягостнее предыдущей, поскольку эти невольники не были обессилены долгим заключением и не успели еще смириться с судьбой. Когда перед ними, подобно могиле, раскрылись двери подземной тюрьмы, несколько молодых мужчин подняли бунт.

Они, видимо, сумели разомкнуть свом оковы еще в пути и теперь уложили двух стражников на месте собственными цепями. Другие охранники открыли беспорядочный огонь. Отряд местной стражи поспешил им на помощь, увеличив общую суматоху.

Видя, что дело их безнадежно, повстанцы попытались бежать. Одни устремились к морю, другие в город. Стражники, усмирив скованных рабов,

принялись палить по бегущим. Больше половины было убито сразу, за остальными снарядили погоню. Беглецы легко узнавались по наготе и следам от цепей. Немощеная дорога к тюрьме раскисла от крови. Трупы, большие и маленькие, лежали вперемежку с живыми — в перестрелке погибло много детей и женщин. Невольников загнали в темницу, тела убрали. Через каких-нибудь четверть часа все было кончено.

Якорь поднимали медленнее обычного, без песен и возгласов. Даже боцман, всегда зорко высматривающий лодырей, ни разу не взмахнул своей палкой. Жара стояла такая, что смола плавилась и капала с такелажа черными кляксами. Кое-что попадало и на Отчаянного. Лоуренс приставил к нему вестовых и крыльманов, и те так усердно оттирали его, что к концу дня перемазались сами.

Зной держался еще три дня. По левому борту тянулся густо заросший, перемежаемый утесами берег. Нужно было удерживать корабль на безопасном расстоянии от него при слабом и переменчивом ветре. Люди работали молча, без всякой охоты. О поражении при Аустерлице теперь уже знали все.

Глава 8

Блайт, вышедший наконец-то из лазарета, почти все время сидел на палубе и дремал. Мартин очень о нем заботился и ругался с каждым, кто случайно задевал натянутый для него тент. Стоило Блайту кашлянуть, как в руке у него оказывался стакан с грогом; стоило упомянуть о погоде, как ему предлагались на выбор одеяло, клеенчатый плащ или летняя роба.

— Жаль мне, что он принял это так близко к сердцу, сэр, — говорил Блайт Лоуренсу. — Ни один парень, молодой и горячий, не стал бы долго терпеть выходки матросни и ихних сопливых мичманов. Я на него совсем не в обиде.

Флотские, недовольные суетой вокруг наказанного преступника, окружили заботами Рейнольдса, и без того уже разыгрывавшего роль мученика. Моряк он был не из важных, и почтение, с которым к нему относились теперь, ударило ему в голову. Он расхаживал по палубе как павлин и отдавал приказы лишь для того, чтобы посмотреть, с какой готовностью они будут исполнены. Даже Парбек и Райли редко его одергивали.

Лоуренс надеялся, что общая для всех аустерлицкая катастрофа хоть как-то объединит обе враждебные стороны, но упомянутый выше спектакль поддерживал страсти на прежнем уровне. «Верность» между тем приближалась к экватору, и принятая в таких случаях церемония беспокоила Лоуренса. Больше половины авиаторов пересекали экватор впервые: если моряки при нынешних настроениях получат право окунать их в море и брить им головы, сохранить порядок вряд ли удастся. Лоуренс с Райли, посовещавшись, решили, что авиаторы выставят в честь праздника три бочонка рома, которые осмотрительный Лоуренс приобрел в Кейп-Косте, и тем откупятся от крещения.

Нарушение традиции не пришлось морякам по вкусу. Поговаривали даже, что кораблю из-за этого не будет пути; многим, несомненно, очень хотелось поиздеваться на законном основании над своими корабельными недругами. Поэтому, когда они наконец достигли экватора, представление вышло довольно вялым. Отчаянный смотрел с интересом, хотя Лоуренсу и пришлось шикнуть на него, когда он во всеуслышание заявил:

— Какой же это Нептун, Лоуренс? Это Григгс, а

Амфитрита — Бойн. — Он распознал актеров под маскарадными костюмами, изготовленными не слишком старательно.

Авиаторы подавили смешки, а Бэджер-Бэг[15] — подручный плотника Леддоуз, менее узнаваемый в своем парике из швабры, — в порыве вдохновения объявил, что всякий, кто засмеется вслух, станет жертвой Нептуна. Лоуренс кивнул Райли, и Леддоуз получил полную власть как над моряками, так и над авиаторами. Он выловил под общие рукоплескания некоторое количество тех и других, а Райли добавил веселья, крикнув:

— Всем лишняя порция грога благодаря вкладу капитана Лоуренса с его экипажем!

Заиграла музыка, матросы пустились в пляс. Ром брал свое, и вскоре авиаторы тоже стали хлопать и подпевать музыкантам, не зная слов. Лоуренсу доводилось видеть и более удачные праздники на экваторе, но все шло совсем не так плохо, как он опасался.

Китайцы тоже вышли на палубу. В ритуале они, разумеется, не участвовали, но живо обсуждали его между собой. Спектакль, конечно, не отличался хорошим вкусом, и Лоуренс конфузил-

---

[15] Примечания: 15

Буквально «мешок тряпья». Помощник Нептуна, бреющий головы новичкам. По традиции наряжается в лохмотья.

ся из-за того, что Юнсин это видит, зато Лю Бао вовсю хлопал себя по ляжке и от души хохотал над жертвами Бэджер-Бэга.

— Лоуренс, — перевел Отчаянный, когда Лю Бао спросил его о чем-то через границу, — он хочет знать, в чем смысл церемонии и каким духам здесь воздаются почести. Сам я не могу ему объяснить, что мы празднуем и почему.

— М-м, — замялся Лоуренс. — Мы только что пересекли экватор, и те, кто делает это впервые, должны по старой традиции уплатить дань Нептуну, морскому божеству древних римлян. Сейчас ему, конечно, всерьез уже не поклоняются.

— А! — одобрительно воскликнул Лю Бао, выслушав перевод. — Мне это нравится. Хорошо, когда почитают древних богов, даже если они не ваши. Это добрая примета для корабля. А через девятнадцать дней мы будем праздновать Новый Год, и это тоже добрый знак. Духи наших предков благополучно доведут корабль до Китая.

У Лоуренса на этот счет возникли сомнения, но моряки, слышавшие их разговор, с воодушевлением встретили идею Лю Бао. И праздник, и обещание удачи как нельзя лучше отвечали их суевериям. Некоторую настороженность вызвало слово «духи», слишком уж близко стоящее к

«привидениям», но после было решено, что духи предков, благосклонно относящиеся к потомкам, никакого вреда принести не могут.

— Они выпросили у меня корову, четырех баранов и всех кур, которых осталось всего-то восемь; придется нам все-таки зайти на Святую Елену, — сказал Райли несколько дней спустя. — Завтра поворачиваем на запад. По крайней мере идти будет легче — надоело уже бороться с пассатами. — Райли бросил озабоченный взгляд на китайских слуг, занятых ловлей акул. — Надеюсь, это их пойло не слишком крепкое. Его ведь нужно будет дать людям в придачу к грогу, а не вместо него, иначе праздника не получится.

— Жаль вас расстраивать, но Лю Бао, к примеру, может уложить под стол двух таких, как я. Как-то он высосал за один раз три бутылки вина, — сообщил Лоуренс с полным знанием дела. После Рождества посол обедал у него еще несколько раз, и морская болезнь у него совершенно прошла, судя по аппетиту. — А Шун Кай, хотя он и мало пьет, не видит никакой разницы между вином и бренди.

— Ну их к дьяволу, — вздохнул Райли. — Думаю, мои морячки не подведут и сотворят какое-нибудь непотребство, за которое я с полным правом

лишу их грога на одну ночь. Как по-вашему, зачем им акулы? Двух дельфинов они выкинули обратно в море, а те ведь намного вкуснее.

Свои догадки, если они у него и были, Лоуренсу высказать не пришлось.

— Дракон в трех румбах впереди, по левому борту, — крикнул впередсмотрящий. Оба капитана наставили подзорные трубы в небо, матросы бросились по местам на случай атаки.

Отчаянный пробудился от шума, поднял голову и сказал:

— Лоуренс, это Волли. Он нас уже заметил. — Вслед за сим он проревел приветствие, от которого люди подскочили на целый фут, а мачты закачались. Матросы смотрели злобно, но жаловаться не смели.

Отчаянный подвинулся, и маленький курьер-сизарь сел на палубу рядом с ним, сложив серые с белыми прожилками крылья.

— Оччани! — вскричал он и весело долбанул приятеля головой. — Корова?

— Коровы нет, но ты получишь барана. Он был ранен, да? — спросил Отчаянный Джеймса: маленький дракон сильно гнусавил.

Лэнгфорд Джеймс, капитан Волли, спешился и сказал:

— Здравствуйте, Лоуренс. Мы вас высматривали по всему побережью. — Они пожали друг другу руки. — Нет, Отчаянный, он не ранен, а просто-напросто простужен. Половина драконов в Дувре чихают и ноют: они ж как дети, хоть и большие. Через пару недель он будет совсем здоров.

Отчаянный, не слишком успокоенный этим, отодвинулся подальше от Волли: он еще ни разу не болел и не стремился приобрести такой опыт.

— Надеюсь, вы не слишком утомили его из-за нас, — сказал Лоуренс, уже знавший о дуврском поветрии из письма Джейн Роланд. — Не послать ли за лекарем?

— Нет, спасибо — его и так уж замучили. Он не скоро простит меня за лекарства, которые я пихал в его корм. Пусть его здоровье вас не волнует. Мы не спешим и путешествуем уже две недели, притом здесь гораздо теплей, чем в старушке Англии. Волли, когда устает, без стеснения говорит мне об этом — а пока он молчит, мы остаемся в воздухе. — Джеймс приласкал сизаря; тот потыкался носом ему в руку и тут же улегся спать.

— Что у вас нового? — спросил Лоуренс, сортируя почту, которую передал ему Джеймс. Обычно этим занимался Райли, но сейчас Лоуренс взял просмотр на себя, поскольку письма доставил

дракон. — Есть ли какие-то перемены на континенте? Вести об Аустерлице мы получили еще в Кейп-Косте. Быть может, нас отзывают? Отдайте это лорду Парбеку, Феррис, а остальные раздайте нашим. — Сам он получил депешу и пару писем, но из вежливости не стал вскрывать их немедленно.

— Как ни жаль, я вынужден ответить «нет» на оба ваши вопроса — зато мы сделали ваше путешествие несколько более легким. В прошлом месяце нами захвачена голландская колония Кейптаун, поэтому можете смело идти туда.

Это известие разнеслась по кораблю с быстротой молнии, и люди, придавленные недавней победой Наполеона, грянули патриотическое «ура». Разговаривать стало попросту невозможно, но письма, розданные Парбеком и Феррисом, сделали свое дело, и тишина постепенно восстановилась.

Лоуренс, распорядившись вынести на драконью палубу стол и стулья, пригласил Райли и Хэммонда послушать новости. Джеймс охотно посвятил их в подробности захвата колонии. Он служил в курьерах с четырнадцати лет и любил драматические эффекты, но здесь ему негде было особенно развернуться.

— Жаль, что не могу рассказать вам что-то поинтереснее. Там даже боя не было, собственно говоря. У нас там шотландцы, а у голландцев так, наемники; они разбежались, как только мы подошли к городу. Губернатор был вынужден сдаться. Население пока еще приходит в себя, но генерал Бэрд предоставил им самоуправление, поэтому особого шума не было.

— Очень хорошо, — сказал Райли. — Теперь мы можем не заходить на Святую Елену и сэкономим около двух недель.

— Вы ведь останетесь к обеду? — спросил Джеймса Лоуренс. — Или вам нужно отправляться немедленно?

Волли позади громко чихнул и стал тереться носом о переднюю лапу, пытаясь высморкаться.

— Перестань, свинтус ты этакий. — Джеймс достал из дорожной сумки белый полотняный лоскут и привычным движением вытер дракону нос. — Пожалуй, мы даже заночуем у вас. Нет нужды его погонять, поскольку вы нашлись вовремя, а у вас будет время написать письма. Мы возьмем их и полетим домой.

...и мою бедняжку Лили вместе с Эксидиумом и Мортиферусом изгнали с

уютной лужайки в песчаные карьеры; чихая, она рефлекторно (как выражаются лекари) брызгает кислотой. Все трое очень недовольны такой переменой: песок забивается всюду, и они, сколько их ни мой, чешутся, как блохастые собачонки.

Максимуса подвергли бойкоту — он первый начал чихать, драконы же ищут виноватого всегда и во всем, — но он стойко переносит немилость сородичей. «Плюет на них, — просит написать Беркли, — и всецело поглощен собственными страданиями, если только брюхо не набивает; аппетит у него ни в коей мере не пострадал».

В остальном у нас все хорошо, и все шлют вам приветы, а драконы заверяют Отчаянного в своей неизменной любви. Они очень без него скучают, но тоска сия, как выяснилось недавно, объясняется самой низменной жадностью. Он, видимо, научил их открывать и снова закрывать загон со скотом, чтобы они могли угощаться когда хотят. Всем было невдомек, и постыдная тайна раскрылась, лишь когда стадо начало загадочным

образом таять, а драконы — толстеть. Их допросили, и они сознались во всем.

Заканчиваю на этом, потому что мы отправляемся патрулировать, а Волатилус утром улетает на юг. Все мы молимся за ваше благополучное странствие и скорое возвращение.

Преданная Вам Кэтрин Харкорт

— Хорошенькие вещи пишет мне Харкорт! Ты, оказывается, научил драконов воровать скот? — Лоуренс читал свои письма, располагая написать ответы еще до обеда.

Виноватое выражение, появившееся при этих словах на морде Отчаянного, сомнений не оставляло.

— Неправда. Никого я воровать не учил. Просто скотники в Дувре очень ленивые. Утром они часто опаздывают, и нам приходится ждать. Стадо же все равно для нас предназначено — это нельзя назвать воровством.

— Я должен был заподозрить что-то еще в ту пору, когда ты вдруг перестал жаловаться на скотников. Но как же ты умудрился открыть ворота?

— Очень просто. Стоит только поднять засов, и они открываются. Нитидус это делает лучше

всех, потому что у него лапки маленькие. Вот только животных в загоне удержать трудно, и в первый раз они все разбежались. Мы с Максимусом потратили несколько часов, чтобы загнать их обратно. И это совсем не смешно. — Отчаянный сел, негодующе топорща жабо.

— Извини, — проговорил, давясь, Лоуренс. — Я не хотел… но как представлю тебя с Максимусом и этих овец… — И Лоуренса снова разобрало.

Экипаж смотрел на него с удивлением, Отчаянный надулся.

— О чем еще тебе пишут? — надменно осведомился он через некоторое время.

— Нового ничего, но все драконы посылают тебе привет. Утешайся тем, что они все болеют — если б ты остался, с тобой было бы то же самое. — Лоуренс сказал это, чтобы Отчаянный не слишком грустил, вспоминая своих друзей.

— Дома и поболеть можно. Все равно я уже наверняка заразился от Волли. — Маленький курьер громко сопел во сне и выдувал пузыри из носа. Из его полуоткрытой пасти стекала слюна.

Лоуренс, подозревая, что Отчаянный прав, сменил разговор.

— Хочешь им что-нибудь передать? Я сейчас пойду вниз писать ответные письма, чтобы

Джеймс захватил их с собой. Теперь у нас, боюсь, долго не будет возможности отправить что-то с курьером: на Дальний Восток наши летают лишь в чрезвычайных случаях.

— Передай от меня привет, а капитану Харкорт и адмиралу Лентону напиши, что никакое это не воровство. Не забудь еще сообщить Лили и Максимусу о драконе, который писал стихи, — думаю, они заинтересуются. Напиши, что я научился залезать на корабль. Расскажи, как мы пересекали экватор с Нептуном и Бэджер-Бэгом.

— Ну, довольно: этак мне целый роман придется писать. — Лоуренс встал, погладил Отчаянного. Нога его, к счастью, наконец-то прошла, и он больше не ковылял по палубе подобно дряхлому старцу. — Посидеть с тобой, когда мы перейдем к портвейну?

Дракон фыркнул и ласково ткнул его носом.

— Спасибо, Лоуренс. Мне будет очень приятно, а Джеймс может рассказать вам что-нибудь такое, чего в письмах нет.

К трем склянкам Лоуренс завершил эпистолярные труды и дал свой званый обед с небывалым комфортом. Обычно он строго придерживался формальностей, вдохновляя своим примером Грэнби и других офицеров. Райли со своими

подчиненными, по флотскому обычаю, тоже соблюдал этикет, поэтому за обедом все прели в суконных мундирах и туго завязанных галстуках. Но Джеймс, как истый авиатор, условностями пренебрегал и делал это с большим апломбом: как-никак, он стал капитаном, хотя и без экипажа, еще в четырнадцать лет. В каюте он первым делом скинул с себя мундир, бросив вместо извинения:

— Ну и духота же тут у вас, Лоуренс.

Лоуренс, чтобы не конфузить гостя, тоже разоблачился. Грэнби сделал то же самое; Райли и Хэммонд, несколько удивленные, последовали примеру хозяев — один лорд Парбек остался верен традиции. Обед шел довольно весело, однако новости Джеймс, по просьбе Лоуренса, приберег под конец. Все общество разместилось с сигарами и портвейном на драконьей палубе, где Отчаянный своей массой загораживал их от посторонних ушей. Подслушивать, впрочем, было некому: авиаторов Лоуренс отпустил на бак, и поблизости остался только Шун Кай, не понимавший английского.

Джеймс рассказывал о перемещениях в воздушном корпусе: почти всех драконов Средиземноморского дивизиона переправили на

Английский канал. Летификат и Экскурсиус со своими звеньями обеспечивали непробиваемый заслон на случай новой попытки вторжения со стороны Бонапарта, ободренного своим успехом на континенте.

— Зато теперь французы могут попытаться захватить Гибралтар, — вставил Райли. — И за Тулоном тоже надо приглядывать: при Трафальгаре мы взяли двадцать трофеев, но все европейские леса теперь в распоряжении Бонапарта, и ничто не мешает ему построить новые корабли. Надеюсь, министерство знает, что делает.

— О черт. — Джеймс уперся ногами в планшир, опасно накренив назад стул. — Ну и болван же я — вы ведь наверняка ничего не слыхали о мистере Питте.[16]

— Он все еще болен? — забеспокоился Хэммонд.

— Где там — уж две недели как умер. Погиб при Аустерлице, можно сказать: он слег в постель сразу после заключения мира и больше уже не вставал.

— Упокой Господи его душу, — сказал Райли.

— Аминь, — завершил глубоко потрясенный

---

[16] Примечания: 16

Имеется в виду Уильям Питт-младший. Умер 23 января 1806 г. в возрасте 47 лет.

Лоуренс. Питт был еще вовсе не стар — моложе отца, лорда Эллендейла.

— А кто это — мистер Питт? — спросил Отчаянный.

Лоуренс вкратце объяснил ему, что такое премьер-министр.

— Не знаете, кто будет формировать новое правительство, Джеймс? — Этот вопрос был очень важен для них с Отчаянным: новый премьер мог взять в отношениях с Китаем новый курс — как еще более уступчивый, так и более жесткий.

— Нет, я улетел еще до получения каких-либо известий. Обещаю при первой возможности наведаться к вам в Кейптаун. Правда, обычно нас посылают туда не чаще, чем раз в полгода, так что особенно надеяться на это не стоит. Там опасно садиться: несколько наших курьеров, летевших над сушей или просто заночевавших на берегу, пропали без вести.

Наутро Джеймс отбыл. Он долго махал рукой, пока его Волли, серый с белым, не скрылся в низких облаках окончательно. Лоуренс успел настрочить коротенький ответ Харкорт и дописал письма для Джейн и матери, уже начатые. Теперь они скорее всего еще долго не получат от него никаких вестей.

Но меланхолии предаться ему не позволили: Лю Бао желал срочно посоветоваться, чем можно заменить какое-то блюдо из обезьяны. Лоуренс предложил почки барашка и тут же был поставлен перед новой кулинарной задачей. Остаток недели прошел во все более лихорадочных приготовлениях. Камбуз дымил день и ночь, а драконья палуба так нагрелась, что даже Отчаянный счел это немного излишним. Китайские слуги задались целью очистить корабль от крыс и посвящали себя без остатка этому безнадежному делу. Они выбрасывали дохлых грызунов в море по пять-шесть раз на дню, к негодованию корабельных мичманов: крысы в конце плавания традиционно служили прибавкой к скудному рациону.

Лоуренс не знал, чего ждать от грядущего празднества, но оделся с особым тщанием, позаимствовав для услуг Джетсона, стюарда Райли: крахмальная отутюженная рубашка, шелковые чулки, короткие бриджи и начищенные до блеска гессенские сапоги. К бутылочно-зеленому мундиру с золотыми нашивками на плечах он приколол свои боевые награды: золотую на голубой ленте медаль за битву на Ниле, которую получил еще флотским лейтенантом, и сереб-

ряную булавку, пожалованную всем капитанам Дуврского сражения.

Явившись в апартаменты китайцев, он только порадовался, что уделил столько внимания своему туалету. В дверях он чуть не задел головой за тяжелое красное полотнище. Стены тоже были плотно задрапированы. Иллюзию роскошного павильона нарушало только покачивание палубы под ногами. Стол был уставлен фарфоровой посудой всевозможных цветов, с золотыми и серебряными каемками. Гостей ожидали также лакированные палочки для еды, внушавшие Лоуренсу страх всю неделю.

Юнсин уже восседал во главе стола в наипарраднейших золотистых шелках с узором из синих и черных драконов. Лоуренс, сидевший достаточно близко от него, рассмотрел, что глаза и когти на этих фигурах вышиты крошечными драгоценными камнями. Белоснежный дракон на груди у принца, больше всех остальных, сверкал рубиновыми глазами, и на каждой его лапе алело по пять таких же когтей.

Каким-то образом в каюту втиснулись все, включая Роланд и Дайера. Младшие офицеры сидели впритирку за отдельным столом и уже успели вспотеть. Слуги разливали спиртное и

расставляли на столах холодное мясо, желтые орешки, моченые ягоды, неочищенные креветки.

Юнсин поднял первую чашу, и все выпили вместе с ним. Рисовое вино подавалось теплым и проходило в горло с опасной легкостью. Китайцы как по сигналу взялись закусывать, и приглашенная молодежь очень скоро последовала примеру хозяев. Роланд и Дайер, к смущению Лоуренса, орудовали палочками без малейшего затруднения и уплетали за обе щеки.

Сам он подцепил только ломтик говядины, ухитрившись проткнуть его одной палочкой. Копченое мясо оказалось весьма приятным на вкус. Как только он прожевал, Юнсин произнес второй тост, и пришлось выпить еще раз. После нескольких повторений Лоуренсу стало жарко, и голова у него поплыла.

Он отважился взять креветку, хотя другие офицеры избегали этого по причине скользкого соуса. Креветка заколыхалась, глядя на него черными глазками. Он откусил ей голову по примеру китайцев и тут же опять потянулся к чаше: от соуса во рту загорелся пожар. Пот капал с подбородка на воротник. Лю Бао, с хохотом перегнувшись через стол, подлил ему хмельного напитка и

похлопал по плечу.

Вскоре закуски убрали и поставили клецки в больших деревянных мисках — одни в гофрированной бумаге, другие плотные, из белого дрожжевого теста. Их по крайней мере было легче ухватить палочками, и во рту они умещались целиком. Повара за неимением нужных продуктов проявили, как видно, изобретательность: Лоуренс обнаружил в тесте водоросли и ощутил вкус тех самых бараньих почек. За клецками последовала розовая, почему-то сырая рыба с холодной лапшой и побуревшими от долгого хранения маринадами. Хрустящее вещество в гарнире оказалось, как выяснил Хэммонд, сушеной медузой. Узнав об этом, несколько едоков деликатно поднесли руки ко рту и отправили кушанье на пол.

Лю Бао жестами и личным примером побуждал Лоуренса подкидывать ингредиенты в воздух, чтобы лучше перемешать их. Чем выше, тем больше будет удачи в новом году, объяснил Хэммонд. Британцы рискнули и вскоре изукрасили как себя, так и стол кусочками рыбы и овощей. Этого удара их достоинство уже не снесло. Каждый успел прикончить по кувшину рисового напитка, и даже присутствие Юнсина никого больше не

сдерживало. Все покатывались со смеху, глядя друг на друга.

— Все лучше, чем было когда-то у нас на катере, — громко сказал Райли Лоуренсу. Хэммонд с Лю Бао пожелали узнать, что это за история, и он решил продолжить: — Капитан Ярроу посадил «Нормандию» на риф, и мы оказались на необитаемом острове в семистах милях от Рио. Нас, дюжину человек на катере, послали за помощью. Лоуренс в ту пору служил вторым лейтенантом, но капитан и первый помощник смыслили в своем деле меньше дрессированных обезьян и сами ни в какую не хотели идти. Да и припасами с нами поделились не очень-то щедро. — Райли до сих пор сокрушался, вспоминая об этом.

— Вся еда — сухари и мешок кокосов, — подхватил Лоуренс. — Когда удавалось поймать рыбу, мы съедали ее сразу, сырой. Но я не жалуюсь: думаю, Фоли именно за это сделал меня первым лейтенантом на «Голиафе». Ради такого случая я еще и не то бы съел. Но эта рыба гораздо вкуснее, — поспешно добавил он: из его истории следовало, что сырой рыбой можно питаться лишь в самых отчаянных обстоятельствах. Сам он именно так и думал, но не желал признаваться в этом.

Другие сотрапезники тоже начали вспоминать забавные случаи. Языки развязались, позы становились все более вольными. Переводчик запыхался, доводя все это до сведения заинтересованной китайской стороны. Юнсин, не промолвивший пока ни слова за исключением тостов, слушал вполне благосклонно, и взгляд его стал чуть мягче.

Лю Бао и вовсе не скрывал своего любопытства.

— Я вижу, вы побывали во многих краях и пережили необыкновенные приключения, — сказал он Лоуренсу. — Наш адмирал Чжэн добрался до самой Африки, но во время седьмого путешествия умер, и его гробница стоит пустая. Вы неоднократно обошли вокруг света — разве вы никогда не боялись умереть в море? Ведь тогда над вашей могилой не будет исполнен погребальный обряд.

— Я об этом особенно не задумывался. — Здесь Лоуренс несколько покривил душой: на самом деле он об этом вовсе не думал. — В море, как-никак, похоронено немало великих людей, Дрейк и Кук в том числе. И ваш мореплаватель тоже. Ничего не имею против того, чтобы разделить с ними эту большую могилу.

— Надеюсь, что дома у вас не один сын, а мно-

го, — покачал головой Лю Бао.

— Ни одного, сэр, — ответил Лоуренс, изрядно удивленный таким вопросом о его личной жизни. — Я ведь не женат, — добавил он, когда сочувствие на лице Лю Бао после перевода сменилось откровенным изумлением. То же чувство, судя по взглядам, разделяли с ним Юнсин и Шун Кай. — Спешить с этим не было смысла, — стал объяснять растерявшийся Лоуренс. — Я у отца третий сын, и у моего старшего брата есть уже трое своих.

— Позвольте мне, капитан, — выручил его Хэммонд. — В Англии родовое поместье наследует старший сын, а младшие сами пробивают себе дорогу. У вас, я знаю, другие обычаи.

— Ваш отец тоже военный? — осведомился Юнсин. — Разве у него такое маленькое поместье, что он не может обеспечить всех своих сыновей?

— Имя моего отца — лорд Эллендейл, сэр, — возразил уязвленный Лоуренс. — Наше родовое поместье находится в Ноттингемшире, и маленьким его никак нельзя счесть.

Юнсин явно остался недоволен таким ответом — хотя его нахмуренное чело можно было объяснить и супом, поданным в этот момент на стол. Суп, вернее прозрачный золотистый

бульон, имел странный вкус; к нему прилагались кувшинчики с красным уксусом и мисочки с короткой сухой лапшой.

Тем временем переводчик, поговорив о чем-то с Шун Каем, задал Лоуренсу вопрос от его имени:

— Ваш отец приходится родственником королю, капитан?

Лоуренс, хотя и удивленный, порадовался предлогу отложить ложку: этот суп трудновато было бы одолеть даже без предшествовавших блюд.

— Я не могу позволить себе смелость так выразиться. Отец происходит из рода Плантагенетов, а это очень отдаленное родство с ныне правящим домом.

— Но все-таки более близкое, чем с лордом Макартни? — стоял на своем Шун Кай.

Лоуренс не сразу узнал это имя в произношении переводчика, и Хэммонд шепотом пояснил ему на ухо, что речь идет о прежнем британском после.

— Разумеется, — сказал Лоуренс. — Лорда Макартни сделали пэром за его заслуги перед Короной. Это ничуть не менее почетно, однако мой отец — одиннадцатый граф Эллендейл, само же графство было учреждено в 1529 году.

Втайне он забавлялся тем, что так отстаивает

древность своего рода — здесь, на краю света, в обществе людей, для которых это мало что значит. Дома он никогда не хвастался своей родословной и даже восставал против отцовских лекций на этот предмет — а отец читал их довольно часто, особенно когда сын в первый раз попытался сбежать из дому и уйти в море. Но ежедневные уроки генеалогии в кабинете отца, видимо, все же возымели какое-то действие — вряд ли иначе он так надменно отрекся бы от родства со знаменитым дипломатом вполне почтенного происхождения.

Шун Кай и другие китайцы, вопреки его ожиданиям, очень увлеклись этой темой. Такой интерес к вопросам генеалогии Лоуренс редко встречал у себя на родине. Они принялись выспрашивать его о подробностях семейной истории, которые ему помнились очень смутно.

— Прошу прощения, — сдался он наконец. — В уме все это я удержать не могу.

Это был неудачный ход.

— Нет ничего проще. — Сказав это, Лю Бао послал за бумагой, тушью и кисточкой. Суповые тарелки как раз убирали, и стол на время освободился.

Все подались вперед — китайцы из любопытства, британцы из чувства самосохранения: за

кулисами готовилась новая перемена, и никто, кроме поваров, не спешил с ней.

Чувствуя, что за минутное тщеславие его постигла суровая кара, Лоуренс принялся выводить каракули на свитке рисовой бумаги. Помимо написания латинских букв кисточкой ему еще нужно было вспомнить всех предков от начала времен. Пропустив нескольких и продравшись через салическую линию, он с грехом пополам добрался до Эдуарда III. Его каллиграфия оставляла желать много лучшего, а латинская грамота для китайцев была тем же, чем для Лоуренса китайская; тем не менее они горячо обсуждали составленный им документ, передавая его из рук в руки. Сам Юнсин рассматривал бумагу долго, и по лицу его нельзя было прочесть ничего. Шун Кай, последний на очереди, заботливо свернул бумагу, желая, видимо, ее сохранить.

С родословной, к счастью, покончили, зато на столе появилось следующее блюдо. Принесенные в жертву куры, все восемь, покоились под острым соусом. Слуги широкими ножами ловко порубили их на куски, и Лоуренс, покорный судьбе, вновь позволил наполнить свою тарелку. Курятина, нежная и очень вкусная, в горло, однако, уже не шла, а конца яствам не предвиделось. Недоеден-

ную птицу убрали и внесли рыбу, зажаренную целиком в жире из-под соленой корабельной свинины. Ее только попробовали, как и сладкие блюда — печенье с тмином и клецки в сиропе с густой красной начинкой. Слуги особенно настойчиво навязывали десерт молодежи, и бедная Роланд спросила жалобно:

— А нельзя ли съесть это завтра?

Когда гостям наконец разрешили подняться, человек десять пришлось буквально вытаскивать из-за стола. Те, кто мог передвигаться самостоятельно, спаслись на палубу и прислонились к борту в небрежных позах, из последних сил дожидаясь очереди в некое заветное место. Лоуренс без зазрения совести воспользовался собственным отдельным сиденьем и поднялся к Отчаянному. Голова и живот бунтовали почти в равной степени.

Отчаянный, как выяснилось, пировал тоже — его угощали излюбленными кушаньями китайских драконов. Говяжья требуха с начинкой из говяжьих же печени и легких со специями напоминала толстую колбасу. Коровью ногу чуть-чуть подрумянили и спрыснули, похоже, тем самым огненным соусом, какой подавали людям. Рыбное блюдо состояло из ломтей громадного

тунца, прослоенных листами тонко раскатанного желтого теста. Вслед за всем этим слуги торжественно внесли целого барашка; мясо мелко изрубили и вновь начинили им шкуру, выкрасив ее в темно-красный цвет и приспособив четыре палочки вместо ног.

— Как вкусно, — удивился Отчаянный, отведав барашка, и спросил что-то у слуг на их родном языке. Те отвечали ему, низко кланяясь. Он кивнул и съел все подчистую, кроме шкуры и деревянных ног. — Это только для украшения, — объяснил он Лоуренсу и улегся отдыхать с удовлетворенным вздохом — единственный гость, которому угощение пошло на пользу. Кого-то из корабельных мичманов, судя по звукам, тошнило на квартердеке. — Они сказали, что в Китае драконы, как и люди, шкур не едят.

— Надеюсь, ты сможешь все это переварить при таком количестве специй, — сказал Лоуренс и тут же раскаялся, поймав себя на чувстве мелочной ревности: он не хотел, чтобы Отчаянный перенимал хоть что-то китайское. Между тем сам он всегда, даже в особых случаях, кормил его только сырым мясом и лишь изредка предлагал для разнообразия рыбу.

— Ничего, мне понравилось. — Отчаянный,

зевая, вытянулся во всю длину, поиграл когтями. — Давай завтра слетаем подальше? — сказал он, сворачиваясь. — За всю неделю я ни разу не устал на обратном пути. Уверен, что выдержу долгий полет.

— Непременно. — Лоуренс порадовался тому, что Отчаянный крепнет. Вскоре после отплытия из Кейп-Коста Кейнс наконец объявил, что он выздоровел. Юнсин своего запрета не отменял, но Лоуренс не собирался повиноваться ему или просить у него разрешения. Хэммонд вмешался в это дело и уладил его чисто дипломатически: как только Кейнс вынес свой вердикт, Юнсин поднялся на палубу и во всеуслышание даровал позволение на полеты, «дабы Лун Тен Сян упражнялся и поправлял здоровье». Теперь они могли подниматься в воздух, не рискуя вызвать скандал, но первое время Отчаянный жаловался, что ему больно, и очень скоро выбивался из сил.

Праздник длился так долго, что Отчаянного начали кормить только в сумерки, а теперь уже совсем стемнело. Лоуренс прилег рядом с ним и стал смотреть на полузнакомые звезды южного полушария. Ночь выдалась ясная, в самый раз для определения долготы. Матросы тоже праздновали. Рисовое вино вдохновило их на

разгульную, крайне откровенную песню. Лоуренс удостоверился, что Роланд и Дайера на палубе нет; они, видимо, отправились спать сразу же после ужина.

Когда гуляки начали расходиться по своим гамакам, с квартердека осторожно поднялся Райли, красный и помятый. Лоуренс пригласил его сесть, но предлагать ему вино воздержался.

— Что ж, нельзя отрицать, что праздник удался, — сказал Лоуренс, — любая великосветская дама была бы в восторге, дав такой блестящий званый обед. Но по мне лучше бы блюд было наполовину меньше, а слуги не столь усердно потчевали гостей.

— Да-а, — рассеянно ответил озабоченный чем-то Райли.

— Случилось что-то? — Лоуренс окинул взглядом мачты и такелаж. Все было в полном порядке, и корабль, по его ощущениям, шел со всей доступной его габаритам скоростью.

— Не хочу быть сплетником, Лоуренс, но и молчать не могу. Этот ваш кадет, Роланд, уснул прямо за столом, и слуги через переводчика спросили меня, куда его отнести. — Лоуренс уже почуял неладное, и продолжение не слишком его удивило. — Переводчик, правда, сказал «ее». Я

хотел поправить, но посмотрел сам и увидел, что Роланд, вне всякого сомнения, девочка. Ума не приложу, как она столько времени умудрялась это скрывать.

— О черт! — Лоуренс так устал после пира, что не следил за своим языком. — Вы ведь больше никому не сказали, Том? Нет? Очень прошу вас и впредь держать это в тайне. Дело в том, что длиннокрылы позволяют управлять собой только женщинам. Как и некоторые другие породы, но длиннокрылы для нас важнее всего. Мы не можем без них обойтись и вынуждены готовить девочек в качестве их капитанов.

— Да что вы! — недоверчиво отозвался Райли. — Командир вашего звена недавно побывал у нас вместе со своим длиннокрылом. — Он заподозрил, видно, что Лоуренс разыгрывает его.

— Вы имеете в виду Лили? Ее капитан — женщина, Кэтрин Харкорт. Уверяю вас, это правда.

Райли переводил растерянный взгляд с него на Отчаянного.

— Но послушайте, Лоуренс… это же в голове не укладывается. Противоречит всем понятиям нравственности! Раз уж мы посылаем женщин на войну, почему бы их и в море не брать? Наш флот сразу вырос бы вдвое. Что за важность, если

каждый корабль превратится в бордель, а на берегу будут пищать брошенные младенцы!

— Полно вам. Одно к другому никакого отношения не имеет. — Необходимость службы женщин в авиации удручала самого Лоуренса, но столь романтические аргументы показались ему излишними. — Речь не идет о том, что это должно стать общим правилом, но если добровольная жертва немногих служит безопасности большинства, ничего дурного здесь я не усматриваю. Знакомых мне женщин-офицеров никто не принуждал поступать на службу. Даже обычные финансовые соображения, побуждающие мужчин выбирать себе тот или иной род занятий, неприменимы к ним. И могу вас заверить, что со стороны офицеров-мужчин они не терпят никаких оскорблений.

Райли, ничуть этим не успокоенный, перешел от общего к частному.

— Так вы по-прежнему намерены держать при себе эту девочку и позволять ей расхаживать в мужском платье? — спросил он жалобно. — Допустимо ли это?

— В уставе есть особый пункт относительно форменной одежды для воздушных офицеров женского пола. Одобренный Короной, как и все

другие законы. Мне жаль, Том, что вас это так огорчает. Я надеялся, что вы ничего не узнаете, но утаивать что-то на корабле целых семь месяцев вряд ли возможно. Поверьте, я был шокирован не меньше вашего, узнав впервые об этой практике — но мои соратницы, право же, на обычных женщин совсем не похожи. Их с самого начала воспитывали как офицеров, а привычка, знаете ли, побеждает даже натуру.

Отчаянный, слушавший их разговор с возрастающим замешательством, сказал:

— Я никак не могу понять, в чем тут разница. Лили вот самка, а воюет не хуже меня… ну, почти.

Райли отнесся к этому так, словно его попросили рассказать, что такое прилив или фазы луны, но Лоуренс давно привык к радикальным высказываниям своего воспитанника.

— Женщины обычно меньше и слабее мужчин, Отчаянный. Военная служба им дается труднее.

— По моему, капитан Харкорт не намного меньше вас всех. — Дракон, глядящий с высоты тридцати футов и весящий около восемнадцати тонн, и впрямь едва ли заметил бы разницу. — И разве дело в величине? Я, например, меньше Максимуса, а Мессория меньше меня, но это не

мешает нам хорошо драться.

— У людей все иначе, чем у драконов. Женщины, помимо всего прочего, рожают детей и потом долго о них заботятся. Драконы просто откладывают яйца, и детеныши, выходя из них, способны сами позаботиться о себе.

— Так вы не из яиц появляетесь? — заморгал Отчаянный. — А как же тогда…

— Простите. Меня, кажется, ищет Парбек, — сказал Райли и улетучился невероятно быстро для человека, только что поглотившего обед в четверть собственного веса.

— Я не могу растолковать тебе это, потому что у меня детей пока нет, — вывернулся Лоуренс. — И потом, уже поздно. Если хочешь завтра лететь далеко, надо как следует выспаться.

— Да, мне и правда спать хочется. — Отчаянный высунул длинный раздвоенный язык, пробуя воздух. — Думаю, завтра погода тоже будет хорошая. Доброй ночи, Лоуренс. Ты рано придешь?

— Буду в твоем распоряжении сразу же после завтрака. — Лоуренс поглаживал Отчаянного, пока тот не уснул. Шкура у дракона нагрелась от усиленной работы камбуза, который теперь наконец-то получил передышку. Когда глаза Отчаянного сомкнулись в узкие щелки, капитан

спустился на квартердек.

Матросы разошлись по кубрикам или дремали прямо на палубе — лишь впередсмотрящие со снастей жаловались на свое невезение. Стояла приятная прохлада. Лоуренс прошел на корму, совершая моцион перед сном. Вахтенный мичман, молодой Трип, зевал почти как Отчаянный. При виде Лоуренса он захлопнул рот и сконфуженно вытянулся.

— Славный вечерок, мистер Трип, — сказал Лоуренс, пряча улыбку. Мальчик, по словам Райли, нес службу исправно и уже мало напоминал того баловня, которого его семейство навязало военному флоту. Запястья у него высунулись из рукавов на несколько дюймов, а мундир стал так узок, что пришлось расставить его с помощью крашеной парусины. Она отличалась по цвету от прочей ткани и выделялась полосой на спине. Волосы закурчавились и сильно выгорели на солнце, сделавшись почти желтыми — теперь и родная мать вряд ли признала бы его.

— О да, сэр, — бодро ответил Трип. — Такой замечательный обед, и мне еще дали с собой этих сладких клецок. Жаль, что мы не каждый день так едим.

Лоуренс, чей желудок еще не совсем успо-

коился, только вздохнул, завидуя юношеской выносливости.

— Смотрите не засните на вахте. — Мальчугана, естественно, клонило в сон после сытной трапезы, и Лоуренс не хотел, чтобы его наказали за это.

— Нет, сэр, не засну. — Трип героически подавил зевок. — Могу я спросить, сэр… Ведь эти китайские духи не стали бы показываться чужому, правда?

— Духов на вахте видит лишь тот, мистер Трип, кто прячет в кармане бутылку духотворящего. — Трип в ответ засмеялся, но как-то нервно. — Вы наслушались чьих-то басен? — Лоуренс знал, как могут повлиять на команду подобные россказни.

— Нет, просто… я пошел перевернуть часы, и мне показалось, что я вижу кого-то. Я заговорил с ним, а он пропал. Китаец, точно китаец, а лицо белое-белое!

— Все ясно. Кто-то из слуг, не понимающих по-нашему, шел из гальюна, а вы его напугали. Надеюсь, вы не склонны к суевериям, мистер Трип. Суеверие можно простить матросу, но офицеру — нет. — Лоуренс говорил сурово в надежде на то, что юнец хотя бы другим не станет об этом рассказывать; а если страх не даст ему спать,

тем лучше.

— Да, сэр, — удрученно сказал Трип. — Доброй вам ночи, сэр.

Лоуренс продолжал свой обход медленным шагом — на скорый он сейчас попросту не был способен. Он охотно совершил бы еще один круг, но песочные часы показывали, что час уже поздний, а ему хотелось пораньше встать, чтобы Отчаянному не пришлось дожидаться. Лоуренс повернул к носовому люку, и тут его стукнули по спине так, что он полетел в проем вниз головой.

Успев ухватиться за поручень, он нащупал ногами ступеньки, посмотрел вверх и чуть не упал снова при виде мертвенно-белого уродливого лица, глядящего на него из мрака.

— Боже правый, — произнес он от всей души и тут узнал в призраке Фен Ли, слугу принца Юнсина. Страшным тот казался лишь потому, что сам свесился в люк головой вниз. — Какого черта вам вздумалось шляться ночью по палубе? — Лоуренс положил нетвердую руку китайца на поручень. — Пора уже научиться ходить, как положено моряку.

Фен Ли, ничего не поняв, кое-как сполз по трапу вслед за ним и мгновенно скрылся в предназначенном для китайских слуг помещении — можно

сказать, пропал. Черноволосый, в темно-синей одежде, ночью и со спины он был совершенно невидим.

— Напрасно я отчитал Трипа, — сказал Лоуренс вслух. Сердце у него до сих пор колотилось.

Утром он проснулся от испуганных воплей и топота наверху. На палубе ему предстало следующее зрелище: рей фока-грота переломился надвое, парус накрыл половину бака, а Отчаянный взирал на это с несчастным видом.

— Я не хотел, — заверил он голосом, непохожим на свой, и опять чихнул. На сей раз он успел вовремя отвернуться, и в левый борт плеснуло несколько волн.

Кейнс, уже прибежавший со своим саквояжем, приложил ухо к его груди.

— Гм, — изрек он и продолжал слушать, пока Лоуренс не лишился терпения. — Простуда, конечно; остается только ждать и давать ему лекарство, когда кашель начнется. Я пытался прослушать, есть ли жидкость в протоках, ответственных за «божественный ветер». Эта часть его организма — загадка для нас. Нужно анатомировать хотя бы один экземпляр, чтобы во всем разобраться.

Отчаянный при этих словах попятился и хотел

фыркнуть, но вместо этого забрызгал Кейнсу всю голову. Лоуренс вовремя успевший отскочить, не испытал никакого сочувствия к бестактному лекарю.

— Я хорошо себя чувствую, можем лететь, — прогнусил больной.

— Разве что ненадолго — а после полудня слетаем еще раз, если ты не устанешь. — Лоуренс посмотрел на Кейнса, яростно орудующего платком.

— В теплую погоду он может летать как обычно — нечего нянчиться с ним, — отрезал тот, протерев наконец глаза. — Пристегнитесь только покрепче, не то свалитесь от первого чиха. Прошу меня извинить.

В итоге Отчаянный совершил-таки свой долгий полет. «Верность» растаяла в синеве. Вода у берега напоминала усыпанное бриллиантами стекло, утесы высились, одетые ковром нетронутой зелени, волны пенились у серых камней внизу. Пляжи были слишком малы для посадки, не будь даже у Лоуренса опасений на этот счет, лес же казался совершенно непроходимым. Они летели над ним уже час, направляясь в глубь суши, но картина оставалась все той же.

Эта земля была однообразна, как открытое

море, только внизу зыбились не волны, а листья. Напрасно Отчаянный вслушивался и всматривался — плотные кроны скрывали все, что существовало под ними, и глушили все звуки.

— Здесь совсем никто не живет? — спросил он тихо — возможно, из-за простуды.

Лоуренсу тоже почему-то не хотелось говорить громко.

— Нет, уж слишком мы далеко забрались. Даже самые могучие племена селятся только у моря и никогда не отваживаются углубляться в эти леса. Там очень много диких драконов и прочих опасных хищников.

Некоторое время оба молчали. Солнце палило, голова Лоуренса клонилась на грудь, а Отчаянный, испытывая свою выносливость, следовал тем же курсом. Когда капитан встрепенулся от нового чиха, солнце уже миновало зенит — обед они пропустили.

Отчаянный не спорил, когда Лоуренс попросил его повернуть назад, и даже прибавил ходу. Берега отсюда не было видно, ориентиры в джунглях отсутствовали, и лететь приходилось по компасу. Оба воспрянули духом, завидев вдали океан.

— Ну вот, я больше не устаю, даже когда болею, — сказал Отчаянный и чихнул словно из

пушки выпалил.

До «Верности» они добрались, когда уже стало смеркаться, и Лоуренс убедился, что пропустил не только обед. Ночью еще кто-то, кроме Трипа, видел Фен Ли на палубе, и рассказ о привидении разошелся по всему кораблю в сильно преувеличенном виде. Напрасно Лоуренс пытался объяснить, как все было на самом деле. Трое человек уверяли, что видели, как призрак отплясывал джигу на фока-рее, предсказывая тем самым его судьбу; другие ночные вахтенные заявляли, что он до рассвета бродил по всему такелажу.

Лю Бао еще подлил масла в огонь, сообщив, что привидения являются, если кто-то на судне недавно прелюбодействовал с женщиной. Это относилось чуть ли не ко всем на борту. Команда тихо роптала на высоконравственных чужеземных духов, и за едой каждый старался внушить другим, что он-то уж ни в чем не повинен. Разве что так, самую малость — притом он обещал жениться, когда вернется.

Подозрение пока еще не пало на определенного человека, но это был вопрос времени — скоро жизнь какого-нибудь бедолаги сделается сущим адом. Тем временем люди прониклись отвращением к ночным вахтам и даже отказывались

выполнять приказы, если требовалось куда-то пойти в одиночку. Райли пытался подать пример, уходя далеко от других, но это принесло мало пользы: все видели, что капитан перед этим долго набирается храбрости. Лоуренс крепко отругал Аллена, который первый заикнулся при нем о призраке, однако авиаторы во время собственных вахт жались поближе к Отчаянному и ходили по кораблю все вместе.

Отчаянный не понимал, чего они так боятся, и сожалел, что не наблюдал сам явления, которое якобы видело столько народу. Но почти все его внимание поглощал насморк — он либо спал, либо чихал, свешивая голову за борт. Кашель он попытался скрыть, не желая принимать лекарство: Кейнс уже заварил целый котел крайне зловонного зелья. Но на третий день болезни с Отчаянным случился нешуточный приступ, и Кейнс со своими подручными втащил упомянутый сосуд на драконью палубу. В нем плескалась густая желеобразная микстура бурого цвета, подернутая оранжевым жиром.

— Я должен это выпить? — уныло спросил Отчаянный.

— Лучше всего она помогает, пока горячая, — ответил неумолимый Кейнс.

После первого же глотка Отчаянный схватил приготовленную заранее бочку с водой и опрокинул ее в рот, окатив при этом себя и палубу.

— Не могу больше! — Его долго уговаривали, и он наконец выпил всю дозу.

Лоуренс стоял рядом и гладил его, не осмеливаясь просить лекаря о передышке.

— Никогда больше не буду болеть, никогда в жизни, — заявил пациент, но снадобье помогло, и ночь он провел почти спокойно, без кашля.

Лоуренс постоянно дежурил при драконе с самого начала болезни и наблюдал, что вытворяют матросы, боясь повстречаться с призраком. В гальюн ходили только по двое и не удалялись никуда от двух палубных фонарей. Даже вахтенный офицер бледнел всякий раз, отправляясь отбить склянки и перевернуть часы.

Отвлечься от этой пагубной мании было нечем: погода держалась хорошая, схватка с каким ни на есть врагом тоже не представлялась возможной. Любой корабль, не желавший вступать в бой, легко ушел бы от «Верности». Лоуренс, конечно, не желал всерьез ни шторма, ни битвы и надеялся, что наваждение рассеется, когда они придут в порт.

Отчаянный закашлялся, испустил жалостный

вздох и наполовину проснулся. Капитан раскрыл книгу и читал вслух при тусклом фонарном свете, пока дракон снова не смежил глаза.

Глава 9

— Я не собираюсь учить вас судовождению, — сказал, противореча собственным словам, генерал Бэрд. — Но ветры со стороны Индии чертовски непредсказуемы в это время года, когда зимние муссоны перестают дуть. Вас вполне может отнести назад, к нам. Будет гораздо лучше, если вы дождетесь прибытия лорда Каледона — особенно теперь, когда Питт скончался.

Генерал был еще довольно молод, длиннолиц и серьезен, с очень решительным ртом. Стоячий воротник мундира подпирал подбородок и придавал ему еще более чопорный вид. Новый британский губернатор пока не приехал, и Бэрд временно управлял вместо него Кейптаунским поселением. Резиденция его находилась в крепости посреди города, у подножья Столовой горы. На дворе, где жарко палило солнце, шли учения и сверкали штыки, а стены успешно заслоняли от бриза, облегчившего путешественникам дорогу из гавани.

— Не можем же мы сидеть в порту до июня месяца, — возразил генералу Хэммонд. — Лучше уж застрять в море, сделав честную попытку до-

браться до места, чем бездействовать на глазах у принца Юнсина. Он уже спрашивал меня, сколько времени займет оставшийся путь и в каких еще портах мы намерены останавливаться.

— Я, со своей стороны, готов отправиться, как только пополню запасы. — Райли сделал слуге знак налить ему еще чаю. — «Верность», конечно, не самый быстрый из кораблей, но я поставил бы на нее тысячу фунтов против любой непогоды.

— Мне, однако, совсем не хочется, чтобы она попала в тайфун, — сказал он Лоуренсу с некоторой тревогой, когда они шли обратно. — Я не имел в виду ничего такого — ну, разве что дождь пойдет.

К последнему переходу они подготовились на совесть. Помимо скота, закупили и солонины — флотских складов в порту еще не было, но торговцы не слишком возражали против мягкой оккупации и охотно продавали англичанам мясо во всех видах. Лоуренса заботило не столько предложение, сколько спрос: Отчаянный, с тех пор как захворал, ел очень мало, был разборчив и жаловался на однообразие рациона.

Драконьего запасника в Кейптауне не было, но Бэрд, предупрежденный Волли, отвел им зеленый луг около гавани. Отчаянный перелетел туда, и

Кейнс как следует его осмотрел. Дракон положил голову наземь, широко раскрыл рот, а врач залез туда с фонарем и заглянул в горло.

Лоуренс, стоя рядом вместе с Грэнби, увидел, что узкий язык Отчаянного, обычно розовый, обложен и покрыт какими-то нехорошими красными пятнами.

— Вот почему он, должно быть, ни в чем не находит вкуса. Кроме языка, у него все в порядке. — Кейнс вылез наружу под бурные рукоплескания: детишки, туземные и колонистские, собрались за изгородью и смотрели во все глаза словно в цирке. — Язык у них и для обоняния служит, что еще более усложняет дело.

— Вы не находите, что это опасный симптом? — спросил Лоуренс, и Грэнби озабоченно подхватил:

— Никогда не видел, чтобы дракон из-за простуды потерял аппетит. Они еще больше лопают, если на то пошло.

— Он просто капризничает, — сказал Кейнс и добавил строго, обращаясь к Отчаянному: — Надо заставлять себя есть, пока совсем не поправишься. Вот свежая говядина — давай-ка посмотрим, как ты ее скушаешь.

— Я попробую, — прогнусавил Отчаянный. —

Только очень уж это скучно — жуешь-жуешь, а никакого вкуса не чувствуешь. — Он послушно, хотя и без охоты, съел пару больших кусков, но остальные только поковырял и принялся сморкаться в яму, вырытую для этой цели. Нос он вытер об охапку широких пальмовых листьев.

Лоуренс, посмотрев на это, спустился по тропинке обратно в крепость, где китайским послам отвели гостевые покои. Там уже повесили для защиты от солнца легкие занавеси вместо бархатных штор. Двое слуг, стоя у распахнутых окон, вовсю работали бумажными опахалами, третий разливал послам чай. Лоуренс в этой прохладе почувствовал себя потным и неопрятным: воротничок у него промок, сапоги запылились и были забрызганы кровью после кормежки Отчаянного.

После вызова переводчика и обмена любезностями он изложил ситуацию и попросил со всей возможной учтивостью:

— Я буду очень благодарен, если ваши повара приготовят для Отчаянного какое-нибудь блюдо по вашим рецептам. Что-нибудь пикантное, не просто сырое мясо.

Не успел он договорить, как Юнсин уже отдал приказ, и повара поспешили на кухню.

— Посидите пока с нами, — неожиданно предложил принц, и Лоуренсу принесли стул, задрапированный шелком.

— Благодарю вас, но я весь в грязи… — Лоуренс смущенно воззрился на бледно-оранжевую с цветочным узором ткань. Однако принц настаивал, и он, притулившись на самом краю, взял предложенную чашку чая. Шун Кай кивнул ему с не совсем понятной симпатией и спросил через переводчика:

— Вы получили известия от родных, капитан? Надеюсь, у них все хорошо.

— Вы очень любезны, что спрашиваете об этом, сэр, однако писем я здесь не нашел. — Следующие четверть часа он поддерживал разговор о погоде и скором отплытии, втайне дивясь такой перемене.

Вскоре из кухни явилась пара барашков, уложенных на что-то вроде лепешек и политых густым красно-оранжевым соусом. Подхватив большие деревянные подносы, слуги доставили кушанье прямо на луг. Обилие приправ пробудило дремлющий аппетит, и Отчаянный поел с удовольствием.

— Оказывается, я все-таки проголодался. — Он облизнулся и наклонил голову, чтобы его умыли

как следует. Лоуренс мог только надеяться, что своей выдумкой не причинил ему никакого вреда: остатки соуса обжигали кожу и оставляли на ней следы. Но Отчаянный был вполне доволен и даже пил не больше обычного. Главное, чтобы он ел, решил Кейнс.

Лоуренсу не пришлось даже просить, чтобы китайские повара и дальше для них готовили: Юнсин взялся лично следить за блюдами, а его врач советовал, какие травы добавить к мясу. Бедных слуг отрядили на рынок за самыми изысканными и дорогими ингредиентами, хотя объясняться с местными торговцами они могли лишь при помощи серебра.

Кейнс относился к этому скептически, но спокойно. Лоуренс сознавал, что должен быть благодарен китайцам, и тоже не вмешивался. Слуги между тем таскали с рынка все более странную пищу: пингвинов, которых фаршировали пингвиньими же яйцами, зерном и ягодами; копченую слонятину, добытую отважными охотниками в глубине материка; лохматых курдючных овец, покрытых не шерстью, а волосом; невиданные приправы и овощи. Китайцы особенно настаивали на последних, уверяя, что драконам они полезны, хотя в Англии драконья

диета традиционно состояла из одного только мяса. Отчаянный, со своей стороны, поглощал и мясо, и гарниры без всяких дурных последствий, не считая отрыжки.

Местные ребятишки каждый день осаждали изгородь и совсем осмелели, видя, как лазят по Отчаянному Роланд и Дайер. Каждое новое блюдо они либо приветствовали, либо освистывали, находя уж очень противным. Негритята принадлежали к племенам, которые разводили скот и собирали в горах всевозможные дикие растения. Они тоже предлагали Отчаянному разные ботанические диковины, которые старшие объявляли негодными для человека.

Вершиной их триумфа стал громадный бесформенный гриб. Дети несли его впятером, отворачиваясь и хохоча, — такое он издавал зловоние. Он был увенчан не одной, а целыми тремя шляпками в бурую крапинку: они сидели одна над другой, и самая большая насчитывала два фута в поперечнике.

Китайские слуги с большим энтузиазмом утащили гриб на кухню, щедро расплатившись с детьми ленточками и ракушками. Вскоре на луг пришел с жалобой генерал Бэрд. Лоуренс последовал за ним в крепость, где очень быстро понял

причину недовольства. В исходящем из кухни запахе смешивались ароматы вареной капусты и плесени наподобие той, что покрывает корабельные бимсы в сырую погоду. Бойкая торговая улица под стеной крепости опустела. Послов перевели в другое помещение, подальше от кухни: солдаты в расположенной рядом казарме отказывались от еды.

Повара, чей нюх, видимо, притупился за последнюю неделю, заявили через переводчика, что соус еще не готов. Лишь долгие совместные уговоры Бэрда и Лоуренса побудили их расстаться с большим котлом. Бэрд приказал двум подвернувшимся под руку рядовым спешно отнести его луг, нацепив на толстую ветку. Лоуренс шел за ними и старался дышать только ртом.

А вот у Отчаянного соус никакого отвращения не вызвал — он лишь порадовался, что после долгого перерыва вновь ощущает какой-то запах.

— По-моему, очень приятно пахнет, — сказал он и нетерпеливо кивнул, прося полить мясо этим кошмаром, а потом съел целиком местного горбатого буйвола и вылизал опустевший котел. Лоуренс наблюдал за трапезой с приличного расстояния.

После еды Отчаянный впал в блаженную дре-

моту, икая и бормоча что-то, как под хмельком. Лоуренс подошел, обеспокоенный этим странным сном, но дракон тут же стал тыкать его мордой, обдавая невыносимым запахом съеденного. Капитан едва сдержал тошноту и поскорее ретировался из ласковых драконьих объятий.

Пришлось ему срочно помыться и переодеться, но цепкий запах застрял в волосах. Чувствуя себя в полном праве, он отправился заявить свой протест китайцам, однако был встречен без должной серьезности. Лю Бао только посмеялся, слушая о злокозненном грибе, а Юнсин на предложение Лоуренса как-то ограничить меню ответил:

— Нельзя оскорблять тен-луна, предлагая ему изо дня в день те же блюда. Скажем поварам, чтобы были поосторожнее, вот и все.

Лоуренс ничего не добился и ушел с подозрением, что больше не распоряжается диетой Отчаянного. Вскоре его опасения подтвердились. Отчаянный, проснувшись наутро после необычайно долгого сна, чувствовал себя много лучше, и нос у него значительно освободился. Спустя несколько дней простуда прошла полностью, но повара продолжали ему готовить, хотя Лоуренс и намекал усиленно, что больше нужды в этом нет. Отчаянный, даже когда вновь обрел обоняние,

нисколько не возражал.

— Кажется, я начинаю различать их приправы, — сказал он как-то, облизав когти: теперь он брал еду «в руки», а не ел прямо из корыт. — Эта, красная, называется гуа-цзяо и очень мне нравится.

— Ну и хорошо, если нравится, — ответил Лоуренс.

— Иначе он мог бы счесть, что я дурно воспитан, — признался он Грэнби за их собственным ужином. — Стараниями китайцев он ест с аппетитом и поправляется. Не могу же я сказать им «спасибо, не надо».

— И все-таки это беззастенчивое вмешательство с их стороны, — заявил Грэнби. — Чем мы, спрашивается, будем кормить его, когда заберем домой?

Лоуренс только головой покачал — это относилось как к вопросу, так и к слову «когда». Он охотно примирился бы с неуверенностью по первому пункту, будь у него хоть какая-то уверенность по второму.

* * *

«Верность» покинула Африку и пошла по течению, держа курс на восток. Райли счел, что

так будет лучше. Ему уже опротивело тащиться вдоль берега и зависеть от капризных ветров, которые все еще дули больше на юг, чем на север. Пересекать Индийский океан по прямой тоже не входило в его намерения. Лоуренс смотрел, как тает позади узкая полоска земли. Они уже четыре месяца были в море и проделали больше половины пути до Китая.

Всем на борту было невесело, как и ему. Уходить из уютного гостеприимного порта никому не хотелось. Они не получили писем в Кейптауне, поскольку Волли принес их заблаговременно, и теперь почты не будет еще долго, разве что их нагонит какой-нибудь быстроходный торговец или фрегат — но сезон для рейсов в Китай пока не настал. Никакой радости, таким образом, путешествие не сулило, зато призрак по-прежнему витал в корабельных снастях.

Моряки, пребывая во власти суеверного страха, недостаточно внимательно исполняли свои обязанности. Три ночи спустя Лоуренс проснулся от шума за переборкой — Райли в своей каюте распекал злосчастного лейтенанта Бекетта. Ветер во время ночной вахты переменился, а Бекетт, растерявшись, забыл зарифить грот и бизань, отчего корабль пошел неправильным курсом.

Обычно такие ошибки исправлялись незамедлительно: опытные матросы многозначительно кашляли, пока лейтенант случайно не отдавал верного распоряжения — но теперь лишний раз лезть на ванты никому не хотелось, и корабль отнесло далеко на север.

На рассвете волну развело до пятнадцати футов. Прозрачные бледно-зеленые валы под пенными гребнями росли и рушились, поднимая фонтаны брызг. Когда Лоуренс, нахлобучив зюйдвестку, поднялся на драконью палубу, губы у него стянуло от соли. Отчаянный свернулся тугим клубком как можно дальше от борта. В его мокрой шкуре отражался свет фонаря.

— На камбузе, наверно, не захотят развести огонь чуть пожарче? — спросил он с плаксивыми нотами, высунув голову из-под крыла. Он сощурил глаза дальше некуда и даже покашлял немного для убедительности. Скорее всего это было актерством, ведь он излечился еще в порту, но Лоуренс не хотел рисковать его здоровьем. При теплой, как в ванне, воде с юга временами веяло холодом. Отчаянного по приказу капитана укрыли клеенчатыми плащами, и портупейщики принялись сшивать их в одну большую накидку.

Отчаянный ворочался под клеенкой, как живая

куча белья — наружу торчал один нос. Лоуренс, довольный тем, что дракону тепло и сухо, пропускал мимо ушей долетающие с бака смешки и не слушал Кейнса, ярого противника симуляции и баловства. Погода препятствовала чтению вслух, и он сам залез под клеенку, чтобы составить Отчаянному компанию. Накидка хорошо держала как идущий с камбуза жар, так и собственное тепло Отчаянного. Лоуренс скинул мундир и задремал, вяло откликаясь на реплики своего собеседника.

— Ты не спишь, Лоуренс? — Капитан встрепенулся. То ли он действительно проспал очень долго, то ли клеенка напрочь заслонила от него дневной свет: было совсем темно.

Он выбрался из-под тяжелых складок накидки. Океан разгладился, и по всему восточному горизонту тянулась гряда фиолетово-черных туч. Восходящее солнце зажгло ее нижний край красным заревом. Там и сям полыхали молнии.

В румбе за кормой протянулись облака, идущие с севера, но небо над головой пока оставалось ясным.

Лоуренс опустил подзорную трубу.

— Позаботьтесь о доставке штормовых цепей, мистер Феллоуз.

Матросы уже вовсю сновали по вантам.

— Может, вам переждать шторм наверху? — спросил Грэнби. Он полагал, что это вполне резонно: почти вся его служба проходила в Гибралтаре и на Канале — с океаном он был мало знаком. Драконы, хорошо напоенные и накормленные, могли дрейфовать по ветру целый день. Взлет был обычной практикой во время грозы или шквала — но то, что надвигалось с востока, не было ни тем, ни другим.

Лоуренс в ответ лишь мотнул головой.

— Хорошо, что мы сшили эти клеенки; теперь цепи лучше удержат их. — Грэнби, он видел, понял его.

Снизу принесли толстые штормовые цепи, и крест-накрест наложили их на Отчаянного. В каждое звено продели канаты, пропитанные смолой, и закрепили их на двойных кнехтах в четырех углах палубы. Лоуренс сам проверил узлы и велел перевязать несколько штук.

— Не слишком ли туго? — спросил он Отчаянного. — Тебе не давит?

— Цепи мешают мне шевелиться. — Дракон беспокойно подергал хвостом. — Это совсем не похоже на сбрую — зачем их надели?

— Не натягивай понапрасну канаты. — Лоуренс посмотрел, но все крепления, к счастью, остались

в целости. — Это необходимо: во время бури тебя полагается привязать. Иначе ты соскользнешь в океан или собьешь корабль с курса. Что, очень неудобно?

— Не очень, — стоически ответил Отчаянный. — Это надолго?

— Пока шторм не пройдет. — Гряда туч, слившись в сплошную свинцовую массу, закрыла солнце. — Пойду взгляну на барометр.

Райли не было в каюте, и барометр стоял очень низко. Завтраком, если не считать кофе, даже не пахло. Лоуренс взял у стюарда чашку, выпил ее стоя и вернулся на палубу. За время его краткого отсутствия волна поднялась футов на десять, и «Верность» показывала себя во всем блеске: ее окованный железом нос резал валы, расталкивая их в обе стороны.

Все люки задраивались штормовыми покрышками. Лоуренс проверил напоследок, хорошо ли привязан Отчаянный.

— Отправьте людей вниз, — сказал он Грэнби. — Первая вахта моя. — Он снова нырнул под клеенку и стал гладить мягкую морду. — Боюсь, нам придется долго терпеть. Может, съешь что-нибудь?

— Я вчера поздно поел, не хочу больше. —

Зрачки Отчаянного расширились и чернели в полумраке палатки, окруженные узенькими колечками синевы. Цепи, когда он менял положение, поскрипывали в лад с корабельными бимсами. — Мы и раньше попадали в шторм, на «Надежном», но тогда меня не опутывали цепями.

— Тогда ты был гораздо меньше — и шторм тоже. — Отчаянный умолк, но продолжал что-то бурчать и царапать цепи когтями. Голову он отвернул к корме, чтобы избежать брызг. Лоуренс, выглядывая наружу, видел, как матросы крепят найтовы и убирают топсели. Тишину нарушал только легкий скрежет цепей.

К двум склянкам предполуденной вахты волны начали перехлестывать через борт. С драконьей палубы на бак лились потоки воды. Камбуз совсем остыл: пока не кончится шторм, огня на борту зажигать нельзя. Отчаянный, припав к палубе, больше не жаловался и только подрагивал шкурой, когда ручейки просачивались между швами его палатки.

— Все наверх! — повторял где-то Райли, заглушаемый ветром. Боцман, сложив ладони у рта, проревел то же самое. Матросы затопали по доскам, спеша убрать паруса и привести корабль

к ветру.

Время отмеряли одни только склянки, бившие безошибочно через каждые полчаса. Стемнело рано, и закат прошел почти незамеченным. Море зажглось холодным голубым светом, который передался канатам и доскам палубы; при нем были видны гребни волн, растущих все выше.

Даже «Верность» с ее мощным корпусом больше не рассекала их, а медленно через них переваливала. Лоуренс, глядя с палубы вниз, видел глубокие впадины между валами. Добравшись до верха, корабль чуть ли не прыжком соскальзывал на ту сторону и зарывался в пену у подножия волны. Широкая драконья палуба снова вздымалась торчком, и судно начинало новый подъем. Лишь песок, бегущий в часах, показывал разницу между минувшей волной и следующей.

Утром Лоуренс очнулся от беспокойного рваного сна. Ветер дул с той же силой, но волна немного уменьшилась. Отчаянный не просил есть.

— Я не смог бы, даже если б до меня донесли что-нибудь, — сказал он и снова закрыл глаза — скорее изможденный, чем сонный. Ноздри у него слиплись от соли.

Грэнби и еще двое человек, пришедшие сменить Лоуренса, жались под другим его боком.

Лоуренс послал Мартина за ветошью. Дождь смешивался с солеными брызгами, однако носовой бачок, к счастью, еще до бури наполнили пресной водой. Мартин, держась за натянутые вдоль палубы спасательные канаты, дополз до него и вернулся с мокрыми тряпками. Отчаянный едва шевельнулся, когда Лоуренс стал протирать ему нос.

Вверху сплошная пелена — ни солнца, ни облаков. Дождь налетал порывами, и до самого горизонта не было видно ничего, кроме бушующих волн. Когда пришел Феррис, Лоуренс отослал Грэнби вниз, а сам перекусил сухарями и твердым сыром, не желая уходить с палубы. Днем дождь усилился и стал холоднее прежнего. Волны захлестывали «Верность» с обеих сторон. Одна, поистине чудовищная, выросла чуть ли не до фок-мачты и всей своей тяжестью обрушилась на Отчаянного.

Вахтенные авиаторы, барахтаясь в потоке воды, хватались за что попало. Мичмана Портиса Лоуренс поймал на краю палубы, у самого трапа, и держал, пока тот не вцепился в канат. Отчаянный, вырванный из дремоты холодной ванной, паниковал, бился в цепях и звал Лоуренса. Доски около кнехтов выгибались от его мощных

рывков.

— Это всего лишь волна! Я здесь, не бойся! — крикнул Лоуренс, кое-как добравшись до него по затопленной палубе. Отчаянный успокоился и лег, но цепи, особенно необходимые сейчас, были изрядно ослаблены, а на перевязку узлов при таком шторме могли отважиться только хорошие моряки.

«Верность», приняв еще один громадный вал на корму, дала сильный крен. Отчаянный налег на цепи всей своей тяжестью и безотчетно вцепился когтями в палубу, расщепив дубовый настил.

— Феррис, сюда! Будьте подле него! — крикнул Лоуренс и двинулся через палубу. Руки, перебирая канаты, бессознательно находили дорогу.

Узлы намокли, притом Отчаянный сильно их затянул. Лоуренс мог работать только в коротких промежутках между волнами, когда канаты ослабевали. Каждый дюйм давался ему с великим трудом. Отчаянный распластался на палубе, чтобы хоть как-то помочь ему.

Лоуренс, окатываемый брызгами, видел только веревки, чугунные кнехты и смутно темнеющую массу Отчаянного. Пробило две склянки первой «собачьей» вахты: где-то за свинцовой пеленой закатывалось солнце. Рядом возникли какие-то

силуэты, и Леддоуз, опустившись на колени, пришел на помощь. Он тянул, Лоуренс вязал. Когда накатывала волна, оба хватались друг за друга и за чугунные столбики. Вскоре их пальцы нащупали железные звенья цепи: они выбрали слабину.

Говорить было затруднительно. Лоуренс просто показал на вторые кнехты по левому борту. Леддоуз кивнул, и они отправились. Лоуренс показывал дорогу, держась у самого борта: легче было перелезать через пушки, чем тащиться посередине. Очередная волна схлынула, дав им короткую передышку. Лоуренс полез через первую карронаду, и тут Леддоуз закричал.

Обернувшись, Лоуренс увидел что-то темное, летящее ему в голову, и чисто инстинктивно заслонился согнутой в локте рукой. Удар пришелся в плечо — ощущение было такое, будто кто-то огрел его кочергой. Падая, он уцепился за казенную часть карронады. Над ним маячила чья-то тень, Леддоуз в ужасе отползал назад с поднятыми руками. Нахлынувшая волна увлекла его за собой.

Лоуренс, держась за пушку, давился соленой водой и нащупывал ногами опору. Сапоги от воды отяжелели, как каменные. Он мотнул головой, откинув волосы с глаз, и свободной рукой

перехватил в воздухе новый взмах железного лома. Потрясенный, он узнал своего противника: сверху приблизилось белое лицо Фен Ли, явно готового, по всей видимости, на все. Китаец попытался отнять свое оружие, и они стали бороться. Каблуки Лоуренса скользили по мокрым доскам.

Ветер, третий в схватке, норовил растащить их и в конце концов победил. Онемевшие пальцы Лоуренса упустили лом. Фен Ли с распростертыми руками отшатнулся назад, точно хотел обнять ветер, и тот с полной готовностью унес его за борт, где он исчез без следа.

Лоуренс, кое-как поднявшись, заглянул в кипящую круговерть. Ни китайца, ни Леддоуза; даже самого моря не было видно за туманом, вставшим над волнами. Недолгий бой прошел наедине, без свидетелей. Позади пробили склянки, возвещая, что прошло еще полчаса.

Лоуренс, слишком усталый, чтобы о чем-то думать, кратко доложил Райли, что за борт смыло двух человек. Все его внимание поглощал шторм. На следующее утро ветер начал стихать, а к началу полуденной вахты Райли стал посменно отпускать людей на обед. К шести склянкам на небе появились просветы, и солнце хлынуло в них широкими косыми столбами, радуя измучен-

ных моряков.

Леддоуза, всеобщего любимца, жалели, но гибель его ни у кого не вызвала удивления. Стало ясно, что именно он с самого начала был обречен в жертву призраку, и ближайшие друзья шепотом рассказывали остальным о его эротических подвигах. Фен Ли моряки знали плохо, и его смерть считалась простым совпадением: если чужестранцу, так и не обретшему морских ног, вздумалось погулять в шторм по палубе, другого нечего было и ожидать.

Волна оставалось сильной, но Отчаянный слишком приуныл, чтобы и дальше держать его в путах. Лоуренс дал слово, что отпустит его, как только авиаторы вернутся с обеда. Когда стало теплее, узлы разбухли, и канаты пришлось рубить топорами. Освобожденный Отчаянный скинул цепи на палубу и зубами стащил с себя клеенчатую накидку. Встряхнулся, сгоняя воду ручьями, и заявил воинственно:

— Пойду полетаю.

Все только рты раскрыли, когда он взмыл в небо без сбруи и сопровождения. Лоуренс невольно протянул вслед ему руку, но тут же ее опустил. К чему эта патетика, с досадой сказал он себе. Отчаянный всего лишь разминает крылья после

долгого заточения. Крайняя усталость глушила тревогу, как тяжелое одеяло.

— Вы пробыли на палубе трое суток, — сказал Грэнби и повел его вниз. Распухшие пальцы не держались на поручнях трапа. Грэнби подхватил его под руку, и Лоуренс чуть не вскрикнул: боль от удара ломом давала о себе знать.

Грэнби хотел немедленно отвести его к лекарю, но Лоуренс отказался.

— Это всего лишь ушиб, Джон, и я предпочел бы пока не поднимать из-за этого шума. — После этого ему пришлось объяснять, из-за чего именно.

— Но это же возмутительно, Лоуренс! Парень покушался на вашу жизнь — нельзя этого так оставлять.

— Нельзя, — согласился Лоуренс, забираясь в койку. Напоследок он осознал смутно, что его укрывают одеялом и занавешивают чем-то окно.

Когда он проснулся, голова несколько прояснилось, но боль во всем теле никуда не ушла. Низкая осадка судна давала понять, что Отчаянный вернулся обратно, однако Лоуренс сильно обеспокоился задним числом. Он ринулся вон из каюты и чуть не споткнулся о портупейщика Уиллоби, спавшего поперек двери.

— Что вы тут делаете? — спросил капитан.

— Мистер Грэнби поделил нас на вахты, сэр, — доложил Уиллоби, протирая глаза. — На палубу подняться желаете?

Лоуренс протестовал тщетно: молодой портупейщик сопровождал его, как бдительный сторожевой пес. Отчаянный, завидев их, сел, привлек Лоуренса к себе и взял в кольцо. Авиаторы стояли вокруг плотными рядами: все говорило о том, что Грэнби недолго хранил секрет.

— Ты сильно ранен? — Отчаянный тыкал его носом, высунув в помощь осмотру язык.

— Со мной все хорошо, уверяю тебя — только рука ушиблена. — Лоуренс ласково отпихивал его, радуясь в то же время, что бунтарь успокоился.

Грэнби пролез к нему, не обращая никакого внимания на холодный взор капитана.

— Ну вот, у нас теперь свои вахты. Вы ведь не думаете, что он принял вас за кого-то другого, нет?

— Нет, — признал Лоуренс и неохотно добавил: — Скажу вам больше: это была не первая попытка с его стороны. Тогда я ничего такого не думал, но теперь почти уверен, что после новогоднего ужина он хотел скинуть меня в носовой люк.

Отчаянный тихо заворчал и едва удержался, чтобы не пройтись когтями по палубе, где после шторма уже остались глубокие борозды.

— Так ему и надо! Надеюсь, что его сожрали акулы.

— А я вот не слишком рад, что он утонул, — возразил Грэнби. — Поди теперь разберись, с какой стати он это делал.

— Личные причины следует исключить, — сказал Лоуренс. — Я ему и десяти слов не сказал — а сказал бы, так он бы не понял. Должно быть, он спятил, — добавил капитан без особого убеждения.

— Спятил дважды, причем вторично в самый разгар тайфуна, — отмахнулся от его версии Грэнби. — Мне сдается, что он попросту выполнял чей-то приказ, а это прямо указывает на принца или кого-то из прочих послов; и лучше нам побыстрей выяснить, кто это был, пока он не попытался еще раз.

Отчаянный горячо поддержал его, а Лоуренс испустил тяжкий вздох.

— Пригласим Хэммонда ко мне в каюту и все расскажем ему. Возможно, он догадается, какой мотив ими движет, да и допросить мы никого не сумеем без его помощи.

Хэммонд выслушал рассказ с нарастающей тревогой и вместо догадок высказал следующее:

— Вы всерьез предлагаете допросить брата ки-

тайского императора и его приближенных, как шайку обыкновенных преступников? Обвинить их в покушении на убийство? Потребовать у них алиби и доказательств их невиновности? Лучше уж сразу сунуть факел в пороховой погреб — нашей миссии так и так конец, а на дне морском ссор не бывает.

— А вы что предложите? Сидеть и улыбаться им, пока они не ухлопают наконец Лоуренса? — рассердился в свою очередь Грэнби. — Вас-то, думаю, это как раз устроит; противников выдачи Отчаянного станет на одного меньше, а на воздушный корпус вам наплевать.

Хэммонд резко обернулся к нему:

— Я прежде всего забочусь о государстве, а не об отдельных людях или драконах — как поступали бы и вы, будь у вас хоть малейшее чувство долга…

— Довольно, джентльмены, — пресек перебранку Лоуренс. — Первый наш долг — добиться прочного мира с Китаем, а первая надежда — сделать это, не лишившись Отчаянного. Споры по обоим этим вопросам недопустимы.

— В таком случае задуманное вами дознание не поможет ни надежде, ни долгу, — отрезал Хэммонд. — Что вы намерены делать, даже если

какие-то улики найдутся? Заковать принца Юнсина в кандалы? — Он помолчал и уже спокойнее продолжил: — Не вижу никаких причин, по которым Фен Ли не мог бы действовать в одиночку. Вы говорите, что первое нападение случилось в новогоднюю ночь: должно быть, вы чем-то обидели его, сами того не ведая. Возможно, он был фанатиком и не мог стерпеть, что Отчаянный достался вам, — или просто безумцем. Возможно и то, что вы ошибаетесь. Это представляется мне наиболее вероятным, ведь обстоятельства в обоих случаях могли кого угодно сбить с толку. На празднике все крепко выпили, а в шторм…

— Бога ради, — бесцеремонно перебил его Грэнби, — объясните нам заодно, зачем Фен Ли при таких обстоятельствах толкал Лоуренса в люк и бил его ломом по голове.

— Если ваши предположения хоть в чем-то верны, — заговорил онемевший на время Лоуренс, — то дознание как раз и откроет правду. Ни безумие, ни фанатизм Фен Ли не укрылись бы от его соотечественников — а если я невольно его оскорбил, он наверняка сказал кому-то об этом.

— Устанавливая это, вы неизбежно заденете честь члена императорской семьи — особы, от которой зависит наш успех или провал в Пекине.

Я не дам согласия на подобные розыски — более того, я решительно их запрещаю. Если же вы все-таки предпримете такую попытку, я всеми силами постараюсь убедить капитана корабля, что долг перед королем обязывает его взять вас под стражу.

Этими словами Хэммонд дал им понять, что для него лично дело закрыто.

— В жизни так не хотел расквасить кому-то нос, — сказал Грэнби, излишне громко закрыв за ним дверь. — Слушайте, Лоуренс, у нас ведь есть переводчик: Отчаянный. Надо будет только приводить китайцев к нему.

Лоуренс, чувствуя, что он сейчас слишком взбудоражен и не способен рассуждать здраво, налил портвейна себе и Грэнби. Они вышли с бокалами на корму и сели там, глядя на океан. Волна уменьшилась до пяти футов.

— Нет, Джон, тут надо подумать как следует. Не могу сказать, что речи Хэммонда мне по душе, но в общем и целом он прав. Если это расследование действительно оскорбит императорскую семью, а доказательства так и не будут найдены…

— …то мы можем проститься с надеждой оставить себе Отчаянного, — угрюмо завершил Грэнби. — Придется нам, видно, умолкнуть — но

будь я проклят, если мне это нравится!

Отчаянный высказался еще решительнее:

— Ну и что же, что нет доказательств? Не стану я дожидаться, пока он тебя убьет. Убью его самого, когда он выйдет на палубу — и дело с концом.

— Что ты такое говоришь! — поразился Лоуренс.

— Правду, вот что. Он, может, больше сюда и не выйдет, — задумчиво продолжал Отчаянный, — но я могу разбить кормовые окна и достать его из каюты. Еще можно бомбу бросить в него.

— Прекрати, — сказал Лоуренс. — Будь даже у нас доказательства, нам немедленно объявили бы за это войну.

— Его, значит, нельзя убивать, а ему можно? Почему *он* не боится, что мы ему объявим войну?

— Без веских доказательств правительство на такой шаг не пойдет. — Про себя Лоуренс был уверен, что правительство не пойдет на такой шаг и при наличии оных, но надо же было как-то урезонить Отчаянного.

— Так ведь нам не дают эти доказательства получить. И убить его мне не дают, и мы должны быть вежливы с ними со всеми — потому что правительство так решило. Надоело мне оно, это правительство! Я его и в глаза не видел, а оно

всегда велит делать то, что мне неприятно.

— Оставим лучше политику в стороне. Мы не можем быть уверены, что принц Юнсин как-то причастен к этому делу, — сказал Лоуренс. — Есть множество вопросов, на которые трудно найти ответ. Прежде всего, зачем принцу желать моей смерти? Допустим даже, что у него есть причина — почему он тогда подослал ко мне слугу, а не одного из солдат? В конце концов, у Фен Ли мог быть свой мотив, о котором мы ничего не знаем. Нельзя убивать людей на основе одних только подозрений, без всяких улик — иначе мы сами станем убийцами. Тебя бы после этого замучила совесть, поверь мне.

— Ничего бы не замучила, — проворчал Отчаянный и стал бормотать что-то себе под нос.

Юнсин действительно не поднимался на палубу несколько дней, к великому облегчению Лоуренса, и Отчаянный успел немного остыть. Выйдя, он приветствовал Лоуренса все с той же холодной учтивостью и снова стал читать Отчаянному стихи. Тот помимо воли заинтересовался и, не будучи мстительным по натуре, забыл про свой гнев. Если Юнсин и знал за собой вину, то не подавал ни малейшего вида, и Лоуренс начал сомневаться в собственных выводах.

— Я, конечно, мог ошибиться, — признался он Отчаянному и Грэнби, когда принц удалился. — Я теперь уже не помню подробностей, да и тогда плохо соображал от усталости. Быть может, бедняга просто хотел мне помочь, а я вообразил себе невесть что. С каждой минутой мне это кажется все более фантастическим. Чтобы брат императора подсылал ко мне убийц, как будто я что-то для него значу? В конце концов я соглашусь с Хэммондом, признав себя пьяницей и глупцом.

— Вы ни то и ни другое, — заявил Грэнби. — Я и сам тут мало что понимаю, но то, что Фен Ли вдруг вздумалось бить вас по голове — сущий бред. Будем хорошенько вас охранять и надеяться, что принц не поставит правоту Хэммонда под сомнение.

Глава 10

Через три недели, прошедших совершенно спокойно, вдали показался остров Амстердам. Отчаянного привели в восторг тюлени, лениво гревшиеся на берегу. Некоторые из них поплыли к кораблю, чтобы порезвиться в кильватере. Матросов и даже морских пехотинцев, которые вознамерились поупражняться на них в стрельбе, тюлени не боялись — но когда Отчаянный прыгнул в воду, тут же уплыли; даже те, что остались на берегу, начали отползать подальше.

Разочарованный дракон описал в море круг и залез обратно. Теперь он проделывал это гораздо ловчее и раскачивал судно самую малость. Тюлени постепенно вернулись и были как будто не против того, чтобы он рассмотрел их поближе — но уходили в глубину всякий раз, как он свешивал голову за борт.

Шторм унес «Верность» на юг почти до сороковых широт; она сбилась с восточного курса и потеряла напрасно больше недели.

— Одно хорошо: муссон, кажется, наконец-то установился, — сказал Райли, размышляя над картами вместе с Лоуренсом. — Отсюда мы дви-

немся прямо к Голландской Ост-Индии и месяца полтора не увидим земли. Но я уже отправил шлюпки на остров. Несколько дней тюленьего промысла помогут нам продержаться.

Бочки с засоленным тюленьим мясом воняли немилосердно. Еще пару дюжин туш в проволочных клетках подвесили на кат-балках, чтобы сохранить свежими. Назавтра, когда «Верность» вышла в открытое море, китайские повара разделали половину из них на палубе. Головы, хвосты и внутренности, вопреки экономии, полетели за борт, и Отчаянному подали слегка обжаренные бифштексы.

— Неплохо, — сказал он, сняв пробу. — Только перца и этого… жареного лука надо побольше. — За последнее время он стал настоящим гурманом.

Повара, всячески ему угождавшие, тут же выполнили заказ. Отчаянный съел все подчистую и улегся вздремнуть, ничего не ведая о недовольстве кока, квартирмейстеров и прочей команды. Китайцы, залив верхнюю палубу кровью, даже не подумали прибрать за собой. Время между тем перевалило за полдень, и Райли никак не мог требовать, чтобы палубу вымыли снова. Когда Лоуренс сел обедать вместе с ним и старшими

офицерами, запах сделался нестерпимым — а окна приходилось держать закрытыми, чтобы уберечься от еще более крепкого запаха висящих снаружи туш.

Кок Райли, к несчастью, мыслил сходно с китайскими кулинарами: на стол подали прекрасный золотистый пирог, вобравший в себя недельную порцию масла и остатки зеленого кейптаунского горошка, и к нему миску горячей подливы — но внутри обнаружилось все то же тюленье мясо, и обедающие уныло ковыряли в своих тарелках.

— Быть по сему, — вздохнул Райли, скидывая содержимое своей тарелки обратно на блюдо. — Отнесите это мичманам, Джетсон, — не пропадать же добру. — Остальные последовали примеру капитана. Прочие кушанья смели подчистую, но отсутствие главного блюда создавало грустную пустоту. Слышно было, как стюард, уходя, сетует на «косоглазых дикарей, которые только аппетит людям портят».

В целях утешения по кругу пустили бутылку, и тут корабль как будто выпрыгнул из воды — Лоуренс впервые испытал подобное ощущение. Райли устремился к двери, но Парбек показал за окно и сказал:

— Смотрите. — Одна из мясных клеток пропала

бесследно — лишь обрывок цепи болтался на балке.

С палубы донеслись громкие вопли. Корабль резко присел на правый борт, и что-то сломалось с таким звуком, будто выпалили из пушки. Райли выбежал вон, остальные за ним. Когда Лоуренс поднимался по трапу, судно дрогнуло снова. Он слетел на четыре перекладины вниз и чуть не сшиб с трапа Грэнби.

Из люка они выскочили разом, словно чертик из табакерки. Поперек планширa лежала нога в шелковом чулке и башмаке с пряжкой — все, что осталось от вахтенного мичмана Рейнольдса; еще двух человек утащили через пролом в фальшборте. Отчаянный наверху принял сидячее положение и недоуменно оглядывался. Люди лезли на ванты или неслись к носовому трапу, не слушая мичманов.

— Флаг поднять! — Выкрикнув это, Райли бросился к рулевому колесу, призвав себе на помощь еще несколько человек. Бессон, рулевой, куда-то пропал. Судно сбилось с курса, но продолжало двигаться — стало быть, они не напоролись на риф, и никаких других кораблей не было видно до самого горизонта. — Бей сбор!

Барабан похоронил всякую надежду понять,

что же, в сущности, происходит, но зато привел в чувство охваченных паникой моряков.

— Мистер Гарнетт, готовьте шлюпки, — скомандовал Парбек, поправив шляпу. К обеду он, как всегда, переоделся в парадный мундир, и его высокая фигура производила должное впечатление. — Григгс, Мастерсон, в чем дело? — обратился он к двум матросам, глядевшим на него с марса. — Неделю без грога! Слезайте и бегите к своим орудиям.

Матросы, спеша по местам, едва не сшибли с ног Лоуренса. Один пехотинец, прыгая на одной ноге, натягивал блестящий от ваксы сапог, расчеты кормовых орудий натыкались друг на друга.

— Лоуренс, Лоуренс! — закричал Отчаянный, увидев его. — Я спал, что случилось?

«Верность» снова дала сильный крен, Лоуренса швырнуло на поручни. Из воды, поднявшейся фонтаном с другого борта, появилась громадная змеиная голова. На круглой морде, увешанной черными водорослями, светились оранжевые глаза. Из пасти все еще торчала чья-то рука. Чудовище тряхнуло головой и проглотило ее, показав омытые кровью зубы.

Райли приказал дать залп с правого борта. Парбек собрал три расчета у одной карронады,

намереваясь выстрелить по зверю прямой наводкой. Крепежные тали отцепили, самые сильные из канониров держали колеса. Все работали молча, обливаясь потом, бледные до зелени: справиться с сорокадвухфунтовым орудием было не так-то просто.

— Огонь, чертово племя! Огонь! — заорал Макриди с марса, перезаряжая ружье. Пехотинцы с запозданием выпалили, но пули отскакивали от шеи, одетой в толстую голубовато-серебристую чешую. Морской змей, заклекотав, сшиб на палубу двух человек и схватил третьего. Дойл продолжал кричать даже из пасти, дрыгая торчащими наружу ногами.

— Стой! — крикнул Отчаянный. — Arrktez![17] — За этими призывами последовала китайская фраза.

Змей посмотрел на него, не понимая, и сомкнул зубы. Ноги Дойла, разбрызгивая кровь, упали обратно на палубу.

Отчаянный замер в ужасе, жабо у него опало. Но Лоуренс окликнул его, и он снова ожил. Фок и грот-мачты преграждали ему прямой путь к морскому чудовищу, поэтому он взлетел с носа и

---

[17] Примечания: 17
Остановись! (*фр.*)

по кругу помчался назад.

Змей высунулся из воды еще больше, положив передние лапы на поручни «Верности». Перепонки натянулись между его когтями, неестественно длинными. Туловище у него было намного уже, чем у Отчаянного, но голова крупнее. Немигающие глаза величиной с суповую тарелку смотрели со страшной тупой свирепостью.

Отчаянный спикировал. Его когти лишь скользнули по серебристой шкуре, но он почти без труда обхватил врага лапами. Змей снова заклекотал, шевеля обвисшей кожей на горле. Он держал корабль мертвой хваткой, и Отчаянный, бешено хлопая крыльями, пытался его оторвать. «Верность» накренилась еще сильнее; в нижние орудийные люки струилась вода.

— Пусти его, Отчаянный! — крикнул Лоуренс. — Ты опрокинешь корабль.

Отчаянный повиновался, и морской змей, спасаясь, пополз на борт. Он сбил грота-рей, порвал снасти. Лоуренс видел в его черном зрачке собственное удлиненное отражение. В следующий миг оранжевый глаз прикрылся толстым прозрачным веком, а Грэнби оттащил капитана к трапу.

Змей был невероятно длинен: его голова и пе-

редние лапы уже ушли под воду на той стороне судна, а круп еще не показывался. Туловище извивалось, мерцая радужной чешуей. Лоуренс никогда еще не видел подобного экземпляра: атлантические морские змеи даже в теплых водах у побережья Бразилии насчитывали не больше двенадцати футов в длину, а тихоокеанские при встрече с кораблем всегда уходили вглубь, и над водой виднелись только их плавники.

Помощник штурмана Сэклер бежал вверх по трапу с широкой лопатой, наспех привязанной к куску рангоута: до флотской службы он ходил первым помощником на китобое в Южных морях.

— Сэр, сэр, поберегитесь! Ей-богу, он нас в кольцо зажимает, — крикнул он Лоуренсу, вылезая из люка.

Лоуренсу вспомнилось, как морские змеи душат свою добычу — меч-рыбу или тунца. Райли, тоже слышавший Сэклера, послал людей за топорами и саблями. Лоуренс выхватил из переданной по трапу корзины первое попавшееся орудие и стал вместе с другими рубить змеиное тулово. Змей, однако, продолжал двигаться. Мелкие порезы на его шкуре обнажали белесый жир, но мышц не затрагивали.

— За головой следите. — Сэклер с лопатой за-

нял позицию у фальшборта, перебирая руками по длинному древку. Лоуренс бросил топор и попытался навести Отчаянного на цель: тот так и кружил вверху, не смея атаковать опутанного такелажем врага.

Змеиная голова, как и предсказывал Сэклер, вынырнула из воды прямо под ним. Живые тиски понемногу сжимались вокруг корабля, фальшборт трещал, угрожая вот-вот сломаться.

Парбек навел свою карронаду.

— Спокойно, ребята, ждем крена на этот борт.

— Погодите! — зачем-то крикнул сверху Отчаянный, но Парбек, не слушая, скомандовал:

— Огонь! — Ядро попало чудищу в шею, и над водой запахло горелым мясом, но удар не был смертельным: змей завизжал от боли и еще сильнее сдавил корабль.

Парбек стоял, как скала, всего в половине фута от змеиного туловища.

— Прочищай! — скомандовал он. Следующего выстрела можно было ждать не раньше, чем через три минуты, а трудная позиция и толкотня многочисленного расчета еще больше затягивали дело.

Участок правого фальшборта у самой пушки разлетелся в щепки, не менее смертоносные, чем

осколки снаряда. Одна вонзилась глубоко в руку Парбека, окрасив кровью рукав. Червинс повалился навзничь с куском дерева в горле; Дайфид, которому щепка пробила челюсть, оттащил его тело в сторону.

Отчаянный, рыча, описывал круги в воздухе. К реву он не решался прибегнуть: волна вроде той, что потопила «Валери», наверняка сокрушила бы заодно со змеем и корабль. Лоуренс, однако, считал, что надо рискнуть. Прочная змеиная шкура не поддавалась усилиям рубящих, и «Верности» грозила большая беда. Если шпангоут треснет или, хуже того, киль погнется, судно уже никогда не дойдет до порта.

Но Отчаянный не дождался его приказа. Он взмыл высоко, сложил крылья и камнем, наставив когти, упал прямо на голову змея. Вместе с ней он ушел под воду, где тут же расплылось густое кровавое облако.

— Отчаянный! — Лоуренс перелез через дергающееся змеиное тело, промчался по скользкой окровавленной палубе и перелез через борт на цепи грот-мачты. Грэнби погнался за ним, но остановить не успел.

Лоуренс скинул сапоги в воду, не слишком хорошо понимая, что делать дальше. Плавал он

неважно и не имел при себе ни ножа, ни пистолета. Грэнби хотел последовать за ним и не мог: корабль прыгал туда-сюда, как детская лошадка-качалка. По серебристому тулову прошла дрожь. Хвост показался из воды, конвульсивно дернулся и с громовым всплеском упал обратно. После этого змей наконец-то затих.

Отчаянный выскочил на поверхность как пробка, кашляя и отплевываясь. Морда у него была вся в крови.

— Кажется, все. Он умер. — Выговорив это, он подплыл к борту, но не стал взбираться наверх, а лишь прислонился к «Верности», держась на воде благодаря природной плавучести. Лоуренс сам слез к нему, примостился, как мальчишка, на резном барельефе и стал гладить Отчаянного, успокаивая заодно и себя.

Отчаянный слишком ослаб для гимнастических упражнений, и Лоуренс с Кейнсом вышли на ялике посмотреть, не ранен ли он. Обнаружилось несколько царапин, одну из которых причинили страшные, подобные пилам зубы. Все повреждения ограничивались этим, но Кейнс выслушал Отчаянного и сказал с беспокойством, что в легкие ему попала вода.

После многочисленных уговоров Отчаянный

все-таки влез на судно. Потрепанная «Верность» осела при этом больше обычного, и сломанные поручни пострадали еще сильнее. Но даже Парбек, с болью в сердце принимающий все поломки, не сказал ни слова в упрек, и Отчаянного встретили хоть и утомленным, но дружным «ура».

— Свесь голову за борт, — попросил Кейнс, как только дракон угнездился на палубе. Отчаянный, которому очень хотелось спать, захныкал, но подчинился. Жалуясь на головокружение, он выкашлял сколько-то соленой воды. Удовлетворенный Кейнс отпустил его, и он жалобно свернулся в комок.

— Не хочешь ли чего-нибудь свеженького? — спросил его Лоуренс. — Барашка? Его приготовят, как скажешь ты.

— Нет, Лоуренс, есть я совсем не могу, — ответил из-под крыла Отчаянный. Его спина между лопатками заметно дрожала. — Пожалуйста, пусть его уберут.

Тело морского змея, который теперь стал виден во всю длину, так и лежало на палубе. Голова покачивалась на воде с левого борта. Райли послал людей на шлюпках измерить его. В нем оказалось 250 футов — почти вдвое больше, чем в самом большом медном регале, известном Лоуренсу,

хотя голова насчитывала в диаметре меньше двадцати футов. Неудивительно, что он сумел зажать в кольцо даже такое судно, как «Верность».

— Цяо, морской дракон, — определил Шун Кай. В Китайском море, сказал он, водятся такие же, но значительно меньше.

Употребить его в пищу желающих не нашлось. Когда измерения были сделаны и китайский поэт, он же художник, сделал свои наброски, топоры заработали снова. Сэклер показывал пример, орудуя своей острой лопатой. Вскоре Пратт в три приема перерубил мощный хребет. Остальное довершили собственный вес змея и медленное движение корабля: туловище со звуком рвущейся ткани распалось надвое и соскользнуло в воду с обоих бортов.

Акулы и другие хищные рыбы уже кишели в море, терзая змеиную голову; теперь началась борьба за две гигантские половины.

— Давайте-ка убираться отсюда подобру-поздорову, — сказал Райли Парбеку. Паруса грот-мачты и бизани были сильно повреждены, но такелаж фок-мачты остался цел, только немного запутался. Судно двинулось по ветру прежним курсом.

Час спустя мертвый змей уже казался серебряной черточкой на воде. Палубу вымыли, отдраили

пемзой и еще раз окатили водой. Плотник и его подручные вытесывали реи для грота и бизань-марселя.

Из трюмов достали запасную парусину. К ярости Райли, ее сильно изгрызли крысы. Начали ставить заплаты, но солнце уже садилось, и с установкой новых снастей приходилось ждать до утра. Людей отправляли ужинать и спать или по вахтам, без обычной поверки.

Лоуренс, все еще босой, выпил кофе и сгрыз сухари, принесенные Роланд. Отчаянный притих и по-прежнему не хотел есть. Лоуренс пытался разговорить его, опасаясь, что он все-таки получил какие-то скрытые раны.

— Да нет же, я совершенно здоров, — невесело, вопреки собственным словам, ответил Отчаянный.

— Почему же ты тогда такой грустный? Ты сегодня поступил как герой и спас наш корабль.

— Я убил его, вот и все — не вижу, чем тут гордиться. Он не был нашим врагом, он просто проголодался. А напал уже после, потому что испугался стрельбы. Жаль, что он не понял меня. Я бы уговорил его уплыть прочь.

Лоуренса поразило, что Отчаянному в отличие от людей морской змей совсем не показался

страшным чудовищем.

— Послушай, ты не должен рассматривать его как дракона. Это существо не владеет речью, не наделено разумом. Ты, видимо, прав — им руководил голод, но всякое животное способно охотиться.

— Как ты можешь так говорить? Да, он не владел английским, французским или китайским, но ведь вырос он в океане. Откуда ему было научиться человеческой речи, если он не слышал ее в яйце? Если бы я сам не умел говорить, это бы еще не значило, что я не умею думать.

— Но ты же видел, что этот змей лишен разума. Он съел четырех человек и убил еще шестерых. Будь ему известна разница между людьми и животными, это был бы… бесчеловечный поступок. — Лоуренс путался, не находя нужных слов. — Приручить морского змея не удавалось еще никому — даже китайцы признают это.

— Выходит, если какое-то существо не служит людям и не знает их обычаев, то у него и разума нет. Выходит, его убить надо за это? — Отчаянный вздыбил жабо.

— Вовсе нет. — Лоуренс не знал, как объяснить ему свою точку зрения: сам он не увидел в глазах этой твари ни малейшего проблеска разума. — Я

хочу лишь сказать, что морские змеи, будь у них разум, умели бы как-то договариваться с людьми, и мы бы знали об этом. Многие драконы, в конце концов, отказываются от опекунов и разговаривать не желают. Это бывает не часто, однако случается, но никто не выводит из этого, что у драконов нет разума. — Ему показалось, что он выбрал удачный пример.

— И как же поступают с такими драконами? Как поступили бы со мной, откажись я повиноваться? Я говорю не об одном каком-то приказе — что, если бы я вовсе отказался служить в авиации?

Разговор до сих пор носил общий характер, и переход на личности поставил Лоуренса в тупик. К счастью, при таком малом количестве парусов работы на палубе почти не было, и матросы играли на баке в кости (ставкой в игре служили порции грога). Вахтенные авиаторы тоже расположились в отдалении. Лоуренс был рад, что никто их не слышит: другие могли понять Отчаянного неверно и даже счесть его нелояльным. Сам капитан не верил, что Отчаянный способен отказаться от службы, бросив своих друзей, и отвечал спокойно:

— Неприрученных драконов посылают в питомники. Если бы ты захотел, то мог бы тоже там

жить. Есть очень красивая местность у залива Кардиган, севернее Уэльса.

— А если бы я не захотел там жить? Если бы захотел поселиться где-то еще?

— А что бы ты ел? Скот, идущий на корм драконам, принадлежит людям.

— Если люди сделали всех животных своей собственностью и не оставили никого на воле, глупо было бы обижаться, что я беру какую-то долю себе. Да я бы и без скота обошелся. Ловил бы рыбу. Что, если бы я поселился около Дувра, и летал где хотел, и ел рыбу, не трогая ничьих стад, — разрешили бы мне так жить?

Лоуренс слишком поздно смекнул, что ступил на опасную почву, и горько пожалел о собственной неосмотрительности. Он прекрасно знал, что ничего такого Отчаянному не позволили бы. Живущий на воле дракон, даже самый мирный, привел бы в ужас местное население. Причин для отказа, вполне разумных, нашлось бы множество, но Отчаянному они представлялись нарушением его прав и свобод. Какие резоны найти, чтобы он не почувствовал себя несправедливо обиженным?

Отчаянный кивнул, верно истолковав молчание своего капитана.

— Откажись я, меня заковали бы в цепи и силой отволокли в этот самый питомник. А захоти я улететь, меня бы не выпустили — ни меня, ни других драконов. Вот я и думаю, — в голосе Отчаянного нарастал гневный рокот, — что мы все равно что рабы. Просто нас меньше, и мы большие и сильные, поэтому с нами жестоко не обращаются. Но мы лишены свободы, как и они.

— Боже мой… нет, это совсем не так. — Лоуренс поражался собственной слепоте. Неудивительно, что Отчаянный так протестовал против штормовых цепей, если его одолевали подобные мысли. Вряд ли они зародились у него лишь после сражения с морским змеем. — Ты ошибаешься. — Он знал, что плохо умеет спорить с Отчаянным на философские темы, но непременно должен был убедить дракона в абсурдности такого рода идей. — С тем же успехом и меня можно назвать рабом, поскольку я подчиняюсь приказам Адмиралтейства. Если я откажусь повиноваться, меня уволят со службы и скорее всего повесят — но это еще не означает, что я раб.

— Но ты по собственному выбору поступил во флот, а затем в авиацию, — не сдавался Отчаянный. — Ты мог бы подать в отставку и уехать куда хотел.

— Да, но тогда бы мне пришлось зарабатывать себе на жизнь чем-то другим. Капитал, на проценты с которого можно жить, у меня завелся совсем недавно. Да, кстати: если бы ты не захотел служить в корпусе, я мог бы приобрести поместье — на севере, скажем, или в Ирландии. Там ты жил бы, как тебе нравится, и никто бы не возражал. — Отчаянный задумался над этим, и Лоуренс перевел дух. Воинственный огонь в глазах дракона померк, хвост перестал мотаться и прильнул к туловищу, жабо опало.

Пробило восемь склянок. Новая вахта, сменившая игроков в кости, погасила последние фонари. На драконью палубу тоже поднялась смена во главе с зевающим во весь рот Феррисом.

— Доброй ночи, сэр; доброй ночи, Отчаянный, — прощалась уходящая спать вахта Бейливорта. Многие, проходя, трепали Отчаянного по боку.

— Доброй ночи, джентльмены, — отвечал Лоуренс, а Отчаянный басовито мурлыкал.

— Люди, если хотят, могут ночевать на палубе, мистер Трип, — донесся с кормы голос Парбека. Матросы охотно располагались на баке, кладя под голову бухты перлиня и свернутые рубахи. На корме мигал одинокий фонарь, в небе светили звезды. Луны не было, но Магелланово Облако

и Млечный Путь казались особенно яркими. Вахтенные авиаторы разместились у левого борта, и Лоуренс с Отчаянным снова оказались в уединении, насколько такое вообще возможно на борту корабля. Лоуренс сидел, прислонившись к теплому боку, и чувствовал, что Отчаянный хочет что-то сказать.

— Даже если бы ты купил для меня это поместье, — заговорил дракон, как будто их разговор и не прерывался, — все равно это сделал бы ты, а не я. Ты меня любишь и готов на все, лишь бы я был счастлив — но как же быть дракону вроде бедного Левитаса, о котором капитан совсем не заботился? Я не совсем понимаю, что такое капитал, но у меня его точно нет, и взять его негде.

Говорил он, впрочем, не с прежним гневом, а устало и даже немного грустно.

— У тебя есть драгоценности, — заметил Лоуренс. — Одна только подвеска стоит около десяти тысяч фунтов. Поскольку это подарок, никто не сможет оспорить, что по закону она твоя.

Отчаянный склонил голову, разглядывая украшение, в которое Лоуренс вложил солидную часть своего приза за «Амитье» — фрегат, везший в Европу яйцо с зародышем селестиала. Платина немного поцарапалась за время путешествия

— Отчаянный ни в какую не соглашался снять подвеску, чтобы ее почистили, — но жемчужина и сапфиры сохранили свой прежний блеск.

— Значит, драгоценности и есть капитал? Неудивительно, что они такие красивые. Но только, Лоуренс, это ведь опять-таки твой подарок — я не сам заработал их.

— Да, у нас почему-то не принято назначать дракону жалованье или выплачивать призовые. Дело не в недостатке уважения, уверяю тебя — просто люди полагают, что драконы не испытывают надобности в деньгах.

— Не испытываем, потому что нам ничего не позволяют делать самостоятельно. Нам просто не на что их потратить. Будь у меня деньги, я ведь все равно бы не мог зайти в лавку и купить себе еще драгоценностей или книг. Нас ругают даже за то, что мы берем еду из загона в удобное для нас время.

— Тебе не позволяют летать куда вздумается не потому что ты раб, а потому что это встревожило бы людей. Нужно считаться с мнением общества. Что толку заходить в лавку, если хозяин тут же сбежит оттуда из страха перед тобой?

— Почему мы должны страдать из-за чьих-то страхов, если ничего плохого не делаем? Признай-

ся, Лоуренс, что это нечестно.

— Пожалуй, — неохотно ответил Лоуренс. — Но люди, сколько им не тверди, что драконы не опасны, все равно будут вас бояться. Такова уж человеческая натура. Глупо, не спорю, но с этим ничего не поделаешь. Мне жаль, голубчик, что я не могу дать тебе более толковых ответов. Повторю еще раз: каких бы ограничений общество тебе ни навязывало, ты такое же свободное существо, как и я. А если ты так досадуешь на эти препоны, я сделаю все от меня зависящее, чтобы преодолеть их.

Отчаянный тихо вздохнул, потыкал Лоуренса носом и поплотнее запахнулся крылом. Не возвращаясь к прежнему разговору, он предложил вернуться к чтению «Тысячи и одной ночи» — французский перевод этой книги они отыскали в Кейптауне. Лоуренс охотно согласился, но на душе у него было смутно. Все эти доводы, казалось ему, были недостаточно убедительны — а ведь он всегда считал, что Отчаянный всем доволен.

Часть третья

Глава 11

«Верность», Макао

Прошу у вас прощения, Джейн, за долгий пробел в письмах и за несколько торопливых слов, коими вынужден теперь ограничиться. Последние три недели я не имел ни минуты досуга: сразу же по выходе из пролива Банка нас стала трепать малярия. Меня, как и многих моих людей, болезнь пощадила; Кейнс благодарит за это Отчаянного, чье тепло рассеивало зловредные миазмы и охраняло нас.

Но тем, кто остался здоров, потрудиться пришлось изрядно: капитан Райли слег одним из первых, лорд Парбек также, поэтому я нес вахты в очередь с третьим и четвертым лейтенантами, Фрэнксом и Бекеттом. Оба они очень старательные молодые люди, особенно Фрэнкс, но это ни в коей мере не значит, что он готов управлять таким большим судном, как «Верность», или поддерживать на нем дисциплину. К несчастью, он к тому же и заикается — этим объясняется недоста-

точная учтивость его манер, о которой я упоминал ранее.

Поскольку теперь лето и Кантон закрыт для западных кораблей, мы завтра утром зайдем в гавань Макао. Корабельный врач надеется найти там иезуитский барк, чтобы пополнить запас лекарств, а я, несмотря на сезон, — какого-нибудь британского морского купца, чтобы отослать с ним это письмо. Такая возможность мне теперь не скоро представится: по личному распоряжению принца Юнсина мы пойдем отсюда на север, в Чжилийский залив[18] и ближайший к Пекину порт Тяньцзинь. Это очень сбережет наше время, но иностранцам обычно не разрешается заходить севернее Кантона, так что британские суда вряд ли нам встретятся.

В пути мы видели трех французских торговцев — больше, чем я ожидал найти в этой части света; впрочем, после моего последнего визита в Кантон миновало уже семь лет, и европейские суда

---

[18] Примечания: 18
Современное название — залив Бохайвань.

всякого рода стали здесь гораздо более многочисленны. Сейчас над гаванью висит плотный туман, препятствующий обзору, но мне думается, что я видел там и военный корабль — возможно, голландский, а не французский, но уж верно не наш. Прямая опасность «Верности», разумеется, не грозит: она слишком велика, чтобы на нее нападать, и к тому находится под защитой китайской короны, с чем французам в этих водах поневоле придется считаться. Мы, однако, опасаемся, что они могли отправить сюда собственное посольство, которое неизбежно будет вредить нашей миссии.

Относительно прежних моих подозрений ничего не могу вам сказать. Никаких покушений более не предпринималось, хотя прискорбное убавление в наших рядах могло бы подвигнуть злодеев на новый удар. Я начинаю надеться, что Фен Ли действовал по собственному почину, а не по приказу свыше, но его мотивы остаются непостижимыми.

Пробили склянки — я должен подняться на палубу. С уверениями в глубоком моем уважении и нежной привязанности остаюсь покорный ваш слуга

У. Лоуренс.
16 июня 1806

За ночь туман так и не рассеялся. Бухта с широким полукругом песчаного пляжа, домиками в португальском стиле и аккуратно насаженными молодыми деревьями имела уютный, знакомый вид, и все эти джонки со свернутыми пока парусами вполне могли бы стоять на Фуншалском или Порстмутском рейде. Даже покрытые зеленью горы, постепенно выступающие из тумана, пришлись бы к месту в каком-нибудь средиземноморском порту.

Отчаянный, жадно глядевший по сторонам, скоро разочаровался и опять улегся на палубу.

— Ничего особенного, все как всегда. И драконов не видно.

Туман скрывал и саму «Верность», но медленное солнце с помощью легкого бриза начинало понемногу его разгонять. Лоуренс, уже бывавший в этой колонии, предполагал, что появление такого большого судна вызовет некоторое волне-

ние в порту, однако поднявшийся на берегу шум превзошел все его ожидания.

— Тен-лун, тен-лун! — раздалось над водой, и джонки, самые маленькие и юркие, во всю прыть полетели к «Верности». В спешке они сталкивались друг с другом и натыкались на транспорт, хотя матросы вопили что есть мочи, остерегая их.

Якорь из-за столь многочисленного общества пришлось отдавать с большими предосторожностями, а из гавани тем временем отчаливали все новые лодки. Лоуренс поразился, увидев семенящих по берегу китаянок. Многие вели за руку детей или несли за спиной младенцев. Не боясь за свои красивые наряды, они садились в любую лодку, где было место. Будь ветер или течение чуть посильнее, утлые суденышки неминуемо перевернулись бы и обрекли на гибель своих пассажиров, но все они каким-то чудом благополучно добирались до корабля. Оказавшись у самого борта, женщины высоко вскидывали детей и начинали прямо-таки размахивать ими.

— Что такое они вытворяют? — Лоуренс впервые видел нечто подобное: китаянки старались не показываться на глаза европейцам, и он не знал, что в Макао их так много. Белые мужчины

в гавани и на палубах других кораблей разделяли его любопытство. Лоуренс с упавшим сердцем отметил, что его вечерние предположения оказались даже недостаточно мрачными: в порту стояли два французских фрегата. Один двухпалубный, с шестьюдесятью четырьмя пушками, другой поменьше, с сорока восемью.

Отчаянный очень заинтересовался экзотическим зрелищем и весело фыркал, глядя на китайчат, действительно очень забавных. Похожие на колбаски в своих шитых золотом платьицах, они жалобно пищали, болтаясь в воздухе.

— Я их сейчас спрошу. — Он перегнулся через борт и задал вопрос одной энергичной мамаше — та, оттеснив соперниц, как раз отвоевала лучшее место для своего отпрыска, пухлого мальчугана лет двух. Малыш, которого сунули чуть ли не в пасть дракону, вел себя до странности флегматично.

Выслушав ответ, Отчаянный удивленно моргнул.

— Я не совсем уверен, потому что она говорит как-то не так — но мне кажется, что они приехали посмотреть на меня. — После этого он незаметно, как ему представлялось, потерся носом о шкуру, счищая несуществующую грязь, и вообще

приосанился. Голова поднята, крылья слегка развернуты, манишка растопырена от волнения.

— Видеть селестиала — счастливое предзнаменование. — Юнсин, к которому они обратились за разъяснениями, счел это само собой разумеющимся. — Больше им такого случая не представится, ведь они из купеческого сословия. Мы с Лю Бао и Шун Каем едем в Гуанчжоу, — он употребил китайское название Кантона, — где встретимся с суперинтендантом, вице-королем и передадим императору весть о нашем прибытии. — Лоуренсу поневоле пришлось предложить ему корабельный баркас.

— Позвольте напомнить вашему высочеству, что в Тяньцзинь мы придем всего через три недели и вы сможете побеседовать с его величеством лично. — Лоуренс просто хотел избавить принца от лишних трудов — до Кантона было никак не меньше ста миль.

Юнсин, однако, весьма решительно дал понять, что явиться в Пекин без предупреждения значило бы выказать вопиющее неуважение к трону. Лоуренс извинился, сославшись на незнание местных обычаев, но принц не желал сменить гнев на милость. В конце концов Лоуренс был только рад сплавить его и двух других послов

в Кантон на баркасе. Ему с Хэммондом, таким образом, пришлось довольствоваться шлюпкой — другой баркас назначили возить с берега пресную воду и скот.

— Что хорошего вам привезти, Том? — спросил Лоуренс, заглянув к Райли. Тот, приподнявшись с подушек, слабо махнул пожелтевшей рукой.

— Мне уже лучше. Не откажусь от портвейна, если здесь найдется что-то приличное; челюсти от треклятого хинина напрочь свело.

Лоуренс, порадовавшись за друга, отправился прощаться с Отчаянным. Тот уговорил вестовых и крыльманов надраить его до блеска, хотя никакой нужды в этом не было. Визитеры, осмелев, стали бросать на корабль цветы и куда менее безобидные вещи.

— Сэр, — вскричал, забыв о заикании, бледный Фрэнкс, — они кидают на палубу горящие благовония! Пожалуйста, велите им перестать!

Лоуренс взошел на драконью палубу.

— Отчаянный, попроси их не бросать на корабль никаких горящих предметов. Роланд и Дайер, последите за этим. Все пожароопасное бросайте обратно за борт. Надеюсь, у них достанет здравого смысла не зажигать петарды, — добавил он без особой уверенности.

— Я остановлю их, если начнут, — пообещал Отчаянный. — А ты поищи для меня площадку на берегу.

— Поищу, но особенно не надейся. Вся территория занимает едва ли четыре квадратные мили и очень плотно застроена. Но мы можем облететь город по кругу и даже в Кантон слетать, если мандарины не будут против.

Фасад английской фактории смотрел прямо на море, поэтому найти ее оказалось нетрудно. Кроме того, комиссары сами вышли навстречу приезжим. Возглавлял их высокий молодой человек в форме Ост-Индской компании, с орлиным носом и косматыми бакенбардами. Пристально глядящие глаза делали его облик еще более хищным.

— Майор Хертфорд, — с поклоном представился он. — С позволения сказать, мы чертовски вам рады, сэр, — добавил он с солдатской прямотой, как только они вошли в дом. — Шестнадцать месяцев прошло — мы уж думали, что это сойдет им с рук.

Лоуренс испытал легкий шок: из-за дорожных треволнений он успел позабыть о захвате китайцами судов Ост-Индской компании. Но здешние служащие, разумеется, все это время надеялись,

что нанесенное им оскорбление не останется без возмездия.

— Вы сами, надеюсь, ничего не предпринимали? — осведомился Хэммонд. Страх в его голосе оживил неприязнь, которую питал к нему Лоуренс. — Для нас это было бы просто пагубно.

Хертфорд глянул на него искоса.

— Нет. Мы сочли за благо не спорить с китайцами и ждать официальных распоряжений. — «Будь моя воля»… явственно слышалось в его тоне.

Лоуренс почувствовал к нему невольную симпатию. Он всегда был невысокого мнения о военных силах Ост-Индской компании, но Хертфорд производил впечатление компетентного офицера, а солдаты, которыми он командовал, содержали оружие и форму в образцовом порядке, несмотря на удушливую жару.

В комнате закрыли ставни от солнца, для каждого присутствующего приготовили веер. Через пару минут внесли пунш со льдом. Комиссары охотно приняли привезенные Лоуренсом письма и обещали отправить их в Англию. После обмена любезностями начались деликатные, но настойчивые расспросы относительно новоприбывшей миссии.

— Мы, естественно, рады слышать, что прави-

тельство выплатило компенсации капитанам Местису, Холту, Грегсону и компании в целом, но я не могу описать, какой ущерб этот инцидент нанес нашей торговле. — Сэр Джордж Стаунтон говорил спокойно, но внушительно. Еще сравнительно молодой человек, он был здесь старшим благодаря своему долгому знакомству с Китаем. Двенадцатилетним мальчиком он вместе с отцом сопровождал лорда Макартни и входил в число немногих британцев, хорошо владеющих языком. Приведя еще несколько примеров несправедливости, он продолжал: — К сожалению, эти случаи весьма характерны. Наглость и лихоимство местных властей растут день ото дня, причем только по отношению к нам. Французы и голландцы ни с чем подобным не сталкиваются. Наши жалобы кладут под сукно, и все становится только хуже.

— Мы ежедневно опасаемся, как бы нас вовсе не попросили отсюда, — вступил в разговор мистер Гротинг-Пайл, солидный пожилой джентльмен. Его седины от усиленной работы веера слегка растрепались. — Без обиды для майора Хертфорда и его людей, наших сил для сопротивления недостаточно, а французы, можете быть уверены, охотно придут на помощь китайцам.

— И заберут себе наше имущество, — под-

твердил Стаунтон под дружные кивки остальных. — Прибытие «Верности», разумеется, меняет ситуацию в корне…

— Простите, что прерываю вас, сэр, — произнес Хэммонд, — но «Верность» не станет предпринимать никаких действий против Китайской империи. Это совершенно исключено, и вы должны оставить подобные мысли. — Он высказал это очень решительно, хотя был самым молодым за столом, не считая Хертфорда. Не обращая внимания на неприятные чувства, которые его заявление вызвало у хозяев, он продолжал: — Главнейшая наша цель — вернуть Британии расположение императорского двора и помешать ему заключить союз с Францией. Все прочее утрачивает значение в сравнении с этим.

— Мистер Хэммонд, — ответил Стаунтон, — я не верю в возможность такого союза и не думаю, что угроза так велика, как вам представляется. Китай по военной мощи не идет ни в какое сравнение с европейскими странами, хотя его величина и его драконы могут положительно ослепить неопытный глаз. (Хэммонд вспыхнул от этой шпильки, возможно, не столь уж и ненамеренной.) В европейских войнах он не заинтересован. Политика империи веками зиждется на полном безразли-

чии к тому, что происходит за ее пределами.

— Путешествие в Британию принца Юнсина доказывает нам, сэр, что в любой политике при соответствующем нажиме могут произойти перемены, — сухо заметил Хэммонд.

Дебаты по этому и другим пунктам, ведущиеся с растущей учтивостью, затянулись надолго. Лоуренс с трудом поспевал за беседой, изобилующей ссылками на неизвестные ему события и явления. Упоминались крестьянские волнения в ближней местности; положение в Тибете, где, видимо, тоже назревало восстание; торговый дефицит и необходимость открытия новых китайских рынков; затруднения на южноамериканской линии.

Лоуренс вряд ли мог составить какое-то определенное мнение относительно всего этого, но кое-что из разговора извлек. Стало ясно, что Хэммонд почти во всем расходится с комиссарами. Когда зашла речь о церемонии поклонения императору, он заявил, что они проделают ее без возражений и тем, возможно, загладят оскорбление, нанесенное двору посольством лорда Макартни.

— Капитуляция в этом вопросе без каких-либо уступок с другой стороны уронит нас в их глазах

еще более, — энергично запротестовал Стаунтон. — Отказ Макартни не был капризом. Эта церемония рассчитана на вассалов китайского трона; отказав им на этом основании прежде, мы не можем согласиться теперь — иначе они сочтут причиной уступки меры, которые приняли здесь против нас. Согласие чрезвычайно повредит нашему делу и поощрит власти к новым бесчинствам.

— Ничто так не вредно для нашего дела, как отказ подчиниться обычаям древнего и могущественного государства, основанный лишь на том, что обычаи эти не соответствуют нашему этикету. Добиться победы в этом мы можем лишь ценой поражения во всем остальном, и провал миссии лорда Макартни доказывает всё как нельзя лучше.

— Позвольте напомнить вам, что португальцы простирались ниц не только перед самим императором, но и перед его портретом и его письмами. Они делали все, что требовали от них мандарины, однако их посольство потерпело точно такой же провал.

Лоуренс не имел никакого желания пресмыкаться перед кем бы то ни было, будь он хоть император Китая, но не только это побуждало

его принять сторону Стаунтона. Готовность унизиться, казалось ему, способна вызвать лишь отвращение — даже в том, кто сам требует, чтобы ему поклонялись. Унизившийся неизбежно навлечет на себя презрение. За столом, где беседа была более непринужденной (Стаунтон пригласил их к обеду), Лоуренс окончательно убедился в том, что Стаунтон рассуждает здраво, и усомнился в Хэммонде еще больше.

Распрощавшись, визитеры вернулись на берег и стали ждать шлюпку.

— Новость о французском после тревожит меня больше всех остальных, вместе взятых, — промолвил Хэммонд скорее для себя, чем для Лоуренса. — Де Гинь весьма опасен. Жаль, что Бонапарт выбрал именно его, очень жаль.

Лоуренс промолчал. Он чувствовал то же самое по отношению к Хэммонду и охотно сменил бы его на кого-то другого.

Юнсин и его приближенные вернулись из поездки лишь под вечер следующего дня. Предполагалось, что корабль теперь двинется дальше или хотя бы выйдет из гавани, но принц решительно заявил, что «Верность» должна ждать дальнейших инструкций. Когда и откуда они воспоследуют, оставалось только гадать, и плавучие

паломники продолжали осаждать судно даже по ночам, зажигая бумажные фонарики на носах своих лодок.

Рано утром Лоуренса разбудила какая-то возня за дверью каюты. Тоненький голосок Роланд сердито повторял что-то на смеси английского и китайского (уроки языка она брала у Отчаянного).

— Что там за шум, черт возьми? — громко спросил капитан.

Она чуть-чуть приоткрыла дверь, и он увидел у нее за спиной одного из китайских слуг, делающего нетерпеливые жесты.

— Это Хун, сэр. Он говорит, что принц сей же час требует вас на палубу, а я ему отвечаю, что вы легли совсем недавно, после полуночной вахты.

— Хорошо, Роланд, — Лоуренс со вздохом протер глаза, — скажите, что я сейчас буду. — Ему ужасно не хотелось вставать. Во время его вахты лодку, ведомую предприимчивым, но неопытным юношей, ударило волной о борт «Верности». Якорь джонки, плохо отданный, вылетел на поверхность и пробил дыру в корабельном трюме, отчего только что закупленное зерно сильно подмокло. Лодка при этом перевернулась, пассажиры в своих тяжелых одеждах стали тонуть, и

их при свете фонарей пришлось выуживать из воды. Словом, ночь выдалась долгая и утомительная. Он сполоснул лицо теплой водицей из таза и облачился в мундир.

Отчаянный разговаривал с кем-то, и Лоуренс не сразу сообразил, что этот кто-то — дракон неизвестной ему породы.

— Лоуренс, это Лун Ю Пин, — представил даму Отчаянный. — Она принесла нам почту.

Головы Лоуренса и драконицы пришлись почти вровень: она была меньше лошади. Капитан приметил широкий выпуклый лоб, острую морду, мощную, как у гончей собаки, грудь. Сесть на нее мог бы только ребенок, и вместо упряжи она носила ошейник из желтого шелка с золотом. Приделанная к нему тонкая сетка вроде кольчуги плотно обтягивала грудь и крепилась к когтям золотыми кольцами.

Сетку тоже украшало золото, особенно заметное на бледно-зеленой коже. Крылья, чуть более темные, окружала золотая каемка. Узкие, заостренные, они были длиннее всего ее туловища и даже в сложенном виде волоклись за нею, как шлейф.

Лоуренса Отчаянный представил по-китайски, и Лун Ю Пин проделала нечто похожее на

реверанс. Капитан поклонился в ответ — его забавляло, что они здороваются вот так, на равных. Соблюдя формальности, она приподняла тяжелые веки, и большие янтарные глаза с ног до головы оглядели Лоуренса.

Шун Кай и Лю Бао стояли тут же, беседуя с Хэммондом. В толстом, с многочисленными печатями письме, которое они оба рассматривали, черные знаки чередовались с алыми. Юнсин, держась чуть в стороне, читал другое письмо, написанное необычайно крупно на длинном свитке. Не поделившись ни с кем содержанием, он свернул послание и подошел к остальным.

— Корабль, как и предполагалось, пойдет в Тяньцзинь, — перевел Лоуренсу Хэммонд, — а мы отправимся вперед воздушным путем. Нам предписывается сделать это незамедлительно.

— Кем предписывается? — опешил Лоуренс. — Из Пекина мы еще ничего не могли получить: принц Юнсин отправил туда извещение всего лишь три дня назад.

Лун Ю Пин, спрошенная на этот предмет Отчаянным, ответила что-то густым, не слишком женственным басом.

— Она прилетела с промежуточной станции в Хэюане. От нас до него четыреста ли — не знаю,

сколько это по-нашему, — а лететь два часа.

— Три ли равны одной миле, — сообщил Хэммонд.

Лоуренс, считавший в уме быстрее него, с изумлением уставился на Ю Пин: если ошибки нет, она только что покрыла больше ста двадцати миль. При такой скорости и с переменными курьерами письма действительно могли прибыть из Пекина, расположенного за две тысячи миль отсюда. Невероятно!

— Письма для нас, имеющие чрезвычайную важность, всю дорогу несли нефритовые драконы, — нетерпеливо вмешался Юнсин. — Не годится медлить, когда император сказал свое слово. Как скоро вы сможете отправиться в путь?

Лоуренс, еще не пришедший в себя, заявил, что не может покинуть «Верность» прямо сейчас — нужно подождать, пока не поправится Райли. Но Хэммонд, опередив Юнсина, пресек в корне все его возражения.

— Мы не можем начинать нашу миссию с неповиновения императору. До выздоровления капитана Райли «Верность» будет стоять в порту.

— В порту? — негодующе вскричал Лоуренс. — У нас половина команды больна малярией

— хотите, чтобы другая половина попросту разбежалась?

Но Хэммонда неожиданно поддержал Стаунтон, которого они оба накануне пригласили на завтрак.

— Майор Хертфорд со своими людьми окажет капитану Райли всемерную помощь. Не нужно спорить с мистером Хэммондом: китайцы придают огромное значение церемониям, и несоблюдение внешних форм для них равно оскорблению. Я прошу вас отправиться в путь, не мешкая.

Лоуренс поговорил с Фрэнксом и Бекеттом, давшими отважное обещание выстоять, зашел к Райли — и сдался.

— В конце концов, мы из-за нашей осадки стоим далеко от пристани, а припасы уже загружены, — сказал ему Райли. — Фрэнкс поднимет шлюпки на борт и никого не пустит на берег. Мы в любом случае сильно отстанем от вас, но мне уже много лучше, и Парбеку тоже. Выйдем отсюда при первой возможности и встретимся с вами в Пекине.

Однако это решение повлекло за собой ряд новых проблем. В разгаре сборов Хэммонд выяснил, что приглашение касается отнюдь не всех авиаторов. Лоуренс и он сам допускались лишь

поневоле — один как придаток к Отчаянному, другой как представитель британской короны, но самую мысль о сбруе и пристегнутом к ней экипаже китайцы с ужасом отмели.

— Я никуда не полечу без своих людей. Лоуренсу нужна охрана, — заявил Отчаянный. Он высказал это лично принцу Юнсину и в доказательство улегся на палубе, свернувшись клубком. В виде компромисса Лоуренсу предложили отобрать десять человек, которых доставят на место драконы не столь высокого ранга.

— Какой ему толк в Пекине от десяти авиаторов, хотел бы я знать? — язвительно сказал Хэммонду Грэнби; он так и не простил дипломата, замявшего дело о покушении.

— А от ста, по-вашему, был бы толк? — парировал Хэммонд. — Больше все равно не выйдет — мне и десятерых разрешили взять с великим трудом.

— Придется обойтись ими. — Лоуренс почти не поднимал головы — он укладывался, отбирая самые лучшие и новые вещи. — Гораздо важнее будет выбрать для «Верности» такую стоянку, чтобы Отчаянный в случае чего добрался до нее за один перелет. Сэр, — обратился он к Стаунтону, который сидел с ними в каюте, — могу ли я

просить вас сопровождать капитана Райли, если это не слишком повредит вашим обязанностям? После нашего отъезда на корабле не останется ни переводчиков, ни лиц с дипломатическим статусом — я беспокоюсь за его дальнейшее плавание.

— Полностью к его и вашим услугам, — склонил голову Стаунтон.

Хэммонд, не слишком этим довольный, смолчал, а Лоуренс порадовался, что сможет хотя и с запозданием пользоваться советами сэра Джорджа.

Грэнби, разумеется, тоже летел; за старшего оставался Феррис. Отобрать еще девятерых было более деликатной задачей. Лоуренс боялся проявить какие-то личные предпочтения и совсем не желал оставлять Ферриса без лучших людей. Наземную службу он решил ограничить Кейнсом и Уиллоби. Хирургу он уже привык доверять и считал необходимым взять с собой одного портупейщика, хотя летели они без сбруи. В случае нужды тот сможет соорудить что-нибудь на скорую руку.

Лейтенант Риггс заявил, что тоже должен сопровождать капитана вместе с четырьмя лучшими своими стрелками.

— Здесь мы им не нужны — на борту полно

пехотинцев, — а вот вам вполне можем пригодиться. — С тактической точки зрения, Риггс был прав, но Лоуренс, зная его стрелков как самых больших гуляк из всего экипажа, опасался брать их всех ко двору после семи месяцев в море. Постоянно следить за ними у него не будет возможности — как бы не вышло хлопот с китайскими дамами.

— Возьмем мистера Данна и мистера Хакли, — решил капитан. — Нет, мистер Риггс. Я согласен с вашими доводами, но там мне понадобятся люди, на которых можно положиться во всем — думаю, вы меня понимаете. Из верховых возьмем еще Блайта и Мартина, Джон.

— Осталось еще двое, — заметил Грэнби.

— Бейливорта нельзя забирать: Феррису нужен крепкий помощник, — сказал Лоуренс, перебрав в уме других лейтенантов. — Запишите Терроуза из низовых и Дигби: он хоть и молод, но показал себя хорошо. Пусть набирается опыта.

— Через пятнадцать минут я соберу их на палубе, сэр, — сказал Грэнби.

— Ферриса пришлите сюда, — попросил Лоуренс, наспех записывая инструкции для второго лейтенанта. — Мистер Феррис, — начал он, едва тот вошел, — я полагаюсь на ваше суждение.

Невозможно предугадать и десятой доли того, что может случиться с вами в таких обстоятельствах. Я написал несколько формальных распоряжений на случай моей и мистера Грэнби смерти. Первая ваша забота, если это случится — безопасность Отчаянного, вторая — судьба экипажа. Постарайтесь вернуть их домой.

— Да, сэр. — Феррис принял у Лоуренса запечатанный пакет. Он не спорил с капитаном, но вышел ссутулившись, как потерянный.

Лоуренс закончил укладывать свой сундучок. Лучшие мундир и шляпа, к счастью, хранились на дне с самого начала пути, завернутые в клеенку. Сейчас капитан надел свой летный костюм — кожаное пальто и теплые бриджи. За время плавания он ими почти не пользовался, и они сохранили приличный вид. Прочую одежду, не считая пары рубашек и нескольких шейных платков, он завязал в узелок и оставил в каюте.

— Бойн, — окликнул он матроса, сплеснивавшего какие-то концы недалеко от каюты, — отнесите это на палубу, будьте добры.

Лоуренс вручил Райли несколько строк для матери и для Джейн, и чувство, которое он обычно испытывал перед боем, окрепло в нем.

Авиаторы ждали его на палубе. Их мешки с сун-

дуками грузили в баркас. Почти весь посольский багаж оставался на судне — Лоуренс заметил китайцам, что его погрузка займет чуть ли не сутки, — но даже малая его часть перевешивала все авиаторские пожитки. Юнсин передал Лун Ю Пин запечатанное письмо. Очевидно, он не находил ничего необычного в том, чтобы вручать послание дракону, летающему одному, без наездника. Ю Пин зажала письмо когтистыми пальцами и столь же привычным жестом спрятала его под свою золотую кольчугу.

Поклонившись принцу и Отчаянному, она побрела к борту, волоча крылья по палубе. Развернула их, мощным прыжком взвилась в воздух и миг спустя превратилась в едва видное пятнышко.

— Ого, — уважительно протянул Отчаянный. — Высоко же она летает — я никогда не поднимался в такую высь.

Лоуренс с не меньшим почтением смотрел на нее в трубу. Через пару минут драконица полностью исчезла из виду, хотя день стоял ясный.

Стаунтон отвел его в сторону.

— Могу я дать вам один совет? Возьмите с собой детей. Судя по моим собственным детским воспоминаниям, они вам будут полезны. Присут-

ствие детей как нельзя лучше говорит о мирных намерениях миссии, притом китайцы очень чадолюбивы — это относится как к родным детям, так и к приемным. Вы фактически их опекун, и я постараюсь убедить китайцев, что дети идут сверх комплекта.

Роланд и Дайер, всегда все слышавшие, уже маячили рядом, исполненные безмолвной мольбы.

— Что ж, если китайцы не будут против… — поколебавшись, промолвил Лоуренс. Вестовым только это и требовалось: они помчались вниз за собственным багажом и вылезли еще до того, как Стаунтон закончил переговоры.

— И все-таки это глупо, — сказал Отчаянный вполголоса (как ему представлялось). — Я бы легко поднял вас всех и все, что есть в этой лодке, тоже. Я ведь все равно лечу с вами, только пустой. К чему терять время?

— Ты прав, но не начинай все сначала, — устало попросил его Лоуренс. — На споры уйдет больше времени, чем мы сэкономили бы при более разумной нагрузке.

Отчаянный потыкал его носом, и Лоуренс ненадолго закрыл глаза: минута покоя после трех часов бешеной спешки вновь напомнила ему о бессонной ночи.

— Все, я готов. — Он выпрямился, надел шляпу и зашагал вдоль шеренги козырявших ему авиаторов.

— Счастливого пути, сэр, — говорили многие. — С Богом.

Пожав руку Фрэнксу, он перелез через борт под аккомпанемент волынок и барабанов. Прочие отъезжающие уже сидели в баркасе. Юнсина и других послов опустили туда в люльке и поместили на корме, под навесом.

— Отлично, мистер Трип. Отправляемся, — сказал Лоуренс мичману.

На баркасе поставили грот-гафель и пошли с южным ветром мимо Макао, в широкую дельту Жемчужной реки. Громада «Верности» таяла позади.

Глава 12

Оставив в стороне главное русло, ведущее к острову Вампоа и Кантону, они свернули на восток к городу Дунгуань. Ветер порой стихал, и матросам приходилось выгребать против медленного течения. По обоим берегам тянулись рисовые поля с зелеными ростками, торчащими из-под воды. Над рекой висел густой запах навоза.

Лоуренс почти всю дорогу дремал, смутно слыша, как авиаторы свистящим шепотом призывают моряков к тишине. Стоило кому-то уронить свернутую веревку или споткнуться о банку, начинались увещевания куда громче первоначального шума. Но капитан не просыпался и лишь порой посматривал вверх — убедиться, что Отчаянный по-прежнему сопровождает баркас.

Когда он окончательно пробудился, было темно. На баркасе убрали парус, и началась обычная при швартовке ругань. Лодочные фонари слабо освещали широкие ступени, уходящие под воду. По бокам от них угадывались лежащие на берегу джонки.

Но с суши к ним уже приближался целый парад огней. В реке отражались круглые фонарики из

оранжево-красного шелка, натянутого на бамбуковый каркас. Фонарщики расположились по бокам лестницы, и на баркас вдруг хлынули многочисленные китайцы. Не спрашивая ни у кого разрешения, они с веселыми возгласами начали разгружать багаж.

Лоуренс хотел было помешать им, но передумал: грузчики делали свою работу с замечательной ловкостью. Клерк, примостившийся на лестнице с доской для письма на коленях, составлял список поклажи, ставя одновременно метку на мешке или сундуке. Капитан встал и попытался размять затекшую шею без неподобающего потягивания. Юнсин уже сошел на берег и проследовал в небольшой павильон. Там же слышался голос Лю Бао, требовавший вина (это слово Лоуренс успел выучить). Шун Кай беседовал на пристани с местным мандарином.

— Сэр, — сказал Лоуренс Хэммонду, — узнайте, пожалуйста, где совершил посадку Отчаянный.

Хэммонд навел справки и сообщил:

— Они говорят, что его поместили в Павильон Тихих Вод, а мы будем ночевать в другом месте. Выражайте свое недовольство погромче, чтобы китайцы слышали: если мы промолчим сейчас, они это будут проделывать постоянно.

Будь Лоуренс один, он непременно поднял бы шум, но призыв к лицедейству смутил его.

— Я должен немедленно видеть Отчаянного, — произнес он громко и довольно ненатурально, — и убедиться, что все у него хорошо.

Хэммонд, как бы извиняясь, развел руками и перевел эту реплику одному из чиновников. Лоуренс злился, полагая, что выставил себя в смешном свете, но дипломат вскоре сказал:

— Все в порядке. Сейчас нас проводят к нему.

Лоуренс с облегчением кивнул и сказал командиру баркаса:

— Мистер Трип, эти джентльмены укажут вам и вашим людям место ночлега. Я побеседую с вами утром, до того как вы отдадите швартовы.

Мичман откозырял, и Лоуренс, окруженный своими людьми, зашагал куда-то по широкой мощеной дороге. Впереди покачивался фонарь проводника, по сторонам виднелись какие-то домики. На дорожных камнях, которые пролежали здесь, вероятно, не одно столение, остались глубокие колеи. За день Лоуренс хорошо выспался, но ему казалось, что он все еще видит сон. Мягкие сапоги китайца тихо ширкали по булыжнику, из тускло освещенных домов пахло дымом, женский голос выводил непривычный для слуха мотив.

Дорога уперлась в широкую лестницу меж расписных деревянных колонн. Крыша павильона терялась где-то во мраке. Отовсюду слышалось рокочущее дыхание драконов, и луч фонаря освещал чешуйчатые громады, свернувшиеся по бокам узкого прохода. Хэммонд старался держаться в середине отряда и вздрогнул, когда свет упал на полуоткрытый, сверкнувший золотом драконий глаз.

Миновав еще одну колоннаду, они оказались в саду. Где-то журчала вода, над головой шуршали большие листья. Здесь тоже спали драконы. Один растянулся поперек дорожки, но проводник потыкал его шестом своего фонаря, и он отодвинулся, так и не открыв глаз. Чуть выше стоял другой павильон, меньше первого — там-то и обнаружился Отчаянный, одиноко возлежащий в гулком пространстве.

— Лоуренс? — обрадовался он, услышав шаги. — Ты останешься со мной, да? Так странно опять спать на суше — земля как будто качается.

— Да, мы будем спать тут, — сказал Лоуренс. Авиаторы без жалоб разместились вокруг: ночь была теплая, и пол из гладкого дерева не казался таким уж твердым. Лоуренс привычно улегся на передней лапе Отчаянного. Спать ему не хоте-

лось. Он сказал Грэнби, что будет нести первую вахту, и спросил дракона: — Тебя кормили?

— Да, — сонно ответил Отчаянный. — Дали жареную свинью, очень большую, и каких-то грибов. Я сыт. Полет был нетрудный, и ничего интересного я до заката не видел — только поля тут почему-то залиты водой.

— На них растет рис, — объяснил Лоуренс, но Отчаянный уже начал похрапывать. В павильоне это звучало особенно громко, хотя тут и не было стен. Ночь стояла тихая, комары, к счастью, докучали не сильно: их, как видно, отпугивало сухое тепло дракона. Крыша закрывало небо, и Лоуренс потерял счет времени. Однажды во дворе приземлился дракон. Он обратил к ним перламутровые глаза, отражавшие лунный свет, почти как кошачьи, но к павильону не подошел и тихо удалился во тьму.

Грэнби проснулся, когда подошел час его вахты, и капитан лег спать. Он тоже испытывал знакомое ощущение колышущейся земли — чувство сошедшего с корабля моряка.

Проснувшись, он поразился буйству неожиданных красок: взгляд его был устремлен в расписной, раззолоченный потолок. Лоуренс сел и с интересом огляделся вокруг. Круглые

ярко-красные колонны стояли на квадратных постаментах из белого мрамора. Высота кровли была не меньше тридцати футов, и Отчаянный мог передвигаться под ней без труда.

Фасад выходил во двор, довольно странный, на взгляд капитана. По большим серым плитам вилась красная дорожка. Повсюду виднелись стоящие торчком камни, деревья причудливой формы и, конечно, драконы. Пятеро из них еще спали, но один встал и совершал утренний туалет у огромного пруда, занимавшего северо-восточный угол двора. Дракон был голубовато-серый, как небо над ним. Лоуренс заметил, что его когти, по четыре на каждой лапе, накрашены красным лаком. Наведя красоту, он поднялся ввысь.

Остальные драконы как будто принадлежали к той же породе, но разнились по величине, оттенку кожи, по количеству и расположению рожек. У одних хребты были гладкие, у других зубчатые. Вскоре из большого южного павильона вышел еще один, совсем не похожий на них: крупный, ярко-красный, с золотыми когтями. От его головы, увенчанной множеством рожек, шла по спине ярко-желтая полоса. Напившись из пруда, он зевнул, показав двойной ряд мелких, но острых зубов с четырьмя загнутыми клыками. По двум

сторонам двора тянулись галереи, соединяющие два павильона. Дракон подошел к одной из арок и что-то крикнул.

Оттуда появилась, протирая глаза, полусонная женщина. Лоуренс, увидев ее обнаженную грудь, смущенно отвел глаза. Дракон ткнул ее носом и скинул в пруд. Это, безусловно, произвело нужный эффект. Женщина выскочила из воды вполне пробужденная, отругала ухмыляющегося дракона и снова скрылась под аркой. Вышла она оттуда уже полностью одетая, в стеганой куртке из темно-синей хлопчатой ткани с красной каймой и широкими рукавами. В руках она несла сбрую — шелковую, как показалось Лоуренсу. Без всякой помощи она надела ее на дракона, не переставая громко и сердито говорить что-то. Лоуренс невольно вспомнил Максимуса и Беркли, хотя последний в жизни не выговорил столько слов разом: этих двоих явно связывали столь же непринужденные отношения.

Застегнув сбрую, женщина взобралась на дракона, и оба без промедления улетели исправлять какие-то свои дневные обязанности. Из большого павильона вылезли еще трое красных драконов, из галерей показались люди. Восточную, как видно, занимали мужчины, западную — женщины.

Отчаянный тоже зашевелился, открыл глаза и сказал, зевая:

— Доброе утро. О! — воскликнул он и начал осматриваться с таким же интересом, как его капитан. — Я не знал, что здесь так много места и столько драконов. Надеюсь, они все мирные.

— Уверен, они встретят тебя приветливо, узнав, что ты прибыл издалека. — Лоуренс слез с лапы, чтобы дракон мог встать. Воздух был насыщен влагой, небо оставалось таким же серым — это снова сулило жару. — Напейся вдосталь, — посоветовал капитан. — Кто знает, будем ли мы отдыхать в пути.

— Да, пожалуй. — Отчаянный нерешительно вышел во двор. Разговоры, звучавшие там, внезапно оборвались, и драконы вместе с авиаторами все как один подались назад. Лоуренс обиделся было, но все они уже низко кланялись, освобождая Отчаянному дорогу к пруду.

Отчаянный в полной тишине прошел между ними, торопливо напился и вернулся к Лоуренсу. Только тогда во дворе возобновилось движение. Все шумели гораздо меньше, чем прежде, и старались украдкой заглянуть в павильон.

— Это очень мило, что они пропустили меня к воде, — чуть ли не шепотом промолвил Отчаян-

ный, — но почему же они так смотрят?

Драконы явно были не прочь задержаться, но понемногу все разлетелись, кроме нескольких, самых старых — об их возрасте говорила поблекшая на краях чешуя. Эти просто грелись, растянувшись на каменных плитах. Грэнби и другие, с интересом наблюдавшие за этой сценой, поднялись и стали приводить одежду в порядок.

— Думаю, за нами кого-то пришлют, — сказал Хэммонд, тщетно пытаясь разгладить помятые бриджи; его костюм в отличие от летного снаряжения плохо годился для дорожных условий. На дворе в самом деле появился Ю Бин, один из посольских слуг.

Завтрак состоял из жидкой рисовой кашицы с добавлением сушеной рыбы и яичных ломтиков очень странного цвета. К ней прилагались длинные, очень легкие хлебцы.

Лоуренс, сдвинув яйца в сторону, заставил себя съесть все остальное (Отчаянному он тоже наказывал плотно позавтракать). Он много бы отдал сейчас за обыкновенную яичницу с беконом. Лю Бао, дотронувшись до него палочками, что-то сказал — собственную тарелку китаец очищал с большим удовольствием.

— Как вы думаете, что с ними такое? — впол-

голоса спросил Грэнби, имея в виду те же загадочные яйца.

Хэммонд, расспросив Лю Бао, внес ясность в этот вопрос.

— Он говорит, что им тысяча лет. — Дипломат, проявив недюжинную храбрость, разжевал и проглотил один ломтик. Все смотрели на Хэммонда, ожидая его вердикта. — Похоже на маринад — с тухлыми ничего общего. — Он попробовал еще кусочек и постепенно съел все, но Лоуренс так и не притронулся к зеленовато-желтому деликатесу.

Еду им подали в гостевом помещении недалеко от драконьего павильона. Моряки сидели за столом вместе с ними и громко злорадствовали. Досадуя, что сами не увидят Китая, они изощрялись в догадках насчет того, чем будут кормить авиаторов всю дорогу. После завтрака Лоуренс распрощался с Трипом.

— Передайте капитану Райли, что у нас все как часы — так и скажите, дословно. — Лоуренс и Райли договорились, что любые другие слова будут означать, что у путешественников не все в порядке.

У дома их ждали запряженные мулами повозки — очень простые, без всяких рессор. Багаж был

отправлен вперед. Лоуренс крепко держался за грядку, глядя по сторонам. Улицы и днем не представляли особого интереса — очень широкие, мощенные круглым булыжником, на котором тележку немилосердно трясло.

Народ смотрел на чужеземцев с большим любопытством, а некоторые даже какое-то время шли следом.

— Много же тут жителей для заштатного городка, — оглядываясь, заметил Грэнби.

— По нашим последним сведениям, в стране проживает около двухсот миллионов, — пояснил Хэммонд рассеянно, записывая что-то в тетради. Лоуренс только головой покачал — это в десять раз превышало население Англии.

Еще больше поразил его голубовато-серый дракон, идущий пешком по дороге навстречу им. На нем была шелковая упряжь с чем-то вроде подушки на груди, а за собой он вел трех детенышей — двух сереньких, одного красного, каждого на своем поводке.

Он не единственный попался им на глаза. Вскоре повозки проехали мимо форта. За воротами виден был двор, где маршировали солдаты в синем. Двое красных драконов, сидя прямо на улице, комментировали игру в кости, которой

забавлялись их капитаны. Никто не обращал на них особенного внимания. Тяжело нагруженные крестьяне, спеша по своим делам, переступали через их лапы, загораживавшие проход.

Отчаянный ждал их на поле. Тут же стояли два серых дракона; в сетки, приделанные к их сбруе, грузили багаж. Они перешептывались между собой, не сводя глаз с Отчаянного. Тот чувствовал себя неловко и выразил большое облегчение при виде Лоуренса.

Когда погрузка закончилась, на спинах драконов установили легкие павильончики, очень похожие на палатки, которыми пользовались британские авиаторы. Служитель, показывая на одного из них, сказал что-то Хэммонду.

— Мы полетим вот на этом, — перевел дипломат Лоуренсу и о чем-то спросил китайца. Тот замотал головой и ответил довольно резко, опять показав на серого.

— Лоуренс не сядет на другого дракона! — вознегодовал Отчаянный и когтем подтащил к себе капитана, едва не сбив его с ног. Переводить это на китайский вряд ли требовалось.

Лоуренс только теперь уяснил, что Отчаянный, по мнению китайцев, должен лететь совсем один, без него. Его это мало устраивало, но и спорить

не хотелось. В пути они будут видеть друг друга, и ничего опасного их явно не ждет.

— Это только на один раз, — сказал он Отчаянному и крайне удивился, услышав возражение не от него, а от Хэммонда.

— И речи быть не может, — заявил дипломат. — Это совершенно для нас неприемлемо.

— Неприемлемо, — подтвердил Отчаянный и зарычал на китайца, когда тот начал приводить какие-то свои доводы.

— Мистер Хэммонд, — сказал Лоуренс в приступе вдохновения, — скажите им, пожалуйста, вот что: если все дело в сбруе, я с тем же успехом могу пристегнуться к цепи, на которой он носит подвеску. Если по ней не перемещаться, она отличным образом выдержит.

— Против этого не поспоришь, — обрадовался Отчаянный. Он перевел китайцам предложение Лоуренса, и те нехотя согласились.

— Можно вас на пару слов, капитан? — Хэммонд отвел его в сторону. — Эта попытка того же рода, что и распоряжение касательно нашего ночлега. Я призываю вас, сэр, ни на что подобное согласия не давать. Будьте постоянно настороже.

— Я понял вас; благодарю за совет. — Лоуренс, сощурившись, посмотрел на Юнсина. Принц

ни разу не снисходил до участия в спорах, но следовало подозревать, что за всем этим стоит именно он. Хорошо, что Лоуренс еще на корабле решительно заявил о своем отказе расставаться с Отчаянным.

После столь бурного начала сам перелет проходил гладко. Лоуренса, правда, мутило всякий раз, как Отчаянный снижался, заметив внизу что-то любопытное. Цепь ерзала по шее и держала куда слабее, чем сбруя. Отчаянный, будучи гораздо быстрее и выносливее двух серых драконов, легко нагонял их даже после получасовой задержки. Самым удивительным в этой стране, на взгляд Лоуренса, была густота населения. Всю землю занимали либо города и деревеньки, либо возделанные поля, на всех водоемах бок о бок стояли лодки. Поражали, конечно, и расстояния: воздушный поезд летел с утра до ночи, останавливаясь только на час для обеда, а дни в эту пору стояли долгие.

Через два дня бесконечная равнина с квадратами рисовых полей и множеством ручьев сменилась холмами, а после начались горы. Внизу тянулись многочисленные города и деревни. Порой, когда Отчаянный летел низко, работавшие на полях люди поднимали головы,

чтобы посмотреть на селестиала. Янцзы Лоуренс поначалу принял за очередное озеро — не очень большое, всего в милю шириной, с берегами в серой туманной дымке. Лишь через некоторое время он понял, что это могучая река, несущая на себе медленную процессию джонок.

Проведя две ночи в маленьких городках, капитан начинал думать, что место их первого ночлега было чем-то необычайным, но город Ухань его в этом разубедил. Там стояло восемь больших павильонов, симметрично расположенных по углам громадного восьмиугольника и соединенных крытыми галереями. Внутри помещался сад, или, скорее, парк. Роланд и Дайер начали было считать здешних драконов, дошли до тридцати и бросили: их сбила стайка мелких пурпурных созданий, не поддающихся счету.

Отчаянный задремал, Лоуренс в который раз поел риса и овощей. Одни авиаторы спали, завернувшись в плащи, другие сидели молча. Дождь падал ровной стеной, стекая с загнутых вверх углов черепичной крыши. Вдоль смутно видимой речной долины горели в открытых будочках желтые огоньки — маяки для летящих в ночи драконов. Из соседних павильонов доносилось рокочущее дыхание, где-то за пеленой дождя

слышался пронзительный клич.

Юнсин, всегда ночевавший отдельно, сейчас стоял на краю колоннады и смотрел вдаль. Вскоре крик повторился опять, уже ближе. Отчаянный поднял голову, настороженно вздыбил жабо. Послышалось знакомое хлопанье кожистых крыльев — белый призрак снижался над двором, разгоняя дождь и туман. Дракон сел, сложил крылья и пошел к путешественникам, клацая когтями по камню. Служители на галереях пятились прочь, отворачивались. Юнсин, напротив, сошел прямо под дождь, и дракон звонким женским голосом окликнул его по имени.

— Она тоже селестиал? — тихо спросил Отчаянный.

Лоуренс не знал что ответить. Он еще не видывал драконов такой ослепительно белой масти — обычно белизна присутствовала разве что в виде полосок и пятен. Полупрозрачные чешуйки напоминали многократно выскобленный пергамент, розовые ободки вокруг глаз изобиловали кровеносными сосудами, различимыми даже издалека. Но жабо и длинные тонкие усики были такими же, как у Отчаянного. Гостью отличал только цвет — вернее, его отсутствие. Шею ее окружал толстый золотой обруч с рубинами, кон-

цы золотых накогтников тоже украшали рубины, гармонирующие с глазами.

Ласково тычась носом, она оттеснила принца обратно под крышу и вошла следом за ним. Отряхнула промокшие крылья, с которых ручьем потекла вода, едва удостоила взглядом всех остальных и свернулась вокруг Юнсина, что-то тихо ему говоря. Слуги, принесшие ей обед, выказывали все признаки страха. С другими драконами они держались гораздо свободнее, а присутствие Отчаянного заметно их радовало. Драконица не обращала на них никакого внимания и ела быстро и аккуратно, ничего не роняя.

Наутро принц кратко представил ее как Лун Тен Лян и увел завтракать. Хэммонд расспросил китайцев и за собственной утренней трапезой рассказал спутникам следующее:

— Она точно селестиал и скорее всего альбинос. Ума не приложу, почему они все ее так боятся.

— Она траурной масти и потому приносит несчастье, — внес ясность Лю Бао, когда к нему обратились за разъяснениями. — Император Цяньлун хотел подарить ее монгольскому принцу, чтобы проклятие не коснулось его сыновей, но Юнсин воспротивился этому. Селестиал, по его мнению, должен был остаться в семье. Лян

отдали ему, уступив его просьбам, и он как владелец проклятого дракона потерял право на трон — ведь такой император означал бы погибель для государства. Императором стал его брат, носящий имя Юнъянь. Такова воля Неба! — Лю Бао философически пожал плечами и отправил в рот поджаренный хлебец. Хэммонда и Лоуренса глубоко поразило это известие. Гордость — одно дело, но принцип, ради которого жертвуют троном, — совсем другое.

Драконов-носильщиков поменяли — один был той же породы, другой чуть крупнее, темно-зеленый с голубыми прожилками и без рожек. Новенькие взирали на Отчаянного с тем же почтением, а Лян явно побаивались. Отчаянный, успевший примириться со своим гордым одиночеством, с большим любопытством косился на Лян. В конце концов она ответила ему прямым неприязненным взглядом, и он пристыжено отвернулся.

Утром она показалась обществу в странном головном уборе — ее глаза защищало нечто вроде шелкового балдахина на золотых шпеньках. Лоуренс не понимал, зачем ей это нужно при пасмурном небе, но через несколько часов погода переменилась. В это время они летели над горны-

ми ущельями, чьи южные склоны были покрыты зеленью, а северные представляли собой голый камень. Прохладный ветер подул навстречу, и из-за туч выглянуло нестерпимо яркое солнце. Рисовые поля сменились пшеничными, на лугу паслось стадо бурых коров.

У хижины на соседнем холме поджаривались на вертелах, пуская ароматный дымок, несколько бычков.

— Вкусные, наверное, — с легкой грустью заметил Отчаянный. Бычки соблазнили не только его — один из носильщиков вдруг ринулся вниз. Человек, вышедший из хижины, поговорил с ним и вынес ему дощечку, а дракон нацарапал на ней когтем какие-то иероглифы.

Человек взял себе дощечку, дракон — бычка; очевидно, они заключили сделку. Носильщик примкнул к поезду, на лету уплетая свою покупку вместе с костями и потрохами. Пассажиров он во время своих курбетов даже и не подумал ссадить — бедняга Хэммонд, должно быть, позеленел.

— Могу и тебе купить одного, если тут принимают гинеи, — предложил Лоуренс.

— Не надо, я вообще-то не голоден. — Отчаянного явно занимала другая мысль. — Он ведь написал что-то на доске, правда, Лоуренс?

— Думаю, да, хотя ты понимаешь в китайской письменности куда больше меня.

— Неужели все китайские драконы умеют писать? — закручинился Отчаянный. — Они сочтут меня очень глупым, когда узнают, что я неграмотный. Надо бы поучиться — ведь писать, оказывается, можно не только пером, но и когтем.

Жаркое время дня они переждали в придорожном павильоне — возможно, из любезности к Лян, не любившей яркого солнца. Люди поели, драконы отдохнули, и вечером все снова пустились в путь. На земле через неровные промежутки горели маяки, но Лоуренс ориентировался по звездам. Теперь они летели на северо-восток. Дни стояли все такие же жаркие, но менее влажные, а ночи дарили восхитительную прохладу. Видно было, что это северный край, где бывают холодные зимы: павильоны огораживались стенами с трех сторон, на каменных платформах стояли печки для обогрева полов.

Пекин выходил далеко за пределы городских стен — внушительных, с квадратными башнями и зубцами на манер европейских замков. От ворот разбегались широкие улицы, мощенные серым камнем. Сверху они из-за обилия людей,

лошадей и повозок походили на реки. Много было и драконов, как на улицах, так и в небе. Они перелетали из одного квартала в другой, порой неся на себе целую кучу китайцев. Город с невиданной точностью был поделен на квадраты, и господство прямых линий нарушали только четыре маленьких озера. К востоку от них стоял императорский дворец, состоящий из множества павильонов, огражденный собственными стенами и окруженный рвом с мутной водой. На закате все его кровли сверкали как позолоченные, и деревья с еще не выгоревшей листвой бросали длинные тени на серые площади.

Путников встречал в воздухе дракон небольшого размера — черный, с канареечно-желтыми полосками, в ошейнике из темно-зеленого шелка. Он нес на себе человека, но с другими драконами беседовал сам. Отчаянный по примеру остальных устремился вниз, на круглый островок посреди южного озера, в какой-нибудь полумиле от стен дворца. Широкий беломраморный пирс предназначался, видимо, исключительно для посадки драконов, поскольку лодок на озере не было.

В конце его высилось грандиозное красное сооружение — не то стена, не то здание — с тремя прямоугольниками ворот. В двое боковых,

что пониже, могли пройти во весь рост четверо таких, как Отчаянный, а центральные были и того больше. По бокам от красной громадины несли караул два огромных дракона-императора, очень похожие на Отчаянного, но без манишек — один черный, другой темно-синий. За ними выстроились в две шеренги солдаты с длинными копьями, в синей форме и сверкающих стальных шлемах.

Драконы-носильщики прошли в боковые ворота, Лян направилась прямиком в середину. Отчаянному заступил дорогу черный в желтую полоску дракон. Он низко кланялся и говорил что-то извиняющимся тоном, показывая на тот же центральный проход. Отчаянный дал ему краткий ответ и сел, в явном неудовольствии расплющив на шее жабо.

— Что-то не так? — тихо спросил его Лоуренс. За воротами виднелось великое множество людей и драконов — намечалась, видимо, некая церемония.

— Они хотят, чтобы ты слез и прошел в маленькие ворота, а я в большие. Только я тебя одного не пущу. Глупость какая: трое ворот, и все ведут в одно место!

Лоуренсу очень бы хотелось сейчас получить

совет Хэммонда: полосатый дракон и особенно его всадник пребывали в не меньшей растерянности, чем он сам. Империалы и солдаты стояли неподвижно, как статуи, но на той стороне, видимо, уже начали понимать, что дело неладно. Китаец в богато расшитом синем одеянии, пройдя сквозь боковые ворота, посовещался с полосатым и его капитаном, вопросительно взглянул на Лоуренса с Отчаянным и вернулся назад.

За воротами послышались разговоры. Затем голоса смолкли, и оттуда пришел дракон глянцевито-черной масти, как у Отчаянного, с такими же голубыми глазами и синим узором на крыльях. Прозрачная черная манишка топорщилась между алыми ребристыми рожками. Селестиал — нет, селестиалка — произнесла что-то низким и звучным голосом. Отчаянный сперва замер, потом задрожал, приподнимая собственную манишку.

— Лоуренс, она моя мать.

Глава 13

Лоуренс после узнал от Хэммонда, что центральные ворота предназначены исключительно для императорской семьи, империалов и селестиалов — поэтому капитана и не пускали в них. Цянь разрубила гордиев узел, попросив Отчаянного пролететь над красным порталом.

Преодолев таким образом сложности этикета, гостей провели в самый большой из драконьих павильонов, где стояли два длиннейших стола. Цянь заняла место во главе одного из них. Отчаянный сидел слева от нее, Юнсин и Лян — справа. Лоуренсу указали место чуть ниже, Хэммонда поместили напротив него, остальных британцев усадили за другой стол. Лоуренс счел за благо не возражать против этой условной разлуки, видя, что Отчаянному сейчас все равно не до него. Он разговаривал с матерью так робко и почтительно, будто его подменили. Цянь была крупнее его, и полупрозрачная чешуя вкупе с величавыми манерами говорила о том, что лет ей уже немало. Ни сбруи, ни ошейника она не носила, но ее жабо украшали желтые топазы, а на шее висело обманчиво хрупкое ожерелье филигранного золота

с такими же топазами и жемчугами.

Перед драконами водрузили гигантские медные блюда. На каждом лежал зажаренный целиком олень. Нанизанные на рога апельсины с гвоздикой распространяли приятный для людей аромат, начинка состояла из орехов и красных ягод. Людям подали восемь не менее изысканных перемен. После однообразной дорожной еды путники встретили экзотические деликатесы с нескрываемым удовольствием.

Лоуренс счел, что поговорить ему будет не с кем — разве что с Хэммондом через стол: переводчика поблизости не замечалось. Слева от него восседал престарелый мандарин. С шапки сановника, украшенной драгоценным камнем молочного цвета, свисало павлинье перо, из-под нее спускалась роскошнейшая коса — почти черная, несмотря на морщинистое лицо. Ел и пил он с большой сосредоточенностью, даже не пытаясь завязать с Лоуренсом беседу. Сосед с другой стороны прокричал что-то на ухо мандарину, и Лоуренс понял, что тот, помимо незнания языков, еще и глух.

Тем сильнее было удивление капитана, когда он услышал справа английскую речь с густым французским акцентом.

— Надеюсь, путешествие не слишком вас утомило. — Приветливый веселый голос принадлежал французскому послу, одетому во что-то длинное — скорее в китайском, чем в европейском стиле. Из-за костюма и темных волос Лоуренс поначалу и его принял за местного жителя. — Беру на себя смелость представиться вам вопреки недружественным отношениям между нашими странами. Мое имя де Гинь. В некотором роде мы с вами уже знакомы: мой племянник, по его уверениям, обязан жизнью вашему великодушию.

— Простите, сэр, но я вас не понимаю. Племянник?

— Жан-Клод де Гинь, лейтенант наших воздушных сил, — кланяясь, объяснил посол. — Вы встретились с ним в прошлом ноябре над Ла-Маншем, когда он попытался взять вас на абордаж.

— Боже правый! — Смутно припомнив молодого лейтенанта, который столь храбро сражался за французский конвой, Лоуренс пожал де Гиню руку. — Конечно, я помню его — чрезвычайно отважный молодой человек. Надеюсь, теперь он совсем поправился?

— Да, он сообщает в письме, что скоро выйдет из госпиталя. Оттуда он, конечно, проследует прямо в тюрьму, но это предпочтительнее могилы.

Пишет он и о вашем путешествии, зная, что меня к вашему приезду перевели в столицу. Вот уже месяц, получив это письмо, я с большим удовольствием ожидаю вас здесь, чтобы выразить свое восхищение вашим великодушным поступком.

После столь удачного начала беседа перешла на общие темы: китайский климат, местная кухня, поразительное количество драконов. Лоуренс чувствовал невольную симпатию к де Гиню, собрату-европейцу в недрах восточной державы, — тем более что посол, сам будучи штатским, имел некоторое отношение к французским воздушным силам. По окончании обеда они вместе с другими гостями вышли во двор. Начался разъезд, где средством передвижения служили драконы.

— Очень удобный вид транспорта, верно? — заметил де Гинь, и Лоуренс охотно с ним согласился.

Драконы обычной голубовато-серой породы носили легкую шелковую сбрую, к которой привешивались петли из широких шелковых лент. Первый по очереди пассажир занимал верхнюю петлю, остальные рассаживались ниже. Все крепко держались за основную шлею, что было вполне надежно, пока дракон летел по прямой.

Хэммонд, увидев Лоуренса рядом с французом, широко раскрыл глаза и поспешил подойти к ним. Де Гинь и с дипломатом поговорил не менее дружелюбно. Когда он, извинившись, отошел с двумя китайскими мандаринами, Хэммонд бесцеремонно потребовал, чтобы Лоуренс пересказал ему всю свою беседу с де Гинем.

— Так он ждал нас здесь целый месяц! — Хэммонд, не сказав ничего оскорбительного, умудрился дать Лоуренсу понять, что тот, поверив де Гиню, проявил большую наивность. — Один Бог знает, какие каверзы он придумал за это время. Прошу вас больше не говорить с ним наедине.

Лоуренс сдержал ответ, просившийся на язык, и ушел к Отчаянному. Цянь покинула их последней. Ласково потерев сына носом, она взлетела, и ее черный силуэт растворился в ночи. Отчаянный грустно проводил ее взглядом.

Остров, на котором разместили приезжих, принадлежал императору. При роскошных драконьих павильонах, стоящих на нем, имелись помещения для людей. Лоуренса с его экипажем поселили в самой просторной резиденции, к которой примыкал большой двор. Верхний этаж занимало неисчислимое количество слуг. Лоуренс, глядя, как они снуют по всему дому,

заподозрил, что в их обязанности входит также и надзор за гостями.

Еще до рассвета они начали заглядывать в дверь, проверяя, не проснулся ли он. На четвертый раз Лоуренс сдался и встал. Голова после вчерашних возлияний болела. Не сумев объяснить, что такое умывальный таз, он вышел умыться в пруду. В стене его комнаты над самым полом имелось огромное круглое окно, проделанное как будто специально для этой цели.

Отчаянный распластался на животе в дальнем углу двора и даже хвост вытянул. Он все еще спал, довольно покряхтывая — как видно, ему снилось что-то приятное. По плитам тянулись бамбуковые трубки с горячей водой, обогревавшие двор. Одна из них выходила в пруд, и Лоуренс совершил свое омовение с большим удобством, чем ожидал. Слуги нетерпеливо маячили где-то рядом и были явно скандализованы тем, что Лоуренс перед умыванием разделся до пояса. Когда он вернулся в спальню, ему вручили китайский наряд: мягкие панталоны и длинный кафтан с жестким воротником, принятые здесь повсеместно. Собственная его одежда в дороге сильно измялась, а китайская при всей своей непривычности была чистой и даже весьма удобной, однако он чувствовал себя

крайне неловко без сюртука и галстука.

Некий чиновник, явившийся к завтраку, уже сидел за столом — этим, как видно, и объяснялась суетливость прислуги. Лоуренс слегка поклонился китайцу, назвавшемуся Сяо Вэем, и предоставил Хэммонду беседовать с ним. Чай, ароматный и крепкий, подавали без молока — слуги, когда им перевели просьбу капитана, очень удивились его странному вкусу.

— Его императорское величество великодушно предоставил вам этот кров на все время вашего здесь пребывания, — говорил Сяо Вэй на шероховатом, но вполне понятном английском. Держался он чопорно и с нескрываемым презрением наблюдал, как неумело Лоуренс орудует палочками. — Вы можете гулять во дворе, сколько желательно, но не должны выходить за пределы резиденции без особого на то разрешения.

— Покорно благодарим, сэр, — ответил на это Хэммонд, — но позвольте заметить, что отведенное нам помещение нас не удовлетворяет ни в коей мере. Только капитану Лоуренсу и мне дали отдельные комнаты, притом слишком маленькие и не соответствующие нашему рангу. Остальные наши соотечественники втиснуты в общие спальни.

Лоуренс находил, что китайцы, ограничивая их свободу, поступают довольно нелепо. Столь же нелепым казалось ему и поведение Хэммонда, требующего лучших условий. Из разговора он понял, что для Отчаянного освободили весь остров, на котором вполне вольготно могли разместиться десять драконов. Каждый авиатор имел таким образом возможность поселиться в отдельном доме, но и теперешняя их резиденция была гораздо просторнее корабельных помещений, в которых они провели целых семь месяцев. Он не понимал, зачем нужно требовать большего и почему им не позволяют ходить по всему острову. Но Хэммонд и Сяо Вэй продолжали переговоры, держась в рамках строгой учтивости.

Китаец в конце концов уступил и разрешил им прогулки по острову в сопровождении слуг, «не выходя при этом на берег, на пристань и ни в коем случае не мешая прохождению караулов». Хэммонд удовлетворился этим.

— Его величество, однако, желает, — добавил Сяо Вэй, отпив глоток чая, — чтобы Лун Тен Сян посмотрел город. Я покажу ему все что нужно, когда он поест.

— Уверен, что Отчаянный и капитан Лоуренс найдут эту экскурсию весьма познаватель-

ной, — ответил Хэммонд, не дав Лоуренсу и рта раскрыть. — Вы поступили очень любезно, сэр, позаботившись о туземном платье для капитана — в нем он не будет страдать от излишнего любопытства.

Сяо Вэй, хотя и показывал всем своим видом, что не имеет никакого отношения к одеянию Лоуренса, принял свое поражение как достойный игрок.

— Надеюсь, мы сможем отправиться в скором времени, капитан, — сказал он с легким кивком.

— Мы будем гулять в самом городе? — заволновался Отчаянный. Он сидел, вытянув переднюю лапу, а слуги намывали каждый его коготь мыльной водой. С его зубами проделали то же самое: молодая служанка забралась ему в пасть, чтобы почистить задние.

— Разумеется, — с искренним удивлением ответил ему Сяо Вэй.

— Возможно, вам покажут учебный полигон для драконов, если в городе есть такой, — вставил Хэммонд. — Уверен, тебе это будет интересно, Отчаянный.

— Да-да. — Жабо туриста уже трепетало от предвкушения.

Хэммонд многозначительно посмотрел на

Лоуренса, но тот сделал вид, будто не замечает. Капитан не имел желания играть роль шпиона или затягивать экскурсию, какой бы интересной она ни была.

— Ну что, Отчаянный, ты готов? — спросил он.

С острова их перевезли на красивой, но неуклюжей барже. Под тяжестью Отчаянного она раскачивалась с боку на бок даже на этом крошечном озере. Лоуренс держался поближе к неумехе-кормчему, страстно желая отнять у этого парня руль. Короткое расстояние до противоположного берега они преодолевали вдвое дольше, чем следовало. Сопровождал их солидный вооруженный эскорт. Большинство солдат шли впереди и расчищали дорогу, но человек десять, толкаясь, неотступно следовали за Лоуренсом. Сделать хоть шаг в сторону он не сумел бы при всем желании.

Пройдя через еще одни красные с золотом врата в крепостной стене, они оказались на очень широкой улице. Портал охраняли императорские гвардейцы и двое драконов: один уже знакомой красной породы, другой ярко-зеленый с красными метинами. Их капитаны сидели тут же под навесом и пили чай, скинув ввиду жары форменные толстые куртки. То, что они женщины,

сомнений не оставляло.

— Я вижу, у вас тоже есть капитаны женского пола, — сказал Лоуренс Сяо Вэю. — Им поручают драконов каких-то определенных пород?

— Женщины сопровождают всех драконов, поступающих на военную службу. Такой выбор, конечно, способен сделать лишь дракон низшей породы. Например, изумрудник — вон тот, зеленый. Они слишком медлительны и ленивы, чтобы сдавать экзамены. Алые же цветки слишком драчливы и потому годятся только для военного поприща.

— Значит, в военной авиации у вас служат одни лишь женщины? — Лоуренс был уверен, что неправильно понял китайца, но тот согласно кивнул. — Отчего же это? Ведь не призываете же вы женщин в пехоту или во флот?

Сяо Вэй, видя его изумление, счел, видимо, нужным отстоять эту национальную особенность и рассказал Лоуренсу легенду. Одна девушка будто бы переоделась мужчиной, назвалась именем своего отца, села на боевого дракона и спасла империю, выиграв решающее сражение. После этого тогдашний император разрешил брать девушек в авиацию.

За этими красивыми метафорами прогляды-

вали реальные факты. Во времена всеобщей военной повинности каждый глава семейства обязан был либо сам отслужить в армии, либо послать на службу одного из детей. Девочек, ценимых гораздо менее мальчиков, старались сбагрить в первую очередь. А поскольку служить те могли только в авиации, то постепенно сделались там преобладающей силой и в конце концов совсем вытеснили мужчин.

Под традиционную поэтическую версию этой легенды (Лоуренс подозревал, что в переводе она много теряет) они пришли к большой площади, мощенной серыми плитами. Там было полным-полно детей и драконьих детенышей. Мальчики, подвернув ноги, сидели в первых рядах, драконята расположились сзади. Все они пронзительными голосами наперебой повторяли за учительницей, стоящей на возвышении и читающей что-то вслух из большой книги.

— Вы хотели видеть нашу школу, — сказал Сяо Вэй. — Это, конечно, начальный класс — они только что начали проходить Изборники.

Лоуренса особенно поразило то, что драконы здесь учатся в школе и сдают письменные экзамены.

— Мне кажется, они не разбиты на пары, — за-

метил он и добавил, видя непонимающий взгляд китайца: — Дети сидят не рядом со своими драконами — притом мальчики, по-моему, слишком малы.

— Эти драконята вылупились недавно, и спутников им выбирать еще рано. Они сделают это, когда им будет пятнадцать месяцев, а мальчики тем временем подрастут.

Изумление Лоуренса перешло все пределы. Он всегда слышал, что дракона следует приручать сразу же по выходе из яйца, иначе тот станет диким и улетит, но пример китайцев служил прямым доказательством обратного.

— Им очень одиноко, должно быть, — вмешался Отчаянный. — Я очень рад, что Лоуренс встретил меня, как только я вылупился. — Он нагнул голову и ткнул капитана носом. — Кроме того, маленьким я всегда хотел есть, а охотиться самому было бы утомительно.

— Новорожденным детенышам не нужно охотиться, — возразил Сяо Вэй. — Их дело — посещать школу. Есть взрослые драконы, которые высиживают яйца и кормят маленьких. Это намного лучше человеческой заботы: к человеку детеныш неизбежно бы привязался, не умея еще судить о характере и достоинствах предполагае-

мого компаньона.

Лоуренс, чувствуя, что это камешек в его огород, сухо ответил:

— Все дело в отборе людей. У нас человек, как правило, должен прослужить в воздушном корпусе много лет, прежде чем его сочтут достойным присутствовать при появлении на свет дракона. В таких обстоятельствах упомянутая вами ранняя привязанность, как мне кажется, лишь способствует укреплению взаимной дружбы дракона с опекуном.

Их прогулка тем временем продолжалась. Лоуренса заново удивляла ширина улиц — можно было подумать, что их прокладывали в расчете на драконов. Это придавало городу ощущение простора, для Лондона совершенно не свойственное, хотя число жителей здесь и там было, похоже, равным. Отчаянный больше любопытствовал сам, чем служил предметом для любопытства: пекинцы, вероятно, привыкли к редким породам, а вот он прежде в городах не бывал и едва не завязывал шею узлом, глазея по сторонам.

Мандаринов несли в зеленых креслах-паланкинах, и охрана грубо расталкивала прохожих, освобождая им путь. Тут же змеилась, крича и хлопая в ладоши, алая с золотом свадебная

процессия. Гремела музыка, трещали петарды. Невеста пряталась от взоров в крытых носилках — судя по всему, это была богатая свадьба. Немногочисленные мулы везли свои тележки, не обращая внимания на драконов. Ни лошадей, ни карет Лоуренс по дороге не видел — лошади, по всей вероятности, не смирились бы с драконами так легко. Пахло здесь не лошадиным навозом, как в Лондоне, а драконьим, слегка сернистым. Особенно сильный запах доносился с северо-востока, где, должно быть, находились отстойники.

Драконы попадались буквально на каждом шагу. Большинство составляли голубовато-серые, занятые самым разнообразным трудом. Одни уже знакомым Лоуренсу способом перевозили людей, другие тащили грузы. Многие разгуливали одни, без наездников — ошейники на них отличались по цвету, как драгоценности на мандаринах. Сяо Вэй подтвердил, что каждый цвет соответствует определенному чину и что эти драконы состоят на государственной службе.

— Шен-лун как люди: одни умны, другие ленивы. — Следующие слова Сяо Вэя очень заинтересовали Лоуренса: — Лучшие из них дали начало высшим породам. Самые умные вознаграждаются браком с императорами. — Другие породы тоже

встречались на улицах, как с людьми, так и без. Двое империалов, шедших навстречу, вежливо поклонились Отчаянному. Их красные шелковые шарфы были перевиты золотыми цепями и расшиты мелким жемчугом — Отчаянный явно позавидовал такой элегантности.

Вскоре они достигли рыночного квартала с изобилием разных товаров. Здесь были шелка всевозможных цветов, порой гораздо лучшего качества, чем в Лондоне. Синяя хлопчатая ткань, продававшая большими рулонами, тоже различалась по выделке и густоте цвета. Лоуренс в отличие от своего отца не слишком хорошо разбирался в фарфоре, но изящество рисунка, голубого на белом, также превосходило образчики, виденные им в Англии, а ярко расписанные блюда были просто великолепны.

— Отчаянный, спроси, пожалуйста — примет ли он мое золото? — Купец озабоченно смотрел на заглядывающего в его лавку селестиала: похоже, в Китае наконец нашлось место, где драконов встречали не слишком радушно. Посовещавшись с Сяо Вэем, лавочник с подозрением взял в руки английскую полугинею. Он постучал ею о стол и кликнул сына, чтобы тот попробовал монету на зуб: у него самого зубов почти не осталось.

Из задней комнаты высунулась женщина и стала, несмотря на громкие увещевания мужчин, разглядывать Лоуренса. Потом она все-таки скрылась обратно, но в обсуждении участвовать не перестала.

Видя, что купец как будто удовлетворен, Лоуренс выбрал на полке вазу, но хозяин, излив целый поток слов, отобрал ее у него и тоже ушел на зады.

— Он говорит, что эта стоит гораздо дешевле, — перевел Отчаянный.

— Но я дал ему всего-то полфунта, — возразил Лоуренс. Купец между тем вернулся с вазой куда больше прежней. Ее окраска менялась от густо-красной до белизны у самого горла, поверхность блестела почти как зеркальная. Он водрузил это произведение искусства на стол, и даже Сяо Вэй произнес нечто одобрительное.

— Какая красивая! — восхитился Отчаянный.

Лоуренс, не без труда всучивший хозяину еще пару гиней, все-таки чувствовал себя виноватым. Вазу завернули в многочисленные слои полотна, и он уже думал о том, как она выдержит обратное путешествие. Ободренный первым успехом, он принялся вовсю скупать шелк и фарфор. В конце концов Сяо Вэй, заразившись его азартом, поре-

комендовал ему нефритовую подвеску, где были вырезаны начальные строки поэмы о легендарной деве, выигравшей битву верхом на драконе. Такой амулет часто дарили девушкам, выбиравшим авиаторскую карьеру. Лоуренс решил, что Джейн Роланд подарок понравится, и прибавил его к груде других покупок. Свертки Сяо Вэй поручил солдатам. Теперь они, похоже, опасались уже не побега, а того, что Лоуренс навьючит их еще больше.

Цены здесь были значительно ниже тех, к которым Лоуренс привык дома. Он помнил, как комиссары из Макао жаловались на лихоимство тамошних мандаринов, берущих огромные взятки, помимо казенных сборов, но лишь теперь стал понимать размеры чиновничьих аппетитов.

— Как жаль, что торговле с Западом чинят столько препятствий, — сказал он Отчаянному. — Здешние купцы и ремесленники могли бы жить намного богаче, но все товары идут только через Кантон, и наживаются на них одни мандарины. В итоге торговцы не заинтересованы в том, чтобы отправлять товар за границу, а нам достается то, что похуже.

— Может быть, они не хотят продавать свои красивые вещи так далеко, — предположил Отча-

янный. — Как вкусно пахнет! — воскликнул он на мостике через ров, окружавший другой квартал. Здесь по обе стороны улицы тянулись траншеи с пылающими углями. Потные полуголые работники крутили вертела, где поджаривались быки, свиньи, олени, лошади и разная мелкая живность. От соуса, капающего на угли, подымались клубы ароматного дыма. Большинство покупателей здесь составляли драконы, а люди ловко шмыгали между ними.

Утром Отчаянный скушал пару молодых оленей и закусил фаршированными утками. Он не просил есть, но завистливо наблюдал, как небольшой пурпурный дракон уплетает жареных поросят прямо с вертела. Лоуренс заметил неподалеку усталого серого трудягу с потертостями от сбруи на шкуре. Тот не с меньшей грустью отвернулся от подрумяненного бычка и показал на маленького, подгоревшего с одного боку барашка. Покупку он унес в уголок и стал есть медленно, вместе с требухой и костями, чтобы продлить удовольствие.

Если драконы здесь сами зарабатывали себе на пропитание, не приходилось удивляться, что одни из них питаются лучше других. Но Лоуренс находил преступным то, что этот бедняк голодает,

в то время как на императорском острове столько еды пропадает зря. Отчаянный смотрел только на жаркое и ничего другого не замечал. Когда они снова вернулись на широкую проезжую улицу, он медленно выдохнул, не желая расставаться с чудесными запахами.

Лоуренс молчал. Только что виденная им сцена развеяла очарование, естественное для путешественника в чужой столице. Он понял, что далеко не со всеми драконами в этой стране хорошо обращаются. Улицы вокруг теперь выглядели богаче и были почему-то не шире лондонских, но градостроители и здесь позаботились о том, чтобы драконы и люди могли жить в полной гармонии. Лоуренс не мог отрицать, что цель эта ими достигнута в полной мере: нищета, свидетелем которой он стал, лишь подчеркивала всеобщее благоденствие.

Близился час обеда, и Сяо Вэй повел их обратно. Отчаянный тоже притих, и они молча дошли до самых ворот. Там селестиал, как будто совсем не уставший, оглянулся через плечо, а Сяо Вэй что-то сказал ему по-китайски.

— Очень красиво, — ответил Отчаянный, — только сравнить не с чем. В Лондоне и даже в Дувре я не бывал.

У павильона они распрощались со своим гидом. Лоуренс упал на скамью, но Отчаянный продолжал расхаживать взад-вперед, взволнованно подергивая хвостом.

— Не может такого быть! — наконец выпалил он. — Я ходил по улицам, заглядывал в лавки, и никто от меня не шарахался. Ни здесь, ни на юге. В Китае люди совсем не боятся драконов.

— Признаю свою ошибку и прошу у тебя прощения, — ответил Лоуренс. — Теперь я вижу, что людей можно ко всему приучить. В Китае они с детства растут вместе с драконами, вот и не боятся. Но я вовсе не имею в виду, что намеренно лгал тебе, потому что в Британии все по-другому. Должно быть, это дело привычки.

— Тогда я не вижу, зачем нужно держать нас взаперти и не давать людям привыкнуть к нам.

Лоуренс, даже не пытаясь ответить на этот вопрос, улизнул обедать, а Отчаянный все в том же беспокойном настроении лег соснуть. Хэммонд пришел расспросить, что они видели. Лоуренс отвечал односложно, с нескрываемым раздражением, и дипломат удалился, недовольно сжав губы.

— Этот малый очень вам надоел? — спросил, заглянув в комнату, Грэнби.

— Нет, — устало бросил Лоуренс, ополаскивая руки в наполненном из пруда тазу. — Это я был неоправданно груб с ним. Он всего лишь хотел узнать, как здесь выращивают драконов: нужно же ему как-то доказать им, что с Отчаянным в Англии обращались не так уж дурно.

— Ничего; давно пора дать ему укорот. Я тут волосы на себе рвал: просыпаюсь, а он преспокойно мне заявляет, что отправил вас в город с каким-то китайцем. Отчаянный, конечно, не позволил бы причинить вам вред, но в толчее всякое может случиться.

— Все прошло как нельзя более благополучно. Даже наш проводник, поначалу не слишком вежливый, исправился под конец. — Лоуренс посмотрел на свертки, сложенные в углу людьми Сяо Вэя. — Джон, я начинаю думать, что Хэммонд был прав и я, точно старая дева, поднял шум по-пустому. — После сегодняшней экскурсии ему и правда казалось, что принц едва ли опустился бы до убийства. В Китае и так слишком много доводов, говорящих в его пользу.

— Скорее Юнсин не захотел больше ничего предпринимать на борту корабля. Решил подождать, когда вы будете у него под боком, — пессимистически возразил Грэнби. — Здешний

коттедж всем хорош, только уж больно много солдат шляется вокруг.

— Тем меньше причин опасаться чего-то. Если бы меня хотели убить, то могли это сделать уже дюжину раз.

— Отчаянный вряд ли остался бы здесь, если б вас убили императорские гвардейцы: он ведь и так уже подозревает неладное. Думаю, он в таком случае сам перебил бы их всех, а потом постарался найти корабль и уплыть домой. Хотя потерю капитана они очень тяжело переносят… возможно, он просто убежал бы на волю.

— Спорить об этом можно без конца, — нетерпеливо воздел руки Лоуренс. — Сегодня по крайней мере я не заметил ничего, кроме желания произвести на Отчаянного благоприятное впечатление. — Он не стал добавлять, что своей цели китайцы добились без особых трудов. Рассуждать о различиях жизни драконов на Востоке и Западе значило бы проявить нелояльность. Он сызнова вспомнил, что его не готовили в авиаторы, и поостерегся задевать чувства Грэнби.

— Чего ж вы тогда сидите мрачнее тучи? — вопросил тот, и Лоуренс виновато вздрогнул. — Я не удивлен, что ему понравился город: он всегда любил новизну. Но неужели все так уж плохо?

— Дело не только в городе. Драконы здесь — все, а не он один — пользуются большим уважением. Им дается много свободы. Я сегодня видел не меньше сотни драконов, расхаживающих по улицам.

— А если мы, не дай Бог, пролетим над Риджент-парком, тут же поднимется страшный шум и в Адмиралтейство поступит с десяток кляуз, — невесело согласился Грэнби. — И даже захоти мы сесть где-то в Лондоне, у нас ничего бы не вышло: улицы там слишком узкие для кого-то покрупнее винчестера. Здесь, насколько я видел с воздуха, планировка гораздо разумнее. Неудивительно, что драконов у них раз в десять поболе нашего.

Лоуренс, обрадованный тем, что Грэнби воспринял его рассказ без обиды, продолжал:

— Знаете, Джон, здесь детенышам назначают опекунов только в возрасте пятнадцати месяцев. Раньше их воспитывают другие драконы.

— Мне кажется, что делать из них нянек попросту расточительно — но китайцы, наверное, могут это себе позволить. Эх, Лоуренс, нам бы хоть дюжину этих красных, которые тут пропадают без всякой пользы. Прямо слезы на глаза наворачиваются, как посмотришь на них.

— Да, но я вел к тому, что диких драконов тут со-

всем нет. А у нас дичает каждый десятый, верно?

— В наше время уже нет. Длиннокрылов, бывало, теряли целыми дюжинами, пока королеве Елизавете не пришло в голову послать к одному из них свою горничную. Тогда стало ясно, что с девушками они послушные, как овечки — и ксеники тоже. А винчестерам свойственно уноситься прочь, прежде чем кто-то успеет надеть на них сбрую, но теперь они выводятся только под крышей. Им дают полетать, а потом уже приносят еду. Диким становится разве что один из тридцати, не считая яиц, которые пропадают в питомниках. Производители умудряются как-то их прятать от нас.

Разговор прервал вошедший слуга. Лоуренс махнул на него рукой, но тот, беспрестанно кланяясь и дергая капитана за рукав, дал понять, что Шун Кай, пришедший с визитом, приглашает офицеров выпить с ним чаю в большой столовой.

Лоуренс был не в настроении для выхода в свет, а Хэммонд, сопровождавший их в качестве переводчика, все еще дулся. Вместе они составляли крайне неразговорчивую компанию. Шун Кай учтиво осведомился, удобно ли они разместились и как им здесь нравится. Лоуренс отвечал кратко:

его не оставляло подозрение, что китаец хочет выведать что-нибудь об Отчаянном. Оно возросло еще более, когда Шун Кай перешел к цели своего посещения.

— Лун Тен Цянь приглашает вас и Лун Тен Сяна на чай во дворец Десяти Тысяч Лотосов. Она надеется видеть вас у себя завтра утром — до того, как раскроются цветы.

— Благодарю, что доставили приглашение, сэр, — вежливо, но бесстрастно ответил Лоуренс. — Отчаянный очень хотел бы познакомиться с ней поближе. — Отказ вряд ли был возможен, хотя этот визит сулил новые соблазны для Отчаянного.

— Она тоже хочет присмотреться к своему отпрыску, — кивнул Шун Кай. — Ее мнение очень важно для Сына Неба. Быть может, вы расскажете ей о вашей стране и об уважении, которым пользуется там Лун Тен Сян.

Хэммонд, переводя это, быстро присовокупил от себя:

— По-моему, намек достаточно ясен. Сделайте все, чтобы завоевать ее расположение.

— Не понимаю, с чего это Шун Каю вздумалось давать мне советы, — сказал Лоуренс, когда посол удалился. — Он всегда был достаточно вежлив,

но дружелюбия ни в коей мере не проявлял.

— Тоже мне совет, — вставил Грэнби. — Вы бы и сами как-нибудь додумались сказать, что Отчаянному у нас хорошо.

— Да, но без него мы не придали бы столь высокого значения завтрашнему визиту, — возразил Хэммонд. — Для дипломата он сказал очень много — собственно, только это он и мог сказать, не раскрывая перед нами все карты. Это внушает надежду, — добавил он с преувеличенным, как подумалось Лоуренсу, оптимизмом. Хэммонд уже пять раз писал императорским министрам с просьбой о встрече, на которой мог бы предъявить свои полномочия, но письма ему возвращали нераспечатанными. Когда же он попросил о свидании с несколькими другими европейцами, живущими в городе, то получил недвусмысленный отказ.

— Не такая уж она нежная мать, если согласилась отправить сына в такую даль, — сказал Лоуренс Грэнби ранним утром следующего дня. Капитан разглядывал свою парадную смену, вывешенную ночью проветриваться: галстук нуждался в глажке, а рубашка, как он заметил только сейчас, протерлась.

— Обычно они спокойно относятся к детены-

шам, когда те уже вылупились, хотя над яйцами, можно сказать, трясутся. В конце концов дракончик, появившись на свет, способен уже отгрызть козе голову, и материнская забота ему не нужна. Дайте мне: гладить я не мастак, но с иглой управляюсь неплохо. — Грэнби взял у Лоуренса рубашку и сел чинить прореху на рукаве.

— И все-таки она, я уверен, хотела бы, чтобы за ним хорошо присматривали. Странно, впрочем, что она занимает такое высокое положение при дворе. Я всегда думал, что селестиал, чье яйцо согласились отдать за кордон, должен принадлежать к не слишком знатному роду. Спасибо, Дайер, поставьте сюда, — сказал Лоуренс вестовому, который принес ему горячий утюг.

Принарядившись как мог, капитан вышел во двор к Отчаянному. Полосатого дракона приставили к ним для эскорта. Полет был коротким, но интересным: они шли так низко, что видели плющ и другие растения, укоренившиеся на желтой черепице дворцовых зданий, и различали драгоценные камни на шляпах министров — мандарины, несмотря на ранний час, уже сновали по дворам и дорожкам.

Дворец, к которому они направлялись, находился в пределах обширного Запретного Города.

Сверху он узнавался легко: два огромных драконьих павильона стояли по обе стороны длинного, заросшего водяными лилиями пруда. Чашечки цветов еще не раскрылись. Через пруд вели прочные, высоко выгнутые мосты, к югу от него лежал вымощенный черным мрамором двор.

Полосатый проводник опустился туда и встретил гостей низким поклоном. Под кровлями павильонов уже шевелились, просыпаясь, другие драконы. Из южной ниши вылез древний селестиал с длинными висячими усами. Его громадное жабо полностью выцвело, а черная шкура стала такой прозрачной, что сквозь нее просвечивали красным сосуды и мышцы. Еще один полосатый дракон, сопровождающий старца, заботливо подталкивал его носом к освещенному первым солнцем двору. Селестиал, как видно, почти ослеп из-за молочных катаракт на глазах.

Начали выходить и другие здешние жители. Империалы, без усов и манишек, превосходили селестиалов числом. Черные, как Отчаянный, или цвета индиго, все они были темными, за исключением Лян. Она в это самое время появилась из своего отдельного укромного павильона и пошла напиться к пруду. Белая кожа придавала ей какой-то неземной вид; не диво, что все испы-

тывают перед ней суеверный страх, подумалось Лоуренсу. Остальные, завидев Лян, поспешно расступались. Не обращая на них ни малейшего внимания, она сладко зевнула, стряхнула воду с усов и удалилась в сад.

Цянь ожидала гостей в другом павильоне вместе с двумя особенно красивыми империалами. Все трое были украшены дивной красоты драгоценностями. Она приветливо наклонила голову и звякнула когтем в привешенный к столбу колокол, вызывая слуг. Приближенные драконы уступили Отчаянному и Лоуренсу место справа от нее, слуги принесли капитану мягкий стул. Цянь, не начиная беседы сразу, показала на пруд: лучи солнца уже коснулись его, и лотосы распускались плавно, будто в балете. Их действительно были тысячи, и розовые лепестки на темной зелени листьев радовали своей красотой.

Когда распустились последние, драконы дружно застучали когтями по камню — видимо, это были аплодисменты. Лоуренсу принесли маленький столик, драконам — большие фарфоровые чаши, белые с голубым. Всем налили крепкого, почти черного чая. Драконы, к удивлению Лоуренса, пили его с наслаждением и даже вылизывали чаинки со дна. От напитка, чересчур

терпкого, пахло копченым мясом, но капитан из вежливости выпил всю свою чашку. Отчаянный расправился с чаем не менее быстро и задумался, словно не решив еще, понравилось ему или нет.

— Вы проделали очень долгий путь, — сказала Цянь Лоуренсу; переводил слуга, скромно переминающийся с ней рядом. — Надеюсь, вам у нас нравится, но и по дому вы, наверное, сильно тоскуете.

— Офицер на королевской службе должен отправляться, куда прикажут, сударыня, — ответил Лоуренс, спрашивая себя, не намек ли это. — Я ушел в море двенадцати лет и за все эти годы провел с родными не более шести месяцев.

— Мальчику рано покидать дом в таком возрасте. Ваша матушка, должно быть, очень волновалась за вас.

— Она хорошо знала капитана Маунтджоя, у которого я служил. Мы были знакомы семьями, — сказал Лоуренс и добавил, пользуясь случаем: — Но вы, расставаясь с Отчаянным, были лишены даже этого утешения. Я с удовольствием расскажу вам обо всем, что вы захотите узнать.

— Быть может, Мэй и Шу покажут Сяну цветы? — предложила она, назвав Отчаянного китайским именем. Империалы тут же подня-

лись, выжидательно на него глядя.

— По-моему, они и отсюда очень красивые, — заволновался Отчаянный.

Лоуренс, сам порядком встревоженный тем, что будет беседовать с Цянь наедине, заставил себя улыбнуться.

— Думаю, вблизи цветы еще лучше. Я посижу здесь с твоей матушкой.

— Смотрите не докучайте Деду и Лян, — сказала Цянь империалам, и те, кивнув, увели Отчаянного.

Слуги налили Лоуренсу и ей свежего чая, и она не спеша принялась лакать.

— Отчаянный, насколько я поняла, служил в вашей армии. — Осуждение в ее голосе перевода не требовало.

— У нас все боеспособные драконы защищают свою страну. В этом нет никакого бесчестья — они всего лишь исполняют свой долг. Уверяю вас, мы очень высоко его ценим. Драконов у нас немного, и мы дорожим даже самыми простыми из них, а Отчаянный принадлежит к высшему классу.

Цянь издала тихий задумчивый рокот.

— Отчего же у вас так мало драконов, что приходится даже ценнейших посылать на войну?

— Наша страна тоже маленькая — совсем не

такая, как ваша. Когда пришли римляне, на Британских островах водилось лишь несколько диких пород. Путем скрещивания их удалось приумножить. Мы разводим много скота, чтобы хорошо кормить наших драконов, но все-таки до вашего изобилия нам далеко.

Цянь пристально посмотрела на него:

— А во Франции как с драконами?

Прежде Лоуренс был уверен, что в Британии драконоводство поставлено лучше, чем где-либо на Западе; он и о Китае был не слишком высокого мнения, пока не увидел все своими глазами. Еще месяц назад он с гордостью говорил бы о содержании английских драконов. Отчаянный, как и все прочие, получал вдоволь сырого мяса, жил под открытым небом, постоянно упражнялся в своем ремесле и не ведал почти никаких развлечений. Хвастаться этим перед почтенной матроной в ее окруженном цветами дворце было все равно что рассказывать королеве о растущих в свинарнике детях. Если во Франции дела обстоят не лучше, то уж верно и не хуже, а он всегда презирал тех, кто пытается скрыть свои недостатки, черня других.

— Думаю, что французская практика мало чем отличается от нашей. Не знаю, какие вам дали обещания относительно будущего селестиала,

но император Наполеон и сам человек военный. Когда мы отплывали из Англии, он находился на поле брани. Вряд ли он оставил бы дома подаренного ему дракона, уходя на войну.

— Ведь вы тоже происходите из королевского рода, — неожиданно произнесла Цянь. Один из слуг по ее знаку развернул перед ней на столике свиток рисовой бумаги. Посмотрев на рисунок, Лоуренс узнал в нем увеличенную и куда более изящную копию собственной родословной, которую он составил на новогоднем пиру. — Это верно? — спросила Цянь, видя его изумление.

Лоуренсу никогда не приходило в голову, что эти сведения могут дойти до нее или что она заинтересуется ими, но он готов был превозносить себя до небес, лишь бы приобрести ее уважение.

— Да, я действительно принадлежу к древнему и гордому роду — но, как видите, почитаю за честь служить в авиации. — Лоуренс почувствовал себя слегка виноватым — в Англии никто не отозвался бы о его происхождении столь напыщенно.

Цянь кивнула с явным удовлетворением и вернулась к чаепитию, слуга убрал свиток, а Лоуренс стал подыскивать следующую реплику.

— Беру на себя смелость заявить от имени моего правительства, что мы согласны на те же

условия, какие приняли французы при вручении им яйца.

— Здесь нужно многое принять во внимание, — сдержанно проговорила она.

Отчаянный с двумя императорами уже торопился обратно. Навстречу им, возвращаясь к себе домой, шла Лян. Юнсин сопровождал ее, положив руку на ее бок. Драконица двигалась медленно, примериваясь к его шагу; следом тащились слуги с книгами и свитками. Императоры остановились, пропуская ее.

— Почему она такой масти, Цянь? — спросил Отчаянный, вернувшись в павильон матери. — У нее такой чудной вид.

— Не нужно так говорить, — с укором сказала драконица. — Кто способен постичь волю Неба? Лян очень мудрая. Много лет назад она занимала высокий пост в Академии Ханьлинь, хотя ее как селестиала и не вынуждали сдавать экзамены. Кроме того, она твоя родственница. Ее отец — Шу, происходящий от Сянь, как и я.

— О, — с уважением промолвил Отчаянный и робко спросил: — А кто был моим отцом?

— Лун Цинь Гао, император. — Цянь вильнула хвостом — воспоминание, как видно, было приятным. — Сейчас он на юге, в Ханчжоу. Он и его

спутник, принц третьего ранга, путешествуют к Западному озеру.

Лоуренс удивился, услышав, что селестиалы могут вступать в браки с империалами, но Цянь на его осторожный вопрос ответила утвердительно.

— Именно так мы и продолжаем свой род. Браки между селестиалами не приносят потомства. Из самок остались только мы с Лян, — продолжала она, не представляя, как поражают ее слова Лоуренса, — а из самцов, кроме Деда и Чу — только Чуань, Мин и Чжи. И родство между нами слишком близкое.

* * *

— Так их всего восемь? — вытаращил глаза Хэммонд.

— Не понимаю, как они могут продолжать в том же духе, — откликнулся Грэнби. — Не безумие ли оставлять их для одних только императоров? Так ведь вся порода может исчезнуть.

— Иногда у двух империалов рождается селестиал, — сказал Лоуренс, поглощая поздний обед — во время своего затянувшегося визита он чуть не лопнул от чая. Теперь, в семь часов вечера, на дворе было уже темно — Именно так получился

старейший из них. Он-то и породил все четыре или пять поколений.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Хэммонд. — Если их так мало, с какой стати они отдали одного? Чем их так поразил Бонапарт, правитель с далекого континента? Должно быть что-то еще, чего я пока не ухватываю. Прошу меня извинить, джентльмены, — сказал он и вышел.

Лоуренс доел и отложил палочки.

— По крайней мере она не сказала, что ему нельзя остаться у нас, — не слишком бодро заметил Грэнби.

Лоуренс ответил больше для того, чтобы заглушить свой внутренний голос:

— Я не такой эгоист, чтобы мешать ему знакомиться с близкими и с его родиной.

— Увидите, Лоуренс, все еще перемелется, — продолжал утешать Грэнби. — Дракон не расстанется со своим капитаном ни за какие сокровища Аравии — и ни за каких телят христианского мира.

Лоуренс подошел к окну. Отчаянный уже свернулся на теплых камнях двора. Чешуя его блестела при лунном свете, цветущие деревья склоняли над ним свои ветви. Сказочно прекрасный, он отражался в пруду.

— Это правда. Дракон готов многое претерпеть, лишь бы остаться со своим капитаном. Вопрос в том, вправе ли порядочный человек требовать этого от него, — тихо сказал Лоуренс и опустил штору.

Глава 14

Отчаянный упорно молчал, и Лоуренс не знал, как бы поделикатнее выспросить, что его огорчает. Если дракона перестала удовлетворять жизнь в Англии и он хочет остаться, тут уж ничего не поделаешь. Хэммонд спорить не станет: постоянное посольство и договор со здешним правительством для него гораздо важнее, чем возвращение Отчаянного в Британию. Лоуренс, со своей стороны, не желал ускорять такой исход дела.

Цянь на прощание сказала Отчаянному, что он может бывать у нее, когда хочет. К Лоуренсу это приглашение явно не относилось. На следующий день Отчаянный не просился в гости, но грустно смотрел вдаль, все время расхаживал по двору и отклонил предложение капитана почитать ему вслух. В конце концов Лоуренс стал противен сам себе и спросил:

— Не хочешь ли снова повидать Цянь? Уверен, она будет рада тебе.

— Но тебя-то она не приглашала, — сказал Отчаянный, нерешительно растопырив крылья.

— Это только естественно, когда мать хочет видеться с сыном наедине.

Отчаянный радостно ухватился за этот предлог и тут же улетел со двора. Вернулся он поздно вечером, очень довольный и предвкушающий новые свидания с Цянь.

— Я учусь писать и уже знаю двадцать пять иероглифов. Показать тебе?

— Непременно. — Лоуренс не просто хотел сделать Отчаянному приятное — он решил сам выучить китайский язык. Он перерисовывал замысловатые знаки как мог, пользуясь пером вместо кисточки, а Отчаянный называл их ему, будучи явно не в восторге от его произношения. Лоуренс не слишком продвинулся, но его наставнику урок принес столько радости, что капитан сдержался и не стал пенять ему на то, что целый день провел в одиночестве.

Вскоре выяснилось, что ему предстоит борьба не только с собственными чувствами, но и с Хэммондом.

— Первый, совместный, визит был необходим и способствовал вашему с ней знакомству, — заявил дипломат. — Но эти одиночные посещения следует прекратить. Если он полюбит Китай и согласится остаться по доброй воле, нас мигом отсюда выпроводят.

— Довольно, сэр! — гневно отрезал Лоуренс. — Я

не намерен оскорблять Отчаянного предположением, что его естественное желание поближе сойтись с родными равнозначно предательству.

Хэммонд настаивал на своем, и Лоуренсу пришлось оборвать спор весьма решительным образом:

— Если вы хотите, чтобы я высказался прямо, я это сделаю. Я не считаю, что вы вправе командовать мной. Мне не дали никаких распоряжений на этот счет, и ваши попытки принудить меня к повиновению без всяких на то оснований я нахожу крайне неподобающими.

Их отношения, и без того довольно прохладные, после этого совсем охладились. В тот вечер Хэммонд не пришел обедать с Лоуренсом и его офицерами, но на следующее утро явился вместе с принцем Юнсином — еще до того, как Отчаянный успел улететь.

— Его высочество любезно соизволил навестить нас; вы, без сомнения, тоже захотите с ним побеседовать. — Хэммонд сделал заметное ударение на последних словах, и Лоуренс, неохотно поднявшись, изобразил придворный поклон.

— Вы очень добры, сэр; мы, как изволите видеть, устроились очень удобно. — Лоуренс произнес это с холодной вежливостью: Юнсину

он по-прежнему не доверял.

Принц, столь же чопорно наклонив голову, сделал знак мальчику лет тринадцати, пришедшему с ним и одетому в темно-синюю ткань, которую носили здесь все и каждый. Мальчик прошел прямо к Отчаянному, сложил руки перед собой и поклонился, что-то сказав по-китайски.

— Бога ради, скажи ему «да», — торопливо вмешался Хэммонд.

Отчаянный слегка растерялся, но ответил, как следовало полагать, утвердительно. Мальчик тут же взобрался на его переднюю лапу и сел. Лицо Юнсина осталось непроницаемым, как всегда, но складка губ свидетельствовала, что он доволен.

— Пойдемте пить чай, — произнес он и направился в павильон.

— Смотри, чтобы он не упал, — бросил Хэммонд Отчаянному. Мальчик сидел в классической позе, подвернув ноги, и был так же мало склонен падать, как статуя Будды.

— Роланд, — позвал Лоуренс (оба его вестовых занимались во дворе тригонометрией), — угостите его чем-нибудь.

Та обратилась к юному гостю на своем ломаном китайском, а Лоуренс последовал за остальными. Слуги уже поставили Юнсину мягкое кресло с

ножной скамеечкой, а прочим — обыкновенные стулья. Когда они наконец удалились, с великой помпой сервировав чай, Юнсин медленно пригубил напиток.

Хэммонд начал пространно благодарить его за оказанное гостеприимство.

— Прогулка по городу была особенно милым знаком внимания. Позвольте спросить, сэр, не вам ли мы обязаны этим?

— Так пожелал император, — ответил принц. — Полагаю, вы остались довольны увиденным, капитан?

— Да, сэр, — ответил Лоуренс — вопрос едва ли допускал возможность иного ответа. — Ваша столица великолепна.

Принц, слегка искривив губы в улыбке, не стал больше ничего говорить. Этого и не требовалось: разительные контрасты с английскими запасниками были еще свежи в памяти капитана.

Хэммонд вновь отважился прервать затянувшееся молчание.

— Могу ли я осведомиться о здоровье императора? Думаю, вы знаете, сэр, как горячо мы желаем приветствовать его величество от имени нашего короля и вручить ему привезенные нами письма.

— Император в Чэндэ и в Пекин вернется не скоро, — проронил Юнсин. — Придется вам запастись терпением.

В Лоуренсе закипал гнев. Попытка Юнсина навязать Отчаянному какого-то мальчишку была не менее наглой, чем прежние поползновения разлучить капитана с драконом. Между тем Хэммонд нисколько не возражал против этого и вел свою светскую беседу как ни в чем не бывало.

— Спутник вашего высочества — очень приятный юноша, — подчеркнуто сказал Лоуренс. — Быть может, это ваш сын?

— Нет, — кратко и сухо ответил принц.

Хэммонд, чувствуя, что Лоуренс раздражен, поспешил вмешаться.

— Мы все счастливы повиноваться императору, но хотели бы пользоваться некоторой свободой, особенно если приходится ждать — хотя бы той свободой, что предоставлена послу Франции. Вы, без сомнения, помните, сэр, как французы атаковали нас в самом начале пути. Я хотел бы, с вашего разрешения, еще раз заметить, что с нами у вас гораздо больше общих интересов, чем с Францией.

Не дожидаясь ответа, он стал распространяться об опасностях завоевания Европы Наполеоном, о

помехах торговле, могущей принести богатство Китаю, о том, что ненасытный захватчик не остановится, покорив Запад. Возможно, он дойдет до самого порога великой Поднебесной империи.

— Наполеон однажды уже пытался нанести нам удар в Индии и не скрывает, что намерен превзойти Александра. Если он добьется в Азии хоть некоторого успеха, это, как вы должны понимать, еще сильнее разожжет его алчность.

То, что Наполеон покорит всю Европу, победит Российскую и Оттоманскую империи, перейдет через Гималаи, утвердится в Индии и сохранит при этом достаточно энергии для войны с Китаем, казалось Лоуренсу крайне неубедительным. Что до торговли, то этот аргумент не имел никакого значения для Юнсина, яростного поборника самодостаточности своего государства. Тем не менее принц слушал Хэммонда не прерывая. Когда тот в конце своей речи еще раз, с обновленной надеждой, попросил уравнять привилегии английского посольства с французским, принц долго молчал, а затем промолвил:

— У вас ровно столько же свобод, сколько их у де Гиня. Расширять ваши привилегии мы не считаем нужным.

— Быть может, вам неизвестно, сэр, что нам

запрещают покидать остров и сообщаться с должностными лицами даже письменно.

— Французы подчиняются тому же запрету. Не годится чужеземцам бродить по Пекину, вмешиваясь в дела министров и магистратов. У вас и без того найдется много занятий.

Опешивший Хэммонд в кои веки не нашелся с ответом, Лоуренс же решил, что они слишком засиделись за чаем. Ясно, что принц попросту тянет время, пока мальчик подлизывается к Отчаянному. Мальчишка ему не сын; Юнсин, как видно, выбрал среди своих родственников наиболее обаятельного ребенка и дал ему нужные наставления. Лоуренс не боялся, что Отчаянный предпочтет мальчика своему капитану, но и дурака перед придворным интриганом разыгрывать не хотел.

— Нельзя так долго оставлять детей без присмотра. Прошу меня извинить. — Он встал и откланялся.

Принц, как он и ожидал, тоже не пожелал продолжать разговор с Хэммондом. Они вышли во двор все вместе. Юный китаец, к большому удовлетворению Лоуренса, успел слезть и увлеченно играл в камешки с Роланд и Дайером. Все трое грызли корабельные сухари, а Отчаянный вышел

прохладиться на пирс, где дул легкий бриз.

Юнсин сказал что-то резкое, и мальчик виновато вскочил. Роланд и Дайер, вспомнив о покинутых учебниках, тоже смутились.

— Мы просто подумали, что гостя невежливо оставлять одного, — торопливо сказала Роланд.

— Надеюсь, ему понравилось у нас, — мягко ответил Лоуренс. Слыша, что он не сердится, девочка успокоилась. — А теперь за работу.

Вестовые вернулись к своим занятиям, а раздраженный Юнсин, обменявшись парой китайских слов с Хэммондом, увел своего подопечного. Лоуренс расстался с ними без грусти.

— Хорошо уж и то, что де Гиня стесняют не меньше, чем нас, — сказал Хэммонд. — Не думаю, что Юнсин стал бы лгать по этому поводу, хотя и не могу понять, как… Быть может, завтра я выведаю у него еще что-нибудь.

— Прошу прощения?

— Он сказал, что завтра в это же время придет опять, — ответил Хэммонд рассеянно. — Хочет, чтобы это вошло в привычку.

— Хочет, вот как? — Видя, как покорно отнесся Хэммонд к планам Юнсина, Лоуренс вновь распалился: — Что ж, пусть; я не стану больше разыгрывать роль гостеприимного хозяина. А

вот вы меня удивляете. Зачем тратить время на человека, который, как вы прекрасно знаете, не питает к нам ни малейшей симпатии?

— С какой же, собственно, стати он или любой другой китаец должен симпатизировать нам? — возразил Хэммонд. — Мы здесь именно для того, чтобы завоевать их дружбу, и если он предоставляет нам такой шанс, мы просто обязаны попытаться. Удивляюсь, сэр, что вежливая беседа за чаем так для вас тягостна.

— Значит, вам безразлично, что он пытается меня отстранить? — ощетинился Лоуренс. — Что ж вы раньше так бурно протестовали?

— Вы имеете в виду мальчика? — осведомился Хэммонд с почти оскорбительным недоверием. — Я, со своей стороны, поражен, что вы подняли тревогу только сейчас. Возможно, вы боялись бы меньше, если б хоть немного прислушивались к моим советам.

— Я не боюсь, однако не намерен терпеть ежедневные вторжения, предпринимаемые с единственной целью меня оскорбить.

— Позвольте напомнить вам, капитан: если я, по собственным вашим словам, не командую вами, то и вы мной не распоряжаетесь. Дипломатическая миссия, благодарение Богу, была

недвусмысленно поручена мне. Если б мы положились на вас, вы уже летели бы обратно домой, благополучно загубив добрую половину нашей восточной торговли.

— Поступайте как вам угодно, сэр, но лучше предупредите его, что больше я его протеже наедине с Отчаянным не оставлю. Думаю, после этого вам будет не столь уж легко «завоевать его дружбу». Не воображайте также, что мальчишка сможет прокрадываться сюда у меня за спиной.

— Бесполезно говорить, что я не способен на такого рода поступки, — гневно покраснел Хэммонд. — Вы заведомо считаете меня лжецом и бессовестным интриганом.

Он ушел, и Лоуренс устыдился. Сам он при таких обстоятельствах мог бы вызвать собеседника на дуэль. Увидев на следующее утро, как Юнсин с мальчиком уходят несолоно хлебавши, он попытался как-то загладить свою вину, но Хэммонд не пожелал слушать его извинений.

— Теперь уж не важно, в самом ли деле он замышлял недоброе или просто обиделся, что вы к нам не вышли, — ледяным тоном сказал дипломат. — Простите, я должен написать несколько писем.

Лоуренс пошел проститься с Отчаянным и

совсем расстроился, видя, как тому не терпится улететь. Хэммонд, видимо, прав: льстивые речи ребенка ничто по сравнению с обществом Цянь, хотя ее побуждения в отличие от замыслов принца совершенно чисты. Если уж быть честным, жаловаться следует не на Юнсина, а на нее.

В доме сквозь все бумажные перегородки чувствовался гнев Хэммонда, поэтому Лоуренс решил отсидеться в драконьем чертоге и заняться собственной корреспонденцией. Нужда в этом вряд ли была: он уже пять месяцев ни от кого не получал писем, а с ним самим не случалось ничего интересного вот уже две недели, со времени приезда в Пекин. Не о ссоре же с Хэммондом писать, в самом деле.

Он задремал над очередным письмом и проснулся оттого, что Шун Кай тряс его за плечо, говоря:

— Проснитесь, капитан Лоуренс.

— В чем дело? — машинально спросил капитан и тогда только сообразил, что Шун Кай говорит по-английски — скорее с итальянским, чем с китайским акцентом. — Так вы знаете наш язык? — Ему вспоминались все случаи, когда Шун Кай стоял на драконьей палубе и слушал их разговоры, понимая каждое слово.

— Сейчас нет времени объясняться. Идемте со мной: вас хотят убить вместе со всеми вашими спутниками.

Было около пяти часов пополудни; клонящееся к закату солнце позолотило озеро и деревья в дверях павильона, птицы чирикали на стропилах, где у них были гнезда. Слова Шун Кая, произнесенные самым спокойным тоном, показались Лоуренсу вопиюще нелепыми.

— Я не намерен бежать, не получив никаких объяснений, — заявил он, возмущенно поднявшись с места. — Грэнби!

— Все в порядке, сэр? — Блайт, делавший что-то во дворе, заглянул в павильон. Грэнби уже бежал к ним.

— Нас, видимо, собираются атаковать, мистер Грэнби. Этот дом не слишком пригоден для обороны, поэтому мы перейдем в южный павильон с внутренним бассейном. Выставим часового и сменим замки на всех пистолетах.

— Есть! — ответил Грэнби и поспешил прочь. Блайт, как всегда молчаливый, подал Лоуренсу одну из коротких сабель — он как раз точил их, — а остальные унес.

— Вы делаете большую глупость, — сказал, следуя за Лоуренсом, Шун Кай. — Сюда придет са-

мая крупная в городе шайка хунхузов. Я пригнал лодку, и у вас есть еще время уплыть.

Лоуренс осмотрел вход в южное здание. Колонны с каменным низом и деревянным верхом, около двух футов в диаметре, вполне надежны, выкрашенные в красный цвет стены сложены из серого кирпича. Стропила, конечно, деревянные, но глазурованную черепицу поджечь будет не так легко.

— Блайт, нельзя ли сложить из садовых камней что-то вроде помоста для лейтенанта Риггса с его стрелками? Уиллоби, помогите ему. Спасибо. Сэр, — сказал капитан Шун Каю, — вы не сказали, куда хотите меня увезти, не сказали, кто такие эти убийцы и кто их послал. У нас нет причин доверять вам. Вы долго нас обманывали, скрывая, что знаете английский язык. Не знаю уж, что заставило вас открыться, но после того, как с нами здесь обходились, я отнюдь не склонен вручать вам нашу судьбу.

Растерянный Хэммонд, пришедший вместе с другими, поздоровался с Шун Каем по-китайски и сухо осведомился:

— Могу я узнать, что здесь происходит?

— Шун Кай сказал мне, что готовится новое покушение. Попробуйте выпытать у него еще

что-нибудь, а я тем временем приму необходимые меры. Кстати, он превосходно говорит по-английски. — Лоуренс оставил Шун Кая с пораженным Хэммондом и отошел посовещаться с Риггсом и Грэнби.

— Если бы проделать в фасадной стене пару дырок, мы могли бы расстреливать каждого, кто подойдет близко. — Риггс простукивал кирпичи. — Есть и другой способ — сложить баррикаду прямо внутри, но тогда людей с саблями у входа уже не поставишь.

— Стройте баррикаду, — решил Лоуренс. — А вы, мистер Грэнби, попытайтесь заблокировать вход так, чтобы пройти могло не больше трех-четырех человек сразу. Мы станем с саблями и пистолетами по обе стороны от прохода, чтобы не попадать под выстрелы. В перерывах, когда команда мистера Риггса будет заряжать ружья, врага сдержим мы.

— Верно, — поддержал его Риггс. — У нас есть пара лишних ружей, сэр, — вы можете стать вместе с нами за баррикадой.

Лоуренс не клюнул на эту незатейливую уловку.

— Они вам самим пригодятся. Давать оружие в руки не слишком метких стрелкам значит попу-

сту тратить пули.

Кейнс прибежал с корзиной, где лежали на мягком полотне три чудесные вазы.

— Я не привык к таким пациентам, но с перевязками и лубками как-нибудь справлюсь. Расположусь внутри, у пруда. А в вазах будем воду носить. На аукционе каждая, думаю, потянет на пятьдесят фунтов, так что постарайтесь их не ронять.

— Роланд, Дайер, — кто лучше умеет заряжать ружья? — спросил Лоуренс. — Хорошо. Будете оба помогать мистеру Риггсу при первых трех залпах. Затем Дайер перейдет в распоряжение мистера Кейнса и будет носить воду бойцам, когда работа позволит.

— Лоуренс, — заметил вполголоса Грэнби, — я нигде не вижу солдат, хотя они в этот час всегда проходят дозором. Должно быть, их отозвали.

Лоуренс кивнул и сказал дипломату:

— Мистер Хэммонд, займите место за баррикадой.

— Капитан Лоуренс, выслушайте меня, пожалуйста. Лучше нам уехать с Шун Каем. Он ожидает сюда татар[19] — это солдаты, которых

---

[19] Примечания: 19

Татарами англичане называли маньчжур.

бедность вынуждает заниматься разбоем. Их может быть очень много.

— У них и пушки есть? — спросил Лоуренс.

— Нет-нет, — ответил Шун Кай. — Ни пушек, ни даже мушкетов, но какое это имеет значение, если их будет больше ста человек? Некоторые из них, по слухам, даже шаолинем владеют, хотя это и против закона.

— А некоторые находятся в отдаленном родстве с императором, — добавил Хэммонд. — Если мы убьем кого-то из них, нас обвинят в оскорблении трона и выдворят из страны. Право же, нам лучше уехать.

— Оставьте нас ненадолго, сэр, — попросил Лоуренс, и Шун Кай послушно отошел в сторону. — Мистер Хэммонд, вы сами предупреждали, чтобы я остерегался любых попыток разлучить Отчаянного со мной. А теперь представьте: если он вернется сюда и увидит, что мы исчезли вместе со всеми вещами, где он будет искать нас? Он может даже подумать, что мы заключили сделку с китайцами и отдали его им, как и предлагал мне когда-то Юнсин.

— А если он, вернувшись, увидит вас мертвым, как и всех остальных? Шун Кай уже не раз доказывал, что достоин доверия.

— Для меня в отличие от вас пара незначительных советов не перевешивает долгого и вполне сознательного обмана. Нет сомнения, что он шпионил за нами с самого начала пути. Никуда мы с ним не поедем. Через несколько часов вернется Отчаянный — уж столько-то мы продержимся, я уверен.

— Если они не займут его чем-нибудь и не задержат. Будь у китайцев намерение разлучить вас насильно, они уже сделали бы это во время любой из его отлучек. Уверен, Шун Кай сумеет как-то его известить, когда мы окажемся в безопасности.

— Пусть тогда убирается и посылает свое извещение прямо сейчас. Можете отправляться с ним, если хотите.

— Ну уж нет, сэр! — Хэммонд вспыхнул и что-то сказал Шун Каю.

Бывший посол, покачав головой, ушел, а Хэммонд взял из груды оружия абордажную саблю.

Все работали не покладая рук еще четверть часа. Воздвигли баррикаду из трех стоявших в саду валунов причудливой формы, перегородили вход громадной драконьей лежанкой. Солнце уже село, но фонари на острове вопреки обыкновению не зажглись, и вокруг не было видно ни

единой живой души.

— Сэр! — прошипел внезапно Дигби, показывая куда-то. — Два румба вправо, около нашего дома.

— Всем отойти внутрь, — скомандовал Лоуренс. Сам он ничего не видел впотьмах, но у Дигби глаза были помоложе. — Гасите свет, Уиллоби.

Некоторое время капитан не слышал ничего, кроме собственного дыхания, тихого клацанья ружейных затворов и жужжания комаров. Потом его ухо, привыкнув, различило легкий топот бегущих ног — многочисленных ног. Затрещало дерево, раздались какие-то крики.

— Они вломились в наше жилье, сэр, — хриплым шепотом сказал из-за баррикады Хакли.

— Тихо там. — Все примолкли, слушая грохот мебели и звон бьющегося стекла. Мечущиеся факелы бросали в павильон длинные тени, голоса слышались отовсюду, даже с крыши южного павильона. Лоуренс оглянулся, и трое стрелков подняли ружья.

— Мой выстрел, — сказал Риггс, когда у входа возник первый враг. Китаец упал, не успев крикнуть, но на выстрел уже бежали другие, с мечами и факелами. Грохнул залп, уложив еще троих, выпалило запасное ружье, и Риггс скомандовал: — Заряжай!

Китайцы, остановленные внезапной гибелью сотоварищей, толпились у оставшегося прохода. Авиаторы с криками «Отчаянный!» и «Англия!» выскочили из засады и ринулись в бой.

Свет резал Лоуренсу глаза после долгого ожидания в темноте, дым горящего дерева смешивался с пороховым. Теснота не позволяла размахнуться как следует. Сломался один из китайских мечей — от их клинков несло ржавчиной, — упало несколько человек. Англичане понемногу отступали под напором врага.

Дигби, слишком хлипкий для живого заслона, тыкал саблей в каждый просвет.

— Мои пистолеты! — крикнул ему Лоуренс, не имея возможности сам достать их. Капитан, держа саблю обеими руками — одна сжимала рукоять, другая лежала плашмя на клинке, — отбивался сразу от трех противников. Те тоже не могли нанести решающего удара и лишь давили ему на клинок, стараясь сломать его.

Дигби вытащил из кобуры пистолет и пальнул между глаз тому, кто стоял впереди. Двое других невольно отшатнулись назад. Лоуренс, воспользовавшись этим, кольнул одного в живот, а другого повалил, схватившись за рукоять его собственного меча. Дигби ударил китайца в

спину, и тот затих.

— Цельсь! — закричал Риггс, и Лоуренс гаркнул: — Очистить вход! — Он рубанул по голове противника Грэнби, и они вдвоем отошли назад, скользя на увлажнившихся каменных плитах. Кто-то сунул ему в руки кувшин с водой. Лоуренс сделал пару глотков и передал сосуд дальше, вытирая рукавом рот и лоб. Грянул залп, следом еще два выстрела.

Нападающие медлили, поняв, что нужно остерегаться ружей. Они заполняли почти весь двор — Шун Кай не преувеличивал. Лоуренс застрелил человека в шести шагах от себя, стукнул другого рукояткой по голове. Затем англичан снова, до следующей команды Риггса, стали теснить в павильон.

— Прекрасно, джентльмены, — отдуваясь, сказал капитан. Китайцы временно отступили, и Риггс не спешил стрелять, ожидая новой атаки. — Преимущество пока что за нами. Разделимся на две партии, мистер Грэнби. Ваша отдыхает во время следующей атаки, потом меняемся. Терроуз, Уиллоби, Дигби со мной; Мартин, Блайт, Хэммонд — с Грэнби.

— Я могу драться и там, и там, сэр, — вызвался Дигби. — Я совсем не устал, честное слово, — на

меня ведь не напирают.

— Хорошо, только не забывайте пить воду и на всякий случай держитесь сзади. Их тут, сами видите, чертова уйма, но у нас выгодная позиция, и мы определенно выдержим сколько потребуется. Если кого-то ранят, даже легко — сразу идите к Кейнсу на перевязку; недоставало еще, чтобы кто-то из нас истек кровью.

— Только голос подайте, и кто-нибудь вас заменит, — дополнил Грэнби.

Китайцы завопили все разом и снова пошли на приступ.

— Огонь! — скомандовал Риггс.

Теперь, когда защитников стало меньше, им приходилось трудно, однако они успешно держали проход. Барьер укрепляли трупы, лежащие по два и по три вглубь — атакующим поневоле приходилось карабкаться через них. Время между залпами показалось Лоуренсу невероятно долгим, и он был рад отдохнуть, когда ружья наконец выпалили. Он прислонился к стене, попил немного из вазы. Руки, плечи, колени ныли от постоянного натиска.

— У вас пусто, сэр? — спросил Дайер. Лоуренс отдал ему вазу, и мальчуган побежал к пруду, скрывшись за дымовой завесой. Пороховые газы

медленно уходили вверх, в неоглядную высоту под кровлей.

Китайцы опять выжидали, и Риггс не давал команды стрелять. Лоуренс попытался разглядеть, что происходит снаружи, но факелы слепили ему глаза. Он не различал ничего, кроме блестящих, разгоряченных лиц первой китайской шеренги. Сколько времени уже длится бой? Ему не хватало корабельных часов и аккуратно отбиваемых склянок. Два часа определенно прошло, не меньше. Пора уж Отчаянному вернуться домой.

Во дворе снова зашумели и забили в ладоши. Лоуренс непроизвольно схватился за рукоять сабли. Грянули ружья.

— За Англию и короля! — вскричал Грэнби и повел свою смену в бой.

Китайцы, вместо того чтобы атаковать, расступились. Англичане в недоумении переминались у входа. Возможно, у них все-таки есть какая-то пушка, подумал Лоуренс. Миг спустя по открывшемуся коридору помчался один-единственный человек. Казалось, что он хочет броситься на клинки защитников, но за три шага от них он подскочил, оттолкнулся ногой от колонны, пролетел над головами отряда Грэнби, сделал сальто и опустился на каменный пол.

Этот маневр начисто отрицал закон притяжения. Десять футов вверх и столько же вниз без всяких приспособлений, не считая собственных ног! Китайцы тем временем снова вступили в схватку.

— Терроуз, Уиллоби! — взревел Лоуренс, но его маленький отряд и без команды собрался вокруг него.

Акробат был безоружен, но его ловкость превосходила всякое вероятие. Он увертывался от сабель, как в цирке. Лоуренс понимал, что он увлекает их к Грэнби и его людям, где нельзя биться, не рискуя ранить своих.

Капитан вытащил пистолет и привычно проделал необходимые действия, несмотря на темноту и всеобщее замешательство. В уме у него звучал припев пушечного расчета — и там, и тут порядок был одинаковый. Дважды прочистить ствол шомполом, отвести курок, нащупать в кармане бумажный патрон.

Терроуз с криком упал, держась за колено. Уиллоби, держа саблю перед собой, повернулся к нему. Китаец снова подскочил высоко и обеими ногами лягнул его в челюсть. Шея Уиллоби громко хрустнула. Его подкинуло в воздух; он раскинул руки и повалился на пол бесформенной

грудой. Голова его качалась на шее туда-сюда. Китаец перекувыркнулся, упал на плечо и легко вскочил, глядя прямо на Лоуренса.

— Отходи! — вопил сзади Риггс. — Скорее!

Лоуренс рванул зубами патрон, ощутив на языке горькие песчинки черного пороха. Высыпать порох в дуло, вложить круглую пулю, заткнуть бумагой, уплотнить шомполом. Капсюль некогда проверять. Лоуренс поднял пистолет и вышиб мозги китайцу, стоявшему чуть дальше вытянутой руки.

Вместе с Грэнби он потащил Терроуза назад, к Кейнсу. Китайцы пятились в ожидании залпа.

— Простите, сэр, — с плачем повторял Терроуз. Нога у него болталась, как тряпочная.

— Хватит ныть, Бога ради. — Кейнс без всякого сочувствия закатил пострадавшему оплеуху. Тот сразу затих и прикрылся рукой. — Коленная чашечка сломана, — объявил хирург. — Ходить сможет не раньше, чем через месяц.

— Когда вам наложат лубок, будете заряжать ружья Риггсу, — распорядился Лоуренс и вернулся вместе с Грэнби к другим бойцам. — Отдыхать теперь будем по очереди. Хэммонд, вы первый. Скажите Риггсу, пусть все время держит один заряженный мушкет наготове — к нам могут

заслать нового прыгуна.

Хэммонд с трудом переводил дух, на щеках у него горели красные пятна. Кивнув, он хрипло сказал:

— Оставьте свои пистолеты, я заряжу их.

Блайт, жадно пивший из вазы, вдруг поперхнулся и сплюнул.

— Господи боже! — Все так и вздрогнули. На полу билась яркая золотая рыбка в два пальца длиной. — Виноват, сэр. Чую, во рту что-то дрыгается.

Мартин засмеялся, все прочие обменялись ухмылками. Ружья выпалили, и бойцы вернулись на позицию.

Лоуренса удивляло, что атакующие не пытаются поджечь павильон. У них полно факелов, и дерева на острове хоть отбавляй. Они, правда, пробовали выкурить англичан, разводя костры под скатами кровли — но павильон строили, как видно, с умом, да и ветер играл защитникам на руку: весь дым уходил вверх сквозь желтую черепицу. Англичане кашляли, но держались. У пруда воздух был совершенно чист, и все по очереди уходили туда напиться и отдышаться. Мелкие раны, которыми китайцы успели наделить всех до единого, смазывались бальзамом

или перевязывались.

Осаждающие прибегли даже к тарану, срубив одно из деревьев.

— Когда они начнут, разойдитесь в стороны, — приказал Лоуренс, — и рубите их по ногам.

Китайцы, подхватив таран, отважно пошли на штурм, но три ступеньки у входа не позволили им разогнаться. Передних убили, молотя по голове рукоятками пистолетов, и дерево, перекосившись, окончательно загубило атаку. Несколько минут англичане лихорадочно рубили оставленные китайцами ветки, чтобы предоставить обзор стрелкам. После этого китайцы не пытались больше протаранить барьер.

Бой шел, подчиняясь некому мрачному ритму. Передышка после каждого залпа становилась все дольше: огромные потери и неспособность управиться с малой горсткой защитников явно обескураживали китайцев. Каждая пуля била точно в цель. Команда Риггса, наловчившаяся стрелять со спины дракона, где скорость порой составляла тридцать узлов, вряд ли могла промахнуться на каких-нибудь тридцати ярдах. Каждая минута рукопашной схватки растягивалась при этом раз в пять. Лоуренс стал отсчитывать время по залпам.

— Лучше ограничиться тремя выстрелами на один раз, сэр, — сказал, кашляя, Риггс, когда Лоуренс в свою очередь подошел к нему. — Разницы никакой, они все равно не прорвутся. Я захватил все патроны, какие были, но мы ведь не пехота, будь она проклята. Терроуз делает нам новые заряды, но пороха, думаю, осталось еще раз на тридцать, не больше.

— Этого должно хватить, — рассудил Лоуренс. — Постараемся подольше задерживать их между залпами и отдыхать будем через раз. — Он добавил в общую груду свои и Грэнби патроны. Их было всего-то семь, но это означало два лишних залпа, а ружья приносили больше пользы, чем пистолеты.

Умываясь у пруда, капитан улыбнулся при виде золотых рыбок. Глаза успели привыкнуть к сумраку, и он хорошо различал их. Он прополоскал свой пропотевший шейный платок, расстелил его на камнях сушиться и заторопился назад. С открытой шеей стало гораздо легче.

Прошло еще сколько-то времени. Лица врагов расплывались перед глазами. Лоуренс, сражаясь плечом к плечу с Грэнби, услышал сзади тоненький голос Дайера:

— Капитан! Капитан! — Но он никак не мог

оглянуться и посмотреть, в чем там дело.

— Я придержу их, — сказал Грэнби и пнул одного китайца в пах тяжелым гессенским сапогом, продолжая рубиться с другим. Лоуренс обернулся назад.

У пруда стояли двое мокрых лазутчиков, третий выбирался на кромку. Они нашли резервуар, питающий этот бассейн, и приплыли сюда под водой. Кейнс недвижимо лежал на полу, трое стрелков, на ходу перезаряжая ружья, бежали к пруду. Хэммонд — сейчас была его очередь отдыхать — бросился на китайцев с саблей. Те отбивались короткими ножами, грозя вот-вот зарезать его.

Дайер метнул полную вазу в того, кто нагнулся с ножом над Кейнсом, попал ему в голову и сбил с ног. Роланд подбежала, выхватила у Кейнса острый крючок и полоснула китайца по горлу. Кровь фонтаном ударила вверх.

Из пруда тем временем лезли новые.

— Стреляй без команды, кто когда сможет! — закричал Риггс. Все выстрелили разом, убив трех только что вынырнувших китайцев. В воде стало расплываться облако крови. Лоуренс пришел на выручку Хэммонду, и они оттеснили двоих с ножами обратно в пруд. Лоуренс заколол одного,

ударил рукоятью другого. Тот рухнул в воду с открытым ртом и начал пускать пузыри.

— Скидывай всех назад, — приказал капитан. — Надо загородить им дорогу. — Он залез в пруд сам, расталкивая тела; сбоку давление воды было сильнее — кто-то пытался выбраться на поверхность. — Риггс, идите и помогите Грэнби. Мы с Хэммондом будем сдерживать этих.

— Я тоже пригожусь. — Высокий Терроуз, дохромав до них, сел на кромку и свесил в воду здоровую ногу.

— Роланд, Дайер, окажите посильную помощь Кейнсу, — бросил через плечо Лоуренс.

Не слыша ответа, он оглянулся. Обоих тошнило в углу.

— Да, сэр, — откликнулась Роланд, вытерев рот. Она походила на жеребенка, нетвердо стоящего на ногах. Кейнс застонал и открыл мутные глаза, когда дети начали его перевязывать. На лбу у него вскочила кровавая шишка.

Давление в бассейне ослабло и постепенно сошло на нет. У входа бухали ружья: Риггс и его люди стреляли в хорошем пехотном темпе. Лоуренс посмотрел туда, но ничего не увидел в дыму.

— Мы с Терроузом управимся тут вдвоем, сту-

пайте! — выдохнул Хэммонд. Лоуренс вылез, слил воду из отяжелевших сапог и побежал обратно.

Стрельба прервалась. Впереди из-за густого, необычайно яркого дыма не было видно ничего, кроме горы трупов. Стрелки перезаряжали мушкеты медленно, трясущимися руками. Лоуренс, спотыкаясь о мертвых, уперся рукой в колонну.

Враги больше не показывались, и англичане выглянули наружу, на утренний свет. Светило солнце. Вспугнутые вороны снялись с мертвецов во дворе и улетели к озеру. Уцелевшие китайцы покинули поле боя. Мартин повалился на колени, звякнув саблей о камни; Грэнби хотел поднять его и тоже упал. Лоуренс на подгибающихся ногах дошел до скамейки, не заботясь о том, что делит ее с убитым. У китайца, совсем еще юноши, на губах запеклась кровь, в груди зияла рана от пули.

Отчаянный так и не прилетел.

Глава 15

Так, почти полумертвыми, и увидел их Шун Кай час спустя. Он настороженно шел от пирса, сопровождаемый небольшим числом вооруженных людей. Их было около десяти, и они в отличие от оборванных бандитов, явившихся сюда ночью, носили гвардейскую форму. Дымные костры угасли сами собой. Британцы оттаскивали трупы в тень, спасая их и себя от слишком быстрого разложения.

Полуослепшие, измученные, они не могли уже оказать никакого сопротивления. Лоуренс, не зная, что стало с Отчаянным и как им всем дальше быть, позволил препроводить себя в лодку, а из нее — в паланкин с вышитыми подушками. Занавески задернули, и он тут же уснул, несмотря на покачивание носилок и крики носильщиков. Через какое-то время паланкин поставили наземь, и Шун Кай заставил его подняться.

— Идемте со мной. — Из других носилок появились Хэммонд, Грэнби и прочие, такие же осовелые. Лоуренс поднялся по ступеням в благословенную прохладу какого-то дома. Здесь пахло благовониями. Комната, в которую его

привели, выходила на зеленый дворик. Лоуренс метнулся вперед, перескочил через низкие перила балкона: во дворе, свернувшись клубком, спал Отчаянный.

Шун Кай воскликнул что-то по-китайски и перехватил его руку, не дав коснуться дракона. Тот поднял голову и с любопытством взглянул на них. У Лоуренса екнуло сердце. Это был не Отчаянный.

Шун Кай опустился на колени и хотел повергнуть Лоуренса рядом с собой, но капитан вырвался и устоял на ногах. Лишь тогда он заметил сидящего на скамье молодого человека лет двадцати, в одеждах из темно-желтого шелка с вышитыми на них драконами.

Хэммонд, шедший следом за Лоуренсом, схватил его рукав.

— Бога ради, станьте и вы на колени. Это, должно быть, Миньнин, наследный принц. — Сам дипломат не медля проделал то, чего требовал от капитана, и коснулся лбом земли, как Шун Кай.

Лоуренс, переводя взгляд с них обоих на юношу, ограничился низким, в пояс, поклоном. Он сознавал, что, попытавшись стать на одно колено, тут же рухнет на оба, а то и ничком повалится. Коутоу он даже перед императором не был готов

совершить, не говоря уж о принце.

Принц, как видно, не счел это оскорбительным и что-то сказал Шун Каю. Тот медленно встал, Хэммонд тоже.

— Он говорит, что здесь мы можем чувствовать себя в безопасности, — перевел дипломат Лоуренсу. — Прошу вас, сэр, верьте ему. Принцу совершенно незачем нас обманывать.

— Не могли бы вы спросить его об Отчаянном? — Хэммонд растерянно уставился на другого дракона, и Лоуренс пояснил: — Это не он. Какой-то другой селестиал, не Отчаянный.

— Лун Тен Сян уединился в Павильоне Вечной Весны, — сказал Шун Кай. — Гонец передаст ему весть о вас, как только он выйдет.

— Здоров ли он? — Лоуренс даже не пытался вникнуть в смысл сказанного; главное для него было понять, почему Отчаянный так задержался.

— Предполагать обратное нет причин. — Ответ был весьма уклончивым, но у изнемогающего от усталости Лоуренса не осталось сил на расспросы. Шун Кай сжалился над ним и добавил мягко: — Да, он здоров. Прерывать его уединение мы не можем, но сегодня он непременно выйдет, и мы приведем его к вам.

Лоуренс так ничего и не понял, но делать пока было нечего.

— Благодарю вас и прошу передать нашу глубочайшую благодарность его высочеству за гостеприимство, которое он нам оказывает. Если наши манеры показались принцу не слишком учтивыми, мы просим простить нас.

Принц кивнул и махнул рукой, отпуская их. Шун Кай снова увел англичан в дом и стоял над ними, пока они не свалились на твердые деревянные лежанки; он явно опасался, как бы они не вскочили опять и не забрели куда не положено. Лоуренс едва не засмеялся невероятности такого предположения и уснул, не додумав эту мысль до конца.

— Лоуренс, Лоуренс, — звал с тревогой знакомый голос. Открыв глаза, капитан увидел Отчаянного, заглядывающего в балконную дверь, и сумеречное небо над ним. — Лоуренс, ты не ранен?

— О Боже! — Хэммонд чуть не скатился на пол, оказавшись нос к носу с драконом. — Я чувствую себя как подагрический старец.

Лоуренс испытывал сходное чувство — все мускулы словно одеревенели.

— Нет, я цел. — Он положил руку на морду От-

чаянного, утешаясь его осязаемой близостью. — А ты, часом, не захворал ли?

Лоуренс не хотел обвинять друга — он просто не мог придумать другой причины, по которой Отчаянный мог дезертировать.

— Нет, — сокрушенно ответил тот, повесив манишку.

Больше он ничего не сказал, а Лоуренс не настаивал, помня о присутствии Хэммонда. Смущение Отчаянного говорило о том, что он чувствует себя виноватым. Если уж чинить ему допрос, то никак не при Хэммонде. Отчаянный убрал голову, чтобы они могли выйти в сад. Лоуренс на этот раз двигался чинно, даже не думая прыгать через перила. Хэммонд и перелез-то с трудом, хотя до земли было не больше двух футов.

Принц уже ушел, но дракон, которого Отчаянный представил как Лун Тен Чуаня, оставался на месте. Он вежливо, без особого интереса, кивнул им и вернулся к большому подносу с мокрым песком, на котором чертил что-то когтем.

— Он пишет стихи, — объяснил Отчаянный.

Хэммонд, поклонившись Чуаню, испустил стон и уселся на табурет. Проклятия, которые он бормотал при этом, приличествовали скорее морскому волку, чем дипломату. Лоуренс, впрочем,

готов был простить ему все за геройское вчерашнее поведение. Он никак не думал, что штатский, тем более настроенный против сражения как такового, окажется на это способен.

— Простите мне мою смелость, сэр, — сказал капитан, — но я бы рекомендовал вам пройтись по саду. Я на опыте убедился, что это помогает лучше всего.

— Да, пожалуй. — Хэммонд с усилием встал и оперся на предложенную ему руку Лоуренса. Поначалу он еле плелся, но молодость взяла свое на первом же круге. Дипломат, в котором ожило любопытство, приглядывался к обоим драконам. В длину двор был больше, чем в ширину. По краям в нем росли высокий бамбук и маленькие сосны, но середина оставалась открытой. Селестиалы лежали там голова к голове, и сравнивать их не представляло труда.

Они и вправду походили друг на друга, как зеркальные отражения, только драгоценности на них были разные. Всю шею Чуаня, начиная от жабо, покрывала золотая, усеянная жемчугом сетка. Она имела роскошный вид, но воевать в ней было бы неудобно. Отчаянный к тому же носил на себе боевые шрамы: круглую вмятину, оставленную на груди шипастым ядром, и более

мелкие, приобретенные в других битвах. Единственным отличием помимо всего этого служило нечто неуловимое в осанке и выражении глаз — Лоуренс не сумел бы объяснить, что именно.

— Не могу поверить, что это случайность, — признался Хэммонд. — Селестиалы все, вероятно, в родстве друг с другом, но чтобы такое сходство? Я их не различаю.

— Мы с ним близнецы, — сказал Отчаянный, услышав его. — Его яйцо было отложено первым, мое вторым.

— Какой же я тупица! — Хэммонд без сил упал на скамью. — Лоуренс… — Просияв, он схватил капитана за руку и потряс ее. — Ну конечно же: они не хотели, чтобы другой принц соперничал с наследником трона, и потому отправили второе яйцо за рубеж. Какое облегчение, боже мой!

— Я не оспариваю ваши выводы, сэр, но как это, собственно, может изменить положение, в котором мы оказались? — спросил Лоуренс, изрядно удивленный этим приливом энтузиазма.

— Как вы не понимаете? Наполеон — всего лишь предлог. Главное то, что его империя расположена на другом краю света. А я-то дивлюсь, почему де Гиня они приветили, а мне и носу за дверь высунуть не дают. Ха! Никакого союза они

с Францией и не думали заключать!

— Этому, безусловно, можно только порадоваться, но их неудача еще не означает улучшения наших дел. Нет сомнения, что китайцы теперь передумали и хотят, чтобы Отчаянный вернулся на родину.

— Да нет же! Поймите, Миньнину по-прежнему невыгодно его возвращение. Он не хочет бороться за престол с кем-то другим. Я блуждал в потемках, но теперь все прояснилось. Сколько нам еще ждать до прихода «Верности»?

— Я слишком плохо осведомлен о течениях и ветрах Чжилийского залива, чтобы судить об этом. Думаю, не меньше недели.

— Ах, поскорей бы дождаться Стаунтона. У меня накопилось с тысячу вопросов к нему. Постараюсь выведать еще что-нибудь у Шун Кая — думаю, теперь он станет менее скрытен. Извините меня, я должен поговорить с ним сейчас же.

— Хэммонд, посмотрите на себя! — запоздало воззвал Лоуренс к уходящему дипломату. Хэммонд потерял одну из пряжек, скреплявших бриджи под коленями, чулки у него пошли стрелками, рубашка была вся в крови. Но раз британцам не позволили взять свой багаж, за внешний вид упрекать их не приходилось. — Что

ж, у него по крайней мере появилась какая-то цель. И отсутствие союза с Францией — хорошая новость, — сказал капитан Отчаянному.

— Да, — без воодушевления ответил дракон. Он вообще большей частью молчал, только помахивал опущенным в пруд хвостом и раскидывал по каменным плитам капли, которые тут же сохли.

Лоуренс, несмотря на уход Хэммонда, не стал сразу требовать объяснений. Он очень надеялся, что Отчаянный заговорит сам.

— Никто из моего экипажа не пострадал? — спросил тот.

— Я должен с прискорбием сообщить тебе, что мы потеряли Уиллоби. Еще несколько человек ранено, но, к счастью, не тяжело.

Отчаянный задрожал и издал тихий скулящий звук.

— Надо было мне прилететь. Будь я там, они бы ни за что не осмелились.

Лоуренс молчал, думая о бедном, напрасно погибшем Уиллоби.

— Ты поступил очень дурно, не прислав нам никакой вести. В смерти Уиллоби твоей вины нет: он погиб еще до того времени, когда ты обычно возвращался домой. И вряд ли я действовал бы как-то иначе, зная, что ты не вернешься. Но

нельзя отрицать, что ты самовольно отлучился из своей части.

Тот же жалобный звук.

— Я ведь нарушил свой долг, да? Значит, я и виновен во всем.

— Нет. Если бы ты известил нас, я не стал бы возражать против твоей задержки: о грозящей нам опасности мы узнали лишь ближе к вечеру. Кроме того, надо быть справедливым: драконов в корпусе не считали нужным знакомить с пунктом об увольнениях. Я должен был сам тебе все разъяснить. Я не пытаюсь тебя утешить, — добавил Лоуренс, видя, как Отчаянный горестно трясет головой. — Ты просто должен понять, что неправильно поступил, но и не винить себя понапрасну.

— Нет, Лоуренс, это ты должен понять. Я прекрасно знал правила, о которых ты говоришь, потому и не стал тебя извещать. Я совсем не хотел задерживаться так долго — просто не заметил, как время прошло.

Лоуренс не знал, что на это ответить. В то, что Отчаянный, всегда прилетавший на остров засветло, не заметил, как промелькнули целые сутки, верилось с огромным трудом. Приди к нему с такой отговоркой кто-то из авиаторов,

Лоуренс напрямик обвинил бы его во *лжи* — и теперешнее его молчание выражало, собственно, то же самое.

Отчаянный, нахохлившись, поскреб когтями по камню. Чуань, слыша этот звук, сплющил жабо и жалобно зарокотал, а Отчаянный выпалил:

— Я был с Мэй.

— С кем, с кем?

— С Лун Цинь Мэй. Она империалка.

Лоуренс испытал почти физический шок понимания. Смесь застенчивости, чувства вины и подавленной гордости в признании Отчаянного все сделала ясным.

— Понимаю. — Лоуренс сдерживал себя, как никогда в жизни. — Ну что ж… ты молод и прежде ни за кем не ухаживал… ты не мог знать, как это затягивает. Я рад, что ты сказал правду — такая причина в некоторой степени извинительна. — Он пытался поверить собственным словам и в самом деле им верил, но не хотел прощать Отчаянного на таком основании. Лоуренс, хоть и поссорился с Хэммондом из-за попытки Юнсина заменить его китайским мальчишкой, никогда по-настоящему не боялся, что Отчаянный разлюбит его. Теперь он неожиданно для себя познал всю горечь истинной ревности.

Уиллоби похоронили в рассветный час, на огромном кладбище за пределами городских стен, куда привел их Шун Кай. Там, несмотря на раннее утро, было уже довольно много китайцев, навещавших родные могилы. Привлеченные Отчаянным и европейскими похоронами, они составили большую процессию, хотя стража и отпихивала чересчур любопытных.

Посторонних набралось несколько сотен, но держались они почтительно и соблюдали полную тишину, когда Лоуренс, сказав несколько слов об усопшем, начал читать молитву.

Гроб поставили в мавзолей из белого камня; углы его крыши смотрели вверх, как у местных домов, и выглядел он даже изысканнее соседних гробниц.

— Простите великодушно, Лоуренс, — сказал Грэнби, — но мне думается, его матери было бы приятно получить рисунок этого склепа.

— Вы правы. Мне следовало самому догадаться. Как, Дигби, сможете изобразить его?

— Позвольте мне поручить это какому-нибудь художнику, — вмешался Шун Кай. — Я стыжусь, что не предложил вам этого раньше. Прошу также сообщить его матери, что все подобающие обряды будут проделаны; принц Миньнин уже назначил

для этой цели юношу из хорошей семьи.

Лоуренс промолчал. Миссис Уиллоби, насколько он помнил, строго придерживалась методистской веры; ей вполне достаточно знать, что сын ее похоронен достойно и за его могилой хорошо смотрят.

После похорон он вместе с Отчаянным и несколькими авиаторами вернулся на остров, чтобы забрать оставленный в спешке багаж. Трупы убрали, но на стенах южного павильона остались пятна копоти, а на камнях — засохшая кровь. Отчаянный посмотрел на все это и отвернулся. В их прежних комнатах раскидали всю мебель, порвали бумажные ширмы, выбросили из разбитых сундуков вещи.

Пока Блайт с Мартином отбирали то, что еще как-то годилось в носку, Лоуренс прошелся по дому. Его собственная комната подверглась полнейшему разгрому — даже кровать перевернули, подозревая, видно, что он под ней прячется. Покупкам, естественно, тоже досталось. Под ногами хрустели осколки фарфора, разодранные в клочья шелка украшали комнату, как богатые драпировки. Развернув завалившуюся в угол красную вазу, Лоуренс замер: на ней не было ни щербинки, и солнце зажигало ее алым пламенем.

Лето было в разгаре. Городские камни за день нагревались, как наковальня, ветер нес желтую пыль из пустыни Гоби на западе. Хэммонд с головой ушел в сложную церемонию переговоров, которые, насколько мог судить Лоуренс, двигались в основном по кругу. Отсылались и получались письма с восковыми печатями, стороны обменивались маленькими подарками. Обещания были весьма расплывчатыми, действий не наблюдалось вовсе. Все, кроме Отчаянного, занятого учением и нежными чувствами, понемногу теряли терпение. Темно-синяя Мэй с желтовато-лиловым узором на крыльях, в прелестнейшем ожерелье из серебра и жемчуга и золотых кольцах на коготках, ежедневно давала милому другу уроки в резиденции принца.

— Мэй — очаровательное создание, — сказал Лоуренс Отчаянному после первого ее посещения. Капитан не просто наказывал себя за ревность: Мэй, насколько он смыслил в драконьей красоте, и вправду была хороша.

— Я рад, что ты тоже так думаешь, — просиял, трепеща манишкой, Отчаянный. — Она вылупилась всего три года назад и только что с честью прошла первый тур экзаменов. Она учит меня читать и писать и очень добра со мной. Никогда

не смеется, если я чего-то не знаю.

Лоуренс был уверен, что таким учеником можно только гордиться. Отчаянный уже овладел искусством чертить когтем на мокром песке; его каллиграфию на глине Мэй тоже хвалила и обещала вскоре перейти к технике вырезания иероглифов в мягком дереве. Лоуренс любил смотреть, как он трудится дотемна, уже после отлета Мэй, любил слушать, как он читает китайские стихи, хотя и не понимал смысла — но особо красивые строфы Отчаянный переводил для него.

Авиаторы, лишенные привычных занятий, скучали. Время от времени принц Миньнин приглашал их обедать. Однажды он устроил концерт, крайне немузыкальный, в другой раз дал цирковое представление. Акробаты, совсем еще дети, поражали своим мастерством. Грэнби пытался проводить на заднем дворе боевые учения, но жара стояла такая, что все спешили убежать в сад.

Со дня их переселения прошло около двух недель. Лоуренс читал на балконе, поглядывая на спящего во дворе Отчаянного, Хэммонд работал за письменным столом в комнате. Вскрыв принесенное слугой письмо, дипломат сказал:

— Лю Бао приглашает нас к себе на обед.

— А не кажется ли вам, Хэммонд, что он может входить в число наших врагов? Я ни о ком не хочу думать плохо, но мы ведь знаем, что он в отличие от Шун Кая в штате Миньнина не состоит. Что, если он служит Юнсину?

— Исключать этого в самом деле нельзя. Лю Бао сам татарин и вполне мог подослать к нам шайку своих соплеменников. Однако он, как мне стало известно, состоит в родстве с матерью императора и в маньчжурском Белом Знамени[20] занимает высокий пост. Его поддержка была бы неоценима для нас, и трудно поверить, что он открыто пригласил бы нас к себе в дом, если бы замышлял недоброе.

Аромат жаркого, встретивший англичан у ворот, изрядно уменьшил их подозрения. Лю Бао велел своему повару, поднабравшемуся опыта в путешествии, приготовить настоящий английский обед. В жареном картофеле, правда, оказалось неожиданно много карри, а пудинг с коринкой вышел жидковат, но говяжий бок с луковицей на каждом ребре был зажарен отменно, и йоркширский пудинг удался как нельзя

[20] Примечания: 20

Знамена — административно-военные формирования при маньчжурской династии Цин. Белое входило в число трех высших знамен.

лучше.

Последние блюда, несмотря на всю добрую волю обедающих, вновь убрали почти нетронутыми. Оставалось неясным, не придется ли уносить таким же манером кое-кого из гостей, Отчаянный же внушал особенно сильные опасения. Ему, по английскому обычаю, подавали только сырое мясо, но повара не удержались и вместо одной коровы с бараном выставили по две туши того и другого, а также свинью, козу, курицу и омара. Расправившись со всем этим, Отчаянный уполз в сад и полностью отключился.

— Ничего, пусть себе спит! — отмахнулся от извинений Лоуренса хлебосольный хозяин. — Мы посидим за вином на освещенной луной террасе.

Лоуренс готовился к худшему, но Лю Бао, вопреки обыкновению, потчевал их вином не слишком настойчиво, и состояние легкого опьянения было даже приятно. Солнце садилось за синие горы, Отчаянный дремал в золотой предвечерней дымке. Лоуренс полностью, пусть и безрассудно, отбросил мысль о принадлежности Лю Бао к вражеской партии. Возможно ли подозревать человека, сидя в его саду после такого замечательного обеда? Даже Хэммонд помимо воли утратил бдительность и моргал, отгоняя сон.

Лю Бао деликатно старался выведать, с чего они вдруг переехали к принцу Миньнину. Новость о нападении татар он воспринял с искренним удивлением и сочувственно качал головой, еще более подтверждая этим свою невиновность.

— С этими хунхузами нужно что-то делать — они совершенно отбились от рук. Один мой племянник связался с ними несколько лет назад, и его бедная мать от волнения едва не сошла в могилу. Но потом она принесла большую жертву Гуаньинь[21] и воздвигла ей алтарь в красивейшем месте своего южного сада. Теперь мальчик женат и прилежно учится. Вам бы тоже не мешало! — Лю Бао толкнул в бок Лоуренса. — Стыдно вам будет, если ваш дракон сдаст экзамены, а вы нет.

— Бог мой! Неужели это имеет для них какое-то значение, Хэммонд? — ужаснулся Лоуренс. Китайский язык, несмотря на все усилия, оставался для него книгой за семью печатями. Держать экзамен перед человеком, изучавшим иероглифы с детства?

— Не беспокойтесь, я просто шучу, — утешил его Лю Бао. — Если уж Лун Тен Сян захочет, чтобы

---

[21] Примечания: 21
Богиня милосердия, наделяемая чертами любящей матери.

его спутником оставался неграмотный варвар, никто не сможет противоречить ему.

— Эпитет, которым он вас наградил, — тоже шутка, — смущенно добавил Хэммонд к своему переводу.

— По их меркам, я и есть неграмотный варвар. Я не настолько глуп, чтобы притворяться, будто это не так, — сказал Лоуренс и добавил, обращаясь к Лю Бао: — Если бы только те, кто ведет с нами переговоры, придерживались вашего мнения, сэр, — но они твердо стоят на том, что спутником селестиала может быть только родственник императора.

— Если дракон никого другого не хочет, им придется смириться, — заверил его Лю Бао. — Почему бы императору не усыновить вас? Это всем бы спасло лицо.

Лоуренс отнесся к этому как к очередной шутке, но Хэммонд так и впился глазами в китайца.

— Такое предложение действительно могут рассмотреть, сэр?

Лю Бао, пожав плечами, снова наполнил чаши вином.

— Почему бы и нет? У императора трое сыновей, и поминальные обряды есть кому исполнять — но лишний тоже не помешает.

— Вы в самом деле хотите внести это на рассмотрение? — спросил Лоуренс Хэммонда, когда они нетвердой походкой брели к своим паланкинам.

— Да, если вы позволите. Идея, конечно, необычная, но ведь ее можно представить как пустую формальность. Право же, — продолжал дипломат с растущим энтузиазмом, — это решает все аспекты нашей проблемы. Китайцы вряд ли станут объявлять войну нации, связанной с ними столь тесными узами, зато торговля с ней станет прямо-таки благим делом.

Лоуренс хорошо себе представлял, что скажет его родной отец по этому поводу.

— Если вы находите эту мысль осуществимой, я не стану препятствовать. — Вряд ли красная ваза сможет умиротворить лорда Эллендейла, когда он узнает, что его сын, как найденыш, обзавелся приемным отцом — будь тот хоть китайским императором.

Глава 16

— Им пришлось бы туго, если б не мы. — Чашку чая Райли принял куда охотнее, чем тарелку с рисовой кашей. — В жизни такого не видел: флотилия из двадцати кораблей и два дракона в придачу. Одни лишь джонки, конечно, наполовину меньше фрегатов, но у китайцев и военные корабли такие же. Сами виноваты — зачем позволили пиратам так обнаглеть?

— Но их адмирал показался мне человеком разумным, — вставил Стаунтон. — Не у всякого достало бы духу позволить спасти себя.

— Дурак бы он был, утонув по собственной воле, — не столь великодушно заметил Райли.

Они прибыли в столицу прямо с корабля и уже успели выслушать поразивший их рассказ о битве на острове. Пришел черед их собственных приключений в Китайском море. Через неделю после выхода из Макао они встретили китайский военный флот, пытавшийся усмирить огромную банду пиратов. Те, обосновавшись на островах Чжоушань, грабили как местные, так и западные суда.

— Но тут подоспели мы, и дело решилось, —

продолжал Райли. — На пиратских драконах огнестрельного оружия не было — с них стреляли из луков, можете вы в это поверить? И снизились они так, что мы бы даже из мушкетов не промахнулись, не говоря уж о перечницах. Отведав перца, они мигом улепетнули, и мы одним бортовым залпом потопили целых три джонки.

— Не говорил ли адмирал, как он намерен доложить об этом сражении? — спросил Хэммонд Стаунтона.

— Нет, он лишь рассыпался в благодарностях. И поднялся к нам на борт, что можно считать уступкой с его стороны.

— Эта уступка позволила ему хорошо рассмотреть наши пушки, — заметил Райли. — Как бы там ни было, мы проводили его до порта и двинулись дальше. «Верность» теперь бросила якорь в Тяньцзине. Как по-вашему, скоро ли мы сможем отчалить?

— Не хотелось бы искушать судьбу, но, возможно, и скоро, — ответил Хэммонд. — Император все еще охотится в своей северной резиденции, и пройдут недели, прежде чем он вернется в Летний Дворец. К этому времени я попытаюсь добиться аудиенции. Я уже внес предложение об усыновлении, о котором писал вам, сэр, — сказал

он Стаунтону. — У него нашлись и другие сторонники, помимо принца Миньнина — и я очень надеюсь, что их число возрастет после услуги, которую вы им оказали.

— Стоянка вызывает какие-то затруднения? — с беспокойством спросил Лоуренс.

— Пока нет, но провизия здесь дороже, чем я представлял. Солониной они не торгуют, а за свежее мясо дерут безбожно. Мы кормим людей рыбой и курятиной.

— Мы уже превысили свой бюджет? — Лоуренс с запозданием пожалел о своих покупках. — Я тоже изрядно поиздержался, но немного золота еще сохранил. Они охотно возьмут его, удостоверившись, что оно настоящее.

— Спасибо, Лоуренс, но я не собираюсь вас грабить. До этого мы пока не дошли. Я просто прикидываю, как мы пойдем обратно — нам ведь дракона придется кормить, так?

Лоуренс ответил уклончиво и предоставил Хэммонду вести разговор.

После завтрака Шун Кай сообщил, что вечером в честь новоприбывших состоится театральное представление.

— Я слетаю к Цянь, Лоуренс, — сказал Отчаянный, заглянув в комнату, где капитан обдумывал

свой туалет. — Ты тоже куда-то собираешься, да?

После ночной атаки его заботливость не знала пределов. Он старался не оставлять Лоуренса без присмотра, изводил подозрениями слуг и предлагал, чтобы при капитане неотлучно дежурили пять авиаторов. Доспехи, которые нарисовал он в своей песочнице, вполне сгодились бы для эпохи крестовых походов.

— Нет, не волнуйся. Я всего лишь пытаюсь сделать себя презентабельным. Передай Цянь поклон от меня. Ты надолго? Нам сегодня нельзя опаздывать — спектакль дают в нашу честь.

— Нет, я скоро. — Отчаянный сдержал слово и вернулся всего час спустя. Жабо у него трепетало от сдерживаемого волнения, в когтях он держал длинный и узкий сверток.

Лоуренс по его просьбе вышел во двор, и Отчаянный вручил ему свою ношу — вернее, сунул. Растерянный капитан развернул шелковую обертку, раскрыл лакированный футляр. На желтой шелковой подушке лежала сабля и ножны к ней. Лоуренс взял ее в руки. Прекрасно уравновешенный клинок, широкий у основания, изогнутый и обоюдоострый на конце, переливался, как хорошая дамасская сталь. На тыльной его стороне имелись два желобка для стока крови.

Рукоять, обтянутую черной кожей морского ската, украшали позолоченные накладки, бусины, мелкий жемчуг. Гарда представляла собой золотую драконью голову с сапфирами вместо глаз. Черные лакированные ножны с крепкими шелковыми шнурами скреплялись позолоченными железными обручами. Лоуренс снял с пояса собственную верную, но небогатую саблю и прицепил новую.

— Ну как, подходит она тебе? — беспокойно спросил Отчаянный.

— Еще как! — Лоуренс обнажил лезвие — его длина как нельзя лучше сочеталась с его собственным ростом. — Замечательная сабля, голубчик, — где ты ее достал?

— Я тут, можно сказать, ни при чем. Цянь восхищалась моей подвеской. Я сказал, что это твой подарок, и мне захотелось подарить тебе что-то в ответ. Тогда она сказала, что когда молодой дракон берет себе спутника, подарок делают обычно его, дракона, родители, и предложила мне выбрать что-нибудь самому. Я и выбрал. — Он смотрел на Лоуренса с глубоким удовлетворением, склоняя голову то вправо, то влево.

— Прекрасный выбор. Ничего лучше я себе вообразить не могу. — Лоуренс чувствовал себя

до нелепости счастливым и успокоенным. Завершая свой наряд, он все время любовался на саблю в зеркале.

Хэммонд и Стаунтон облачились в платье китайских ученых мужей, но все остальные надели зеленые мундиры, выстирали и отгладили галстуки, до блеска начистили сапоги. Роланд и Дайера, тоже отмытых и отглаженных, усадили на стулья и запретили им шевелиться до времени. Райли предстал в синем флотском мундире, коротких бриджах и туфлях. Четверо морских пехотинцев в красном, которых он взял с собой, замыкали процессию.

Посреди двора поставили любопытного вида сцену — маленькую, трехступенчатую, всю в росписи и позолоте. На северной стороне восседала Цянь; слева от нее расположились Миньнин и Чуань, справа оставили место для Отчаянного с британцами. Присутствовало также несколько империалов, включая Мэй. Она, в блистательном уборе из золота и нефрита, кивнула Лоуренсу и Отчаянному со своего места. Белая Лян сидела рядом с Юнсином чуть в стороне от прочих гостей. По сравнению с темной шкурой других драконов ее бледность особенно бросалась в глаза; гордо вздыбленную манишку украшала сетка из золо-

тых нитей, на лбу лежала большая рубиновая подвеска.

— Смотри, вон Минькай, — тихо сказала Дайеру Роланд, показывая на мальчика возле Миньнина. Тот был в таких же темно-желтых одеждах, что и наследный принц. Голову его венчала причудливая шляпа, и держался он очень важно. Видя, что Роланд машет ему, он слегка приподнял руку, опасливо косясь на Юнсина, и тут же ее опустил.

— Откуда вы знаете принца Минькая? Он что, уже бывал здесь? — насторожился Хэммонд. Лоуренс тоже хотел это знать. Вестовым не разрешалось уходить из дворца, и ни с кем из посторонних, будь он даже ребенком, познакомиться они не могли.

— Вы же сами познакомили нас на острове, — удивленно ответила Роланд. Лоуренс посмотрел еще раз. Должно быть, это тот самый мальчик, что приходил к ним с Юнсином — просто из-за церемониального одеяния его трудно узнать.

— Стало быть, Юнсин приводил на остров принца Минькая? — Раскатистая барабанная дробь заглушила дальнейшие слова Хэммонда; барабаны, видимо, были скрыты под сценой и по звуку напоминали двадцатичетырехпушечный залп.

Пьеса, разумеется, шла на китайском языке, но

сценические эффекты были понятны без слов: актеры перемещались по всем трем ступеням, цветы расцветали, облака проплывали, солнце и луна всходили и заходили. Все это сопровождалось танцами и фехтованием. Зрелище захватило Лоуренса, но шум стоял такой, что голова у него разболелась. Он спрашивал себя, как это китайцы разбирают хоть что-то за громом ударных инструментов и постоянным треском петард.

Обратиться за разъяснениями к Хэммонду или Стаунтону возможности не было: эти двое все время общались на языке жестов, не обращая никакого внимания на спектакль, и украдкой наблюдали в театральный бинокль Хэммонда за Юнсином. Облака дыма и пламени, возвестившие о финале первого акта, сильно их раздосадовали.

В коротком антракте им наконец удалось побеседовать.

— Я должен попросить у вас прощения, Лоуренс: вы были правы, — сказал дипломат. — Юнсин явно намеревался сделать мальчика опекуном Отчаянного вместо вас, и теперь мне наконец стал ясен его мотив. Он хочет возвести Минькая на трон и стать при нем регентом.

— Разве император так стар? Или болен? — удивился Лоуренс.

— В том-то и дело, что нет, — многозначительно сказал Стаунтон.

— Насколько я понимаю, джентльмены, вы хотите обвинить принца в государственной измене и братоубийстве, — опешил Лоуренс. — Возможно ли это?

— Мне очень бы хотелось ответить вам отрицательно, — сказал Стаунтон, — но если он все-таки совершит такую попытку, может вспыхнуть гражданская война. Это обернется для нас катастрофой, каким бы ни был исход.

— Не думаю, чтобы дело дошло до войны, — уверенно возразил Хэммонд. — Принц Миньнин далеко не глуп — и его отец, полагаю, тоже. Мальчик у нас побывал инкогнито, что хорошо вписывается в план действий Юнсина — и Миньнин после моего доклада сразу это поймет. Сначала Юнсин хочет вас подкупить на условиях, которые его вряд ли уполномочили предлагать, затем его слуга пытается вас убить. И не забудьте, что хунхузы явились к нам сразу после того, как вы запретили мальчику оставаться наедине с Отчаянным. Все это складывается в четкую и недвусмысленную картину.

Хэммонд говорил громко, забыв о предосторожностях, и вздрогнул, когда Отчаянный гневно

вмешался в их разговор:

— Так, значит, у нас теперь есть доказательства? Значит, это Юнсин хотел причинить вред Лоуренсу и стал причиной смерти Уиллоби? — Он повернул голову к злоумышленнику, сузив зрачки до предела.

— Не здесь, Отчаянный. — Лоуренс торопливо положил руку на его бок. — Пожалуйста, воздержись пока.

— Да-да, — встревожился Хэммонд. — Полной уверенности у меня еще нет — все это только гипотеза, и решение мы в любом случае должны предоставить китайцам.

Актеры взошли на сцену, и беседу на время пришлось прекратить — но Лоуренс чувствовал, что в груди Отчаянного ходят грозные, хотя и беззвучные волны. Жабо у дракона поднялось дыбом, когти напряглись, ноздри раздулись. Он стал равнодушен к спектаклю и не сводил глаз с Юнсина.

Лоуренс поглаживал его, успокаивая. Ему не хотелось даже думать о том, что Отчаянный может выкинуть. Сам он охотно посчитался бы с заговорщиком, но сознавал, что это вряд ли осуществимо. Юнсин приходился императору братом, а заговор, якобы раскрытый Стаунтоном

и Хэммондом, был слишком чудовищным, чтобы китайцы в него поверили.

На сцену под гром цимбал и густой колокольный звон опустились два бумажных дракона. Из ноздрей у них вылетали искры. Почти вся труппа в это время суетилась на нижней ступени с бутафорскими мечами и кинжалами, изображая жестокий бой. Барабаны снова подняли грохот. Лоуренсу показалось, что этот шум вышиб весь воздух из его легких. Он схватился за грудь — ниже ключицы торчала рукоятка ножа.

— Лоуренс! — вскричал Хэммонд.

Грэнби и Блайт, опрокидывая стулья, бросились к капитану. Отчаянный оторвался от наблюдения за Юнсином.

— Все в порядке, — сказал Лоуренс, поначалу не ощутив боли. Он попытался встать и только тут почувствовал, как вокруг лезвия расплывается кровь.

Страшный пронзительный крик Отчаянного заглушил даже гром оркестра. Драконы уселись на задние лапы, барабаны смолкли. В наступившей тишине все услышали голос Роланд.

— Это он бросил, я видела! — кричала она, указывая на одного из актеров.

Тот был одет не столь пышно, как остальные,

и в отличие от них не держал в руках никакого оружия. Видя, что спрятаться ему не удастся, он с запозданием попытался бежать. Другие актеры с воплями шарахались в стороны.

Преступник, пронзенный когтями Отчаянного, успел вскрикнуть только однажды. Отчаянный стряхнул окровавленное тело на землю, удостоверился, что злоумышленник мертв, и снова повернулся к Юнсину. Когда он оскалил зубы и зашипел, Лян заслонила принца собой и подняла когтистую лапу.

Грудь Отчаянного раздулась, жабо натянулось до предела между выставленными вперед рожками — Лоуренс видел такое впервые. Лян, не дрогнув, ступила ему навстречу. В ее рыке слышалось пренебрежение, кровяные сосуды глаз устрашающе вздулись, пергаментно-бледная манишка развернулась во всю ширину.

Люди устремилась прочь со двора. Музыканты волокли за собой инструменты, создавая невыносимый шум, зрители подбирали полы своих одежд и удалялись чуть достойнее, но не менее скоро.

— Отчаянный, нет! — закричал Лоуренс, слишком поздно поняв, что происходит. Все легенды о поединках диких драконов неизменно конча-

лись смертью одного или обоих противников, а белая селестиалка была не только старше, но и крупнее. — Вытащите эту проклятую штуку, Джон, — сказал он Грэнби, разматывая шейный платок.

— Блайт, Мартин, держите его. — Отдав этот приказ, Грэнби взялся за рукоять и выдернул нож, скрежетнувший о кость. Кровь хлынула струей, но ее остановили свернутыми в тампон галстуками.

Отчаянный и Лян все еще готовились к схватке, едва поводя головами. Им было тесно во дворе, занятым сценой и рядами опустевших сидений.

— Бесполезно, — тихо сказал Грэнби Лоуренсу, помогая ему встать. — Раз уж они так настроены, попытка разнять их может стоить вам жизни.

— Ничего. — Лоуренс освободился от рук, поддерживавших его. На ногах он держался довольно твердо. В животе ощущалась дрожь, но боль была не такой уж невыносимой. — Отойдите подальше, — приказал он своим авиаторам. — Принесите сюда наше оружие, Грэнби, — на случай, если этот субъект снова прибегнет к военным действиям.

Грэнби, Мартин и Риггс побежали к дому, остальные начали поспешно перелезать через

стулья. На площади, помимо нескольких зевак, чье любопытство возобладало над здравым смыслом, остались теперь только те, кого происходящее касалось особенно близко. Встревоженная Цянь следила за стычкой неодобрительно, Мэй наблюдала издалека — она поддалась было общей панике, но после вернулась.

Принц Миньнин тоже остался, хотя и на почтительном расстоянии. Рядом с ним, волнуясь, переминался Чуань. Миньнин, поглаживая его, сказал что-то стражникам. Те подхватили юного принца Минькая и унесли прочь вопреки его бурным протестам. Юнсин, даже не двинувшись со своего прежнего места, холодно кивнул Миньнину в знак одобрения.

Белая Лян внезапно рванулась вперед, и Лоуренс вздрогнул — но Отчаянный в последний миг отшатнулся, и красные когти прошли в нескольких дюймах от его горла. Спружинив мощными задними лапами, он сделал ответный прыжок, и теперь уже отступать пришлось Лян. Потеряв равновесие, она расправила крылья и поднялась в воздух. Отчаянный взлетел следом за ней.

Лоуренс бесцеремонно выхватил у Хэммонда театральный бинокль. Лян, более крупная,

превосходила Отчаянного размахом крыльев. Она грациозно описала петлю, собираясь спикировать на него сверху. Но Отчаянный, немного остыв от первоначальной горячки, призвал на помощь свой боевой опыт. Он не стал преследовать Лян и ушел в темноту, за пределы фонарного света.

— Молодец, — сказал Лоуренс.

Лян парила на одном месте, водя головой туда-сюда и всматриваясь своими красными глазами в ночь. Ревущий Отчаянный сам спикировал на нее, но она увернулась с невероятным проворством. В отличие от большинства драконов, атакуемых сверху, она колебалась не больше мгновения и успела даже задеть Отчаянного, когда он пронесся мимо: на черной шкуре остались три красные борозды. Капли крови, казавшиеся черными при искусственном свете, упали на плиты двора. Мэй, жалобно скуля, подползла ближе. Цянь зашипела на нее, но она лишь припала к земле и обвилась вокруг пары тонких деревьев.

Лян, пользуясь превосходящей скоростью, продолжала увертываться, и Отчаянный тщетно расходовал силы в попытках ее достать. Лоуренсу, однако, казалось, что он приберегает кое-что про запас — может быть, из-за раны. Когда Лян, разза-

дорившись, подлетела совсем близко, он обеими лапами полоснул ее по животу и груди. Она закричала от боли и отвернула, хлопая крыльями.

Юнсин вскочил, опрокинув стул. Все его напускное спокойствие исчезло: со сжатыми кулаками он смотрел в небо. Раны выглядели не очень глубокими, но Лян совсем растерялась и зализывала их, неподвижно повиснув в воздухе. Лоуренс еще раньше заметил, что ни у одного из дворцовых драконов нет шрамов на теле: должно быть, они никогда не сражались по-настоящему.

Отчаянный, помедлив и убедившись, что Лян утратила желание нападать, ринулся к своей истинной цели — Юнсину. Лян снова издала крик и устремилась следом, забыв о ранах. У самой земли она настигла его, и оба, свившись, рухнули вниз.

Со стороны казалось, будто какой-то шипящий зверь с множеством лап дерет сам себя. Ни один не обращал больше внимания на царапины, ни один не мог вдохнуть достаточно глубоко, чтобы сокрушить другого «божественным ветром». Хвосты переворачивали деревья в кадках, срезали под корень бамбук. Лоуренс оттащил Хэммонда назад, и оба с грохотом повалились на стулья.

Стряхивая листья с волос, капитан приподнял-

ся на здоровой руке и выглянул из-под груды веток. Драконы подбили одну из колонн на сцене, и все сооружение медленно, почти величественно заваливалось на сторону. Крушение было неизбежно, но Миньнин даже не думал спасаться бегством. Он протягивал Лоуренсу руку, не сознавая, возможно, как велика опасность. Не сознавал этого и Чуань, целиком занятый поединком.

Лоуренс приподнялся и тут же повалился опять, увлекая за собой принца. Сцена рухнула, острые осколки дерева посыпались градом. Лоуренс, заслоняя Миньнина, прикрывал здоровой рукой затылок. Щепки жалили больно даже сквозь плотный суконный мундир. Одна вонзилась в бедро, продырявив бриджи, другая срезала кожу над самым виском.

Потом смертоносный вихрь пошел на убыль, и Лоуренс выпрямился. Юнсин медленно падал. Лицо его выражало крайнее изумление, из глаза торчала длинная щепка.

Отчаянный и Лян наконец расцепились и отскочили в разные стороны, рыча и размахивая хвостами. Отчаянный, оглянувшись через плечо, первым увидел Юнсина. Он замер, держа на весу переднюю лапу. Лян бросилась на него, но он увернулся, и тогда она увидела тоже.

Она стояла, не шевелясь, только ее усики слегка подергивались. По ногам стекали темные струйки крови. Медленно приблизившись к Юнсину, Лян потрогала его носом, словно желала удостовериться в том, что и так уже поняла.

Лоуренс знал, что внезапную смерть порой сопровождают конвульсии, но на этот раз обошлось без них. Юнсин лежал, вытянувшись в свой полный рост. Мышцы обмякли, и лицо, утратив удивленное выражение, стало спокойным. Одна рука с полураскрытыми пальцами откинулась в сторону, другая легла на грудь. Одежда, расшитая драгоценностями, сверкала при свете колеблющихся фонариков. Слуги, стражники и драконы, расположившиеся по краям двора, молчали.

Лян, вопреки опасениям Лоуренса, тоже не издала ни звука. Бережно стряхнув с тела щепки, ветки, листья бамбука, она подняла его и улетела с ним в темноту.

Глава 17

От одергивающих, ощипывающих рук не было никакого спасения. Желтые одежды, расшитые золотыми драконами с глазами из драгоценных камней, гнули к земле. Плечо болело и теперь, через неделю после ранения, но портные, подгоняя рукав, не давали Лоуренсу покоя.

— Не готовы еще? — Хэммонд, заглянув в комнату, начал стремительно выговаривать мастерам по-китайски, и один из них в ажитации ткнул Лоуренса иглой.

— Но ведь нас ожидают к двум? Времени как будто достаточно? — Капитан опрометчиво повернулся, чтобы взглянуть на часы, и на него закричали сразу со всех сторон.

— На аудиенцию с императором приходят заблаговременно, а в нашем случае лучше перестараться, чем опоздать. — Хэммонд, подбирая собственные синие полы, придвинул себе табурет. — Вы хорошо помните, что и в каком порядке должны говорить?

Лоуренс покорно, в который раз, повторил заученное — это по крайней мере отвлекало его от примерки. Наконец его отпустили, но портные

еще долго следовали за ним, устраняя последние недочеты.

Свидетельство юного принца Минькая окончательно доказало вину Юнсина. Мальчику обещали собственного селестиала и спрашивали, не хочет ли он сделаться императором, хотя и не объясняли, каким образом это может произойти. Сторонники Юнсина, выступавшие против всяких сношений с Западом, впали в немилость, позиция Миньнина окрепла, и возражения относительно усыновления Лоуренса отпали сами собой. После императорского указа то, что раньше двигалось черепашьим ходом, помчалось во весь опор. Несметное число слуг во дворце Миньнина укладывало и увязывало пожитки британцев.

Император пребывал сейчас в своем Летнем Дворце, в саду Юань-мин-юань. Лететь из Пекина туда было полдня, и Лоуренса с Хэммондом доставили на место в великой спешке. Гранитные дворы Запретного Города раскалились от солнца, здесь же густая зелень и обширные озера поддерживали прохладу. Лоуренса не удивляло, что летом император предпочитает жить в этом поместье.

Сопровождать их на церемонию разрешили одному только Стаунтону. Остальные во главе

с Грэнби и Райли составляли эскорт, к которому следовало добавить дворцовую стражу и мандаринов — их ссудил Лоуренсу Миньнин в качестве подобающей свиты. Все вместе они вышли из красивого здания, где их разместили, и направились к залу приемов. Шли они около часа, миновав не менее шести ручьев и прудов (гвардейцы то и дело останавливались, указывая на самые примечательные черты ландшафта). Лоуренс начал побаиваться, как бы им в самом деле не опоздать, но наконец они прибыли в огороженный стенами двор и стали ждать, когда император соизволит принять их.

Ожидание затягивалось, парадные одежды пропитывались потом на солнцепеке. Им подали прохладительные напитки и горячие блюда, которые Лоуренс с трудом принудил себя отведать. За молоком и чаем последовали подарки: золотая цепь с безупречной крупной жемчужиной, произведения китайской литературы в свитках, золотые и серебряные накогтники для Отчаянного — такие же носила порой его мать. Он, единственный из всех не страдавший от зноя, тут же примерил их и выставил когти на солнце. Все остальные совершенно осоловели.

В конце концов мандарины, низко кланяясь,

пригласили Лоуренса войти. Следом ступали Хэммонд и Стаунтон, за ними Отчаянный. Зал, открытый свежему воздуху, был увешан легкими драпировками, в больших чашах золотились и благоухали персики. Стульев не было, но у дальней стены имелся драконий помост. Там, рядом с вольготно лежащим селестиалом, на единственном кресле розового дерева восседал император.

Коренастый, широколицый, он мало походил на Миньнина, бледного и субтильного. Над верхней губой у него были небольшие усы без признаков седины, хотя ему было под пятьдесят. Одежда того особенного желтого оттенка, который, помимо императора, могла носить только его личная гвардия, поражала великолепием — но даже английский король не держал себя столь свободно в парадном платье, когда Лоуренс изредка бывал при дворе.

Император не улыбался, лицо его выражало скорее задумчивость, чем недовольство. Когда англичане вошли, он кивнул, а Миньнин, стоявший в числе других вельмож сбоку от трона, слегка наклонил голову. Лоуренс, набрав воздуха, опустился на оба колена. Мандарин свистящим шепотом отсчитывал полагающиеся земные поклоны. Пол из полированного дерева устилали

ковры, и сама процедура не доставляла особого неудобства. Стаунтон и Хэммонд позади тоже исправно кланялись.

Покончив с тягостной формальностью, Лоуренс встал. Взгляд императора смягчился, и все присутствующие испытали явное облегчение. Поднявшись, император подвел Лоуренса к алтарю у восточной стены. Капитан возжег курения и произнес фразы, вбитые в него Хэммондом. Едва заметный кивок дипломата сказал ему, что он выдержал испытание без особо грубых ошибок.

Ему пришлось снова опуститься на колени, теперь перед алтарем. Это, несмотря на все кощунство подобного акта, далось Лоуренсу не в пример легче. Он пробормотал про себя «Отче наш» — это должно было означать, что он и не думал отрекаться от христианской веры. Худшее миновало: теперь вперед выступил Отчаянный, чтобы официально признать его своим спутником. Лоуренс с легким сердцем дал требуемые для этого клятвы.

Император, снова севший на трон, одобрительно кивнул и сделал знак одному из придворных. В чертог внесли стол, который снова уставили прохладительными напитками, и император при посредстве Хэммонда стал расспрашивать

Лоуренса о его семье. Он очень удивился, узнав, что у Лоуренса нет жены и детей, и прочел ему длинную нотацию относительно семейных обязанностей. Капитан вынужден был признать, что пренебрегал ими. Это не особенно его угнетало: он был счастлив, что все сказал правильно и что церемония близится к завершению.

Хэммонд, выйдя из зала, от облегчения чуть не упал в обморок и опустился на скамейку в саду. Слуги поили его водой и обмахивали веером, пока ему не стало чуть легче.

— Поздравляю вас, сэр. — Стаунтон потряс руку дипломата, когда того наконец довели до дома и уложили в кровать. — Я, откровенно говоря, не верил, что такое возможно.

— Спасибо, спасибо, — повторял едва живой Хэммонд.

Лоуренс его стараниями не только вошел в императорскую семью, но и получил собственное поместье в Татарском Городе. Не считаясь посольством официально, оно фактически было им — ведь Хэммонд с разрешения Лоуренса мог оставаться там сколько ему угодно. Даже обряд поклонения полностью удовлетворил обе стороны, поскольку Лоуренс совершил его не как представитель британской короны, а в качестве

приемного сына.

— Хэммонд не говорил вам, что мы уже получили с имперской почтой несколько весьма дружелюбных посланий от мандаринов Кантона? — спросил Стаунтон. — Император сделал нам очень щедрый подарок, освободив на год от пошлин все британские корабли, но эти новые умонастроения со временем принесут еще больше пользы. Полагаю, что вы… — Стаунтон медлил, держась за дверь своей комнаты, — что вы не сочтете возможным остаться здесь? Не могу даже выразить, каким благом это бы стало для нас — хотя дома, конечно, в драконах тоже нуждаются.

С радостью переодевшись в будничную одежду из хлопка, Лоуренс вышел под сень апельсиновых деревьев к Отчаянному. Перед драконом лежал вставленный в рамку свиток, но смотрел он не на него, а на пруд. В воде отражался оранжево-желтый закат и черный горбатый мостик; лотосы закрывались с приходом вечера.

— Я вижу там Лян, — сообщил он Лоуренсу, приветственно ткнув его носом. Белая селестиалка как раз шла через мост, сопровождаемая человеком в синей одежде ученого. Выглядел он как-то странно, и Лоуренс не сразу понял, что все

дело в его прическе: ни бритого лба, ни косички. На середине Лян задержалась и повернула голову. Лоуренс инстинктивно положил руку на шею Отчаянного под ее немигающим красным взглядом.

Отчаянный слегка взъерошил жабо, но Лян уже отвернулась. Неся голову высоко и надменно, она скрылась среди деревьев.

— Хотел бы я знать, что она будет делать теперь, — сказал Отчаянный.

Лоуренс тоже думал об этом. Вряд ли кто-то по доброй воле захочет стать ее спутником: китайцы всегда, еще до последних событий, считали, что она приносит беду. При дворе, насколько он слышал, ее напрямую обвиняли в смерти Юнсина — что она должна была чувствовать, если эти слухи дошли до нее? — а самые нетерпимые полагали, что ее следует отправить в изгнание.

— Возможно, она удалится в какой-нибудь закрытый питомник, — сказал капитан.

— Не думаю, что здесь существуют такие. Нам с Мэй, например, не пришлось… — Отчаянный сконфуженно умолк — будь это доступно дракону, он покраснел бы. — Хотя я могу ошибаться, — поспешно добавил он.

— Мэй очень полюбилась тебе, — сглотнув,

произнес Лоуренс.

— Да, — грустно признался Отчаянный.

Лоуренс помолчал, катая в ладонях недозрелый апельсин-падалицу.

— «Верность» отплывает со следующим приливом, если ветер позволит, — очень тихо сказал он. — Может быть, ты хочешь остаться? Хэммонд и Стаунтон говорят, что здесь мы принесли бы большую пользу Британии, — добавил капитан, видя, как удивился Отчаянный. — Если ты так хочешь, я напишу Лентону с просьбой, чтобы нам позволили служить здесь.

— О-о. — Отчаянный задумчиво склонился над свитком, не читая его. — Но ведь ты хотел бы вернуться домой, правда?

— Я солгал бы, сказав тебе «нет». Но твое счастье для меня важнее всего, и я не знаю, как ты мог бы счастливо жить в Англии, насмотревшись на здешние чудеса. — Лоуренс умолк, не в силах говорить дальше: он чувствовал себя подлым изменником.

— Не все здешние драконы умнее английских, — заметил Отчаянный. — Лили и Максимус вполне могли бы научиться читать и писать, могли бы приобрести какую-нибудь профессию. Это неправильно, что нас держат взаперти, как жи-

вотных, и не учат ничему, кроме военного дела.

— Неправильно, — подтвердил Лоуренс. Мог ли он защищать британскую систему после того, что встречалось им в Китае на каждом углу? Это не довод, что некоторые драконы здесь голодают — он и сам лучше голодал бы, чем отказался от личной свободы. Не станет он прибегать к такого рода уловкам и оскорблять Отчаянного, напоминая ему об этом.

Оба долго молчали. Слуги начали зажигать фонари, молодой месяц взошел и отразился в пруду. Лоуренс бросал в воду камешки, дробя серебристую гладь. Он с трудом представлял себе, что будет делать в Китае. Восседать на шее Отчаянного — вот и все, на что он способен. Язык, хотя бы разговорный, придется все-таки выучить.

— Нет, Лоуренс, так не пойдет, — сказал вдруг Отчаянный. — Не могу я наслаждаться тут жизнью, когда дома воюют. И должен же кто-то рассказать английским драконам, что все может быть совсем по-другому. Мне будет недоставать Мэй и Цянь, но счастье недоступно для меня, пока Максимусу и Лили живется так скверно. Я думаю, что должен вернуться назад и поменять все в лучшую сторону.

Лоуренс не знал, что ответить. Он часто корил

Отчаянного за революционные мысли и склонность к пропаганде, но только в шутку; ему и в голову не приходило, что когда-нибудь Отчаянный займется пропагандой вполне сознательно. Он не знал, как отнесутся к этому власти, но был уверен, что ничего хорошего ждать от них не приходится.

— Отчаянный, так нельзя… — начал он и осекся, видя, как вопросительно смотрят на него эти голубые глаза. — Ты меня пристыдил, голубчик. Конечно же, мы не можем оставить все так, как есть, — ведь теперь нам известно, что существует другой порядок, гораздо лучше.

— Я знал, что ты согласишься, — обрадовался Отчаянный. — Кроме того, — добавил он более прозаично, — мать говорит, что селестиалам не полагается воевать, а учиться и учиться все время не очень-то весело. Поедем-ка лучше домой. — Он снова взглянул на свой пергамент со стихотворными строками. — Корабельный плотник сможет мне сделать такие рамки, ведь правда?

— Целую дюжину, голубчик ты мой. — Лоуренс, преисполненный благодарности и немалого беспокойства, прислонился к Отчаянному и посмотрел на луну. Надо было вычислить, когда наступит прилив, благоприятный для отплытия

в Англию.

Краткий обзор восточных пород с замечаниями относительно научного драконоводства

Выдержки из доклада сэра Эдварда Хоу в Королевском Обществе (июнь 1801)

Пресловутые «несметные орды» восточных драконов, вызывающие на Западе страх наряду с восхищением, стали общим достоянием благодаря трудам путешественников давней и более легковерной эпохи; однако их свидетельства, бесспорно пролившие свет в те области, где ранее царил полный мрак, почти бесполезны для современных ученых. Эти заметки изобилуют преувеличениями, бывшими тогда в большой моде — возможно, что авторами руководило небескорыстное желание заинтриговать читателя, ожидающего найти в книге чудовищ и прочий экзотический колорит.

Собрание этих противоречивых отчетов, из которых одни являются чистым вымыслом, а другие сильно расходятся с истиной, я рекомендовал бы подвергнуть сомнению целиком, не

вдаваясь в частности. В качестве примера назову японских сю-риу, известных драконоведам с 1613 года по запискам капитана Джона Сариса, где способность этих драконов вызывать грозу среди ясного неба предстает как достоверный факт. Я позволю себе оспорить это свидетельство, умаляющее власть самого Юпитера, на основании моих личных наблюдений за одним из сю-риу. Подлинные его способности заключаются в следующем: он заглатывает воду в большом количестве и с силой извергает ее наружу, что делает его чрезвычайно ценным не только в бою, но и при тушении пожаров, постоянно грозящих деревянным постройкам Японии. Неосторожный путешественник, попавший под такую струю, вполне может вообразить, что с небес на него обрушился гром вместе с ливнем — но ни молния, ни тучи потопу не сопутствуют, и сверхъестественные силы, как вряд ли следует добавлять, здесь никоим образом не замешаны.

Сам я постараюсь избежать ошибок подобного рода и представить уважаемой публике одни лишь факты без всяких прикрас…

Можно без колебаний отбросить общепринятое мнение, утверждающее, что в Китае на каждые десять человек приходится по дракону. Если

наши представления о *людском* населении этой страны хоть немного соответствуют истине, то автору, снабдившему нас этими сведениями, было бы попросту негде поставить ногу. Картина храмового сада, где змеиные туловища переплетаются между собой, нарисованная нам братом Маттео Риччи[22] и столь долго занимавшая умы всей Европы, вымышлена не полностью; при этом следует понимать, что китайские драконы большей частью живут в городах, пользуются свободой и часто перелетают с места на место. Дракон, увиденный в полдень на рыночной площади, может оказаться тем самым, что поутру совершал омовение в храме, а вечером отобедает на скотном дворе за пределами города.

Источники, сообщающие о численности драконов в целом, я тоже, к сожалению, не назвал бы надежными. Покойный отец Мишель Бенуа, иезуит и астроном при дворе императора Цяньлуна, рассказывает в своих записках о двух воздушных формациях, проделавших акробатическое представление над Летним Дворцом в день рождения императора; он лично присутствовал при этом с двумя своими помощниками.

---

[22] Примечания: 22

Итальянский иезуит, построивший в Китае первую христианскую церковь (XVII в.).

Эти формации, в которые входит двенадцать драконов, примерно соответствуют самым крупным из европейских воздушных звеньев, и к каждой из них приписано около трехсот человек. Двадцать пять таких подразделений составляют одно из восьми «знамен», или дивизионов, маньчжурских воздушных сил. Всего получается 2400 драконов и 60 тысяч человек. Цифра внушительная, притом нельзя забывать, что со времен основания династии авиация сильно выросла и теперь скорее всего увеличилась вдвое. Можно с уверенностью предположить, что на военной службе в Китае состоит около пяти тысяч драконов. Это число, вполне правдоподобное и в то же время невероятное, позволяет нам в некоторой степени подсчитать, сколько всего драконов обитает в стране.

На Западе хорошо известно, как трудно во время боевых действий прокормить даже сотню драконов. Это сильно ограничивает численность наших воздушных сил. Перегоняемый скот не поспевает за полетом драконов, а драконы не могут брать с собой живую провизию. Совершенно непонятно, как умудряются китайцы снабжать такую огромную армию — впрочем, у них для этого существует особое министерство драко-

ньих дел…

…возможно, древнекитайский обычай нанизывать продырявленные монеты на бечеву проистекал из надобности рассчитываться с драконами. В наши дни его можно считать пережитком, поскольку современная система была учреждена еще при династии Тан. Каждому дракону по достижении зрелости вручают свидетельство, где проставлены имена его родителей и его личный статус. После этого средства на его содержание поступают в казну министерства и выплачиваются по предъявлении квитанций тем торговцам — в основном владельцам скота, — которых дракон выбирает своими поставщиками.

Система, на первый взгляд, невозможная: представьте, что будет, если правительство вздумает рассчитываться таким манером с людьми! Но драконы, как ни странно, фальшивых квитанций никогда не используют. Даже голод и недостаток средств не могут толкнуть их на подобную низость. Это можно было бы счесть проявлением врожденной порядочности драконов или их родовой гордости, но в то же самое время они без зазрения совести берут из неохраняемых стад животных, даже не думая за это платить. Они не расценивают это как воровство; порой

дракон поедает свою добычу у того самого загона, из которого ее взял, и остается глух к жалобам подоспевшего с опозданием пастуха.

Сами скрупулезно честные в расчетах с торговцами, драконы редко становятся жертвами мошенников, предъявляющих министерству собственные поддельные квитанции. Драконы, как правило, ревностно относятся к своему материальному благополучию и постоянно следят за тем, сколько денег было снято с их текущего счета. Не имевшие места сделки разоблачаются, таким образом, очень быстро — а драконы, как известно, не любят воров, даже когда те крадут скрытно. По китайскому закону дракон не подлежит наказанию за убийство человека, уличенного в подлоге такого рода — суд выдает ему мошенника сам. Такой приговор, равносильный смертному, может показаться нам варварским — но и драконы, и их опекуны не раз говорили мне, что это единственный способ утешить обворованного, разобиженного дракона.

То, что упомянутая система существует уже более тысячи лет, объясняется как раз необходимостью жить с драконами в мире. Каждая новая династия первым долгом обеспечивает содержание этим своим подданным, ибо последствия

драконьего бунта нетрудно себе представить…

Почва Китая не более плодородна, чем европейская, и подножный корм для огромных стад обеспечивается благодаря издревле принятому порядку. Пастухи, пригоняя скот в города и селения, возвращаются назад с драконьим навозом, представляющим собой очень ценное удобрение. Причины столь высокой его полезности еще не изучены современной наукой, но китайские скотоводы, как я недавно узнал, работают во много раз продуктивнее наших. На Западе упомянутое средство не применяется вследствие сравнительно малой численности драконов и удаленности мест, где они обитают.

Второй роман влечет за собой новые сомнения и тревоги. В первую очередь я приношу благодарность моим редакторам Бетси Митчелл («Дель Рей»), Джейн Джонсон и Эмме Гуд («Харпер-Коллинз»), за их ценные советы и тонкую интуицию. Благодарю также мою команду бета-читателей, неизменно поддерживающую меня: Холли Бентон, Франческу Коппа, Дану Дюпон, Дорис Иген, Диану Фокс, Ванессу Лен, Шелли Митчелл, Джорджину Патерсон, Сару Розенбаум, Л. Салом, Миколь Садберг, Ребекку Ташнет и Чжоу Вэ Цзен.

Спасибо моему надежному литагенту Синтии Мэнсон, спасибо родным, на чей энтузиазм я всегда опираюсь. Мне безмерно повезло с домашним читателем номер один — моим мужем Чарльзом.

Особая благодарность Доминику Хармену за великолепные обложки для американских и британских изданий; его способность оживлять моих драконов невыразимо восхищает меня.